

Михаил Лакербай

АБХАЗСКИЕ НОВЕЛЛЫ

**Перевод с абхазского
автора и С. Трегуба**

Абгосиздат
Сухум 2014

ББК 84(5А6х) 6-44
Л 28

Лакербай, М. А.
Л 28 **АБХАЗСКИЕ НОВЕЛЛЫ.**

Абгосиздат. Сухум, 2014. – 424 с.

В сборник известного абхазского писателя Михаила Лакербай (1901–1965) вошли новеллы из жизни абхазского народа, раскрывающие его понимание добра и зла, доблести и трусости, великодушия и низости, верности и предательства. Новеллы согреты теплом и человечностью, вековой мудростью народа, претерпевшего на своем историческом пути немало невзгод.

ББК 84(5А6х) 6-44

© Абгосиздат, 2014

ГОСТЬ

Старый Ханашв Цугба сидел под чинарой во дворе своей пацхи и шил из сыромятной кожи чувяки своему единственному сыну — юноше Темуру.

Залаяла собака. Старик поднял голову и увидел молодого незнакомого ему человека; тот, не добежав до калитки, перескочил через забор: видно, очень спешил. Увидев старика, он бросился к нему и, на ломаном абхазском языке, стал умолять спрятать его. Произношение выдавало в нем черкеса.

— Погоня, — волнуясь, сказал он. — Спаси меня, укрой! Если нагонят, меня убьют.

— Заходи в дом! — быстро ответил Ханашв и ввел гостя в пацху. Приставив к стене лесенку, он указал на чердак.

— Полезай, дад! Устройся в углу на куче шерсти. Будь спокоен: у меня ты в безопасности.

— Да будет безмятежна твоя старость! — благодарно пробормотал гость и поспешно влез на чердак.

Старик вышел во двор и, убедившись, что там никого нет, вернулся в пацху. Стоя внизу, он сказал:

— Ты не бойся, дад! Никого не видно. Наверное, никто не заметил, как ты ко мне забежал. Но скажи — кто за тобой гонится и почему?

— Я убил человека. Его друзья погнались за мной, чтобы отомстить за него.

— За что же ты убил?

— Он оскорбил меня: он хлестнул нагайкой моего коня на джигитовке!

— Кого же ты убил? Как его имя?

— Не знаю. Я ведь впервые в вашем селении...

В этот миг опять неистово залаяла собака, и оба они застыли в испуге.

— Тише! Я пойду посмотрю, — негромко предупредил старик и вышел во двор.

Вдалеке из-за бугра показалось несколько человек, вслед за ними двигалась толпа. Старик заслони ладонью глаза от солнца и начал всматриваться. Теперь уже была ясно видна вереница приближающихся к его дому людей. Они двигались медленно, не спеша.

«Это не за ним ли, за убийцей?» — подумал старик и приготовился грудью защищать гостя.

Но вот несколько человек, опередив других, отворили калитку и вошли во двор. Вслед за ними хлынула толпа.

И тут Ханашв увидел, что на руках у людей лежала тяжелая, завернутая в бурку ноша, поддерживаемая со всех сторон.

При виде знакомой бурки у старика потемнело в глазах. Точно полоснули его по сердцу кинжалом.

Из толпы выступил убеленный сединами старик Ашвью Абидж, его сверстник и друг, и сказал:

— Крепись, Ханашв! Тебя постигло сегодня великое горе. Но нет ничего на свете, что с течением времени не ослабевало бы. Не ты ли всегда учил нас: чем сильнее у человека характер, тем крепче выдержка, — особенно в горе? Сегодня неизвестным черкесом убит твой Темыр!

У старика подкосились ноги. Он схватился за сердце и, наверное, упал бы, если бы люди не поддержали.

Плач и крики женщин огласили двор.

Двое суток пролежало бездыханное тело его сына на тахте в пацхе.

И двое суток под разными предложениями поднимался старик на чердак, чтобы отнести еду гостю-черкесу.

На третьи сутки, похоронив убитого, товарищи Теме́ра возвратились вместе с Ханашвом во двор. До позднего вечера они сидели со стариком.

— Мы знаем, — сказал один из юношей, самый любимый сверстник Теме́ра и неразлучный его друг, — все вместе мы не сможем заменить тебе сына. Но мы разделим с тобой горе. Каждый день мы будем тебя навещать, как будто все еще жив наш Темыр, и во всем будем тебе помогать.

— Даем тебе слово, — добавил другой, — что отомстим убийце. Черкес ловко прячется. Он ускользнул от нас в лесу, и, наверное, здесь, где-то рядом, кто-то его умело укрывает. Но мы разыщем его и убьем. Скоро, очень скоро ты об этом узнаешь. Может быть, хоть это немного успокоит тебя.

Слова их, произнесенные торжественно и решительно, громко прозвучали в пацхе.

И друзья Теме́ра ушли.

Безутешный старик огляделся, нет ли кого поблизости, наполнил дорожную сумку едой, приставил лесенку к чердаку и позвал черкеса.

— Сойди, мой гость! Сойди! Здесь нет никого. Все ушли.

И когда черкес спустился, старик дрожащей рукой протянул ему сумку.

— Возьми, — сказал он. — Здесь еды на два дня. Поспешి домой, дад! Лесом ближе пройти к перевалу. Ночь темна, тебя никто не увидит.

Низко-низко склонился перед стариком гость и приложил к губам край его черкески. Потом выпрямился и, не сказав ни слова, вышел из пацхи.

НЕУДАЧНЫЙ МОМЕНТ

Тот, кто жывал в горах, знает, как быстро после захода солнца темнеет в ущельях меж скал, особенно в поросших густым лесом горных долинах, и как черна бывает здесь ночь.

Одна из таких ночей опустилась на горную долину Уадхару. Было так темно, что, как говорят абхазы, не видишь под носом и жерди, грозящей проткнуть тебе глаза.

Двадцатилетний Алиас Гуны тихо вышел из лесу и бесшумно подкрался к усадьбе Гедлача. Он перелез через забор, никем не замеченный перебежал двор и, нащупав заднюю глухую стену пацхи, спрятался в густых зарослях росшей здесь бузины.

Все обошлось очень удачно, и Алиас вздохнул с облегчением: наконец-то он у цели! Пора ему рассчитаться с Гедлачом. Два дня и две ночи прошло с тех пор, как Гедлач Капш убил родного его брата — Гудису, а убийца все еще не застрелен. Слишком долгий срок для такого лихого джигита, как Алиас! Правда, тело брата еще не предано земле, еще несутся к небу плач и стенания женщин...

Хорошо бы убить Гедлача раньше, чем опустят тело в могилу. Иначе как Алиас явится на похороны брата? С каким лицом? Алиас зажмурился и ясно представил себе полные укоризны, сверлящие взгляды близких, направленные на него, Алиаса.

Недаром сложили песню о Сеиде Аргуне из села Аацы, недаром прославляют его. У Сеида убили брата ночью, и в ту же ночь он отомстил. Он не дал убийце дожить и до восхода солнца. Да, вот это была удачная месть. Недаром поется о ней в песне.

А о нем, Алиасе, не сложат песен. Но разве мало охотился он за Гедлачом эти дни и ночи? А его все нет и нет, точно испарился. Ни дома, ни в лесу, ни на селе. Как хитро прячется, проклятый! Видно, знает, что ему несдобровать!

Надо, однако, как можно скорее с этим покончить! А то еще, чего доброго, аацынские девушки ославят его в песне «Шаратын», навеки покроют его имя позором...

Внезапно в пацхе послышались голоса. Алиас прислушался и несказанно обрадовался: он узнал голос Гедлача. Гедлач дома!

Но как выманить его во двор? Нельзя же стрелять, пока он в пацхе, так можно ранить жену или детей. Ведь это тоже грозило позором...

Алиас осторожно отодвинул хворостину в стене и, пригнувшись к щели, прищуренным глазом, стал напряженно всматриваться.

В пацхе царила полутьма. Тусклые отблески мерцавшего в глубине очага освещали табуретку и скамью, выделявшиеся в едва различимом свете черными силуэтами. Голоса затихли. Видимо, семья отужинала и улеглась спать.

Алиас решил подождать до утра.

Потянулась мучительно долгая ночь. Не смыкая глаз, Алиас напряженно прислушивался к тому, что творится в пацхе и в окружающем мраке. Он старался не шелохнуться: милейшее неосторожное движение могло выдать его хозяйским псам.

Была еще глубокая ночь, когда внимание Алиаса привлек шорох внутри пацхи. Почти одновременно тьму прорезала тоненькая полоска света. Алиас припал к щели: перед ним в одном белье расхаживал по пацхе Гедлач и, держа в руке зажженную свечу, что-то искал. Очевидно, найдя то, что искал, он сел посреди пацхи на скамью у очага, прилепил перед собой на край скамьи восковую свечу и, устроившись поудобнее, принялся резать табак. Алиас ясно видел лицо врага.

«Сама судьба поставила его передо мной», — подумал Алиас.

Он быстро просунул в щель дуло ружья, взвел курок и стал целиться...

— Что ты делаешь, безумный? Скорей туши свет! — донесся до него испуганный голос проснувшейся жены Гедлача.

— Спи, спи, не бойся! — ответил ей Гедлач. — Ничего не случится!

«На миг раньше, на миг позже, не все ли равно?» — подумал Алиас и с любопытством стал прислушиваться к голосам в пацхе.

— Скорей туши свечу, — торопила жена. — Зажег ее, поставил прямо перед собой. Ведь если где-нибудь поблизости бродит Алиас, то это для него самый подходящий момент.

— Ошибаешься! — возразил ей Гедлач. — Момент как раз самый неподходящий.

— Почему?

— Ты что же, думаешь, я не знаю, что Алиас день и ночь, уже двое суток, охотится за мною, чтобы отомстить мне за брата? Знаю и то, что Алиас — отважный и смелый джигит.

— Вот видишь! — вскрикнула жена.

— Подожди. Послушай, что я тебе скажу. Я знаю и то, — спокойно продолжал Гедлач, повернувшись в ее сторону, — что Алиас Гуны славится как настоящий ахаца. Не станет такой ахаца стрелять в безоружного, когда тот в одном белье и только что покинул постель. Так что, видишь, это самый неудачный момент для Алиаса.

И Гедлач продолжал, как ни в чем не бывало, резать табак.

Алиас вытянул из щели ружье, бесшумно опустил курок и, плюнув с досады, покинул свое место у пацхи.

АРГУН СЕЙДЫК

Была темная осенняя ночь, и за стенами пацхи немолчно барабанил дождь. Внезапно во дворе раздался яростный лай собак, и, перекрывая его, до Джарназа донесся крик:

— Эй, хозяин!

Эш Джарназ поспешил навстречу гостю и, к великой радости, узнал в нем своего старого закадычного друга.

— Это ты, Кучита? Вот обрадовал! Добро пожаловать! Заходи, заходи сюда! — суетился Джарназ. — Наконец-то ты вспомнил обо мне.

Он ввел друга в дом и познакомил со своей молоденькой женой.

— Принимай гостя! — сказал он жене. — Мы с ним друзья детства, вместе воспитывались у нашего учителя, уважаемого всеми Аргуна Сейдыка.

Женщина принялась готовить ужин, а друзья, уютно устроившись, начали вспоминать свое детство, советы и наставления старого Сейдыка. Сладко им было поговорить о былом.

— А как живет Сейдык? — спросил Кучита. — Давно я его не видел, не меньше восьми лет.

— Нехорошо! — заметил Джарназ. — Совсем забросил старика. А он каждый раз спрашивает, все интересуется тобой. Я его часто навещаю.

— Ну, тебе ближе, — оправдывался Кучита. — А я ведь живу от него так далеко! Редко приходится приезжать в эти места. Да и теперь, если бы не важное дело...

— Если бы не это важное дело, ты бы и не вспомнил обо мне? — упрекнул друга Джарназ. — Что же это за дело? Кстати, как твоя женитьба на Назире?

— В том-то все и дело, Джарназ. Родители дали наконец согласие, а она сама, понимаешь, упрямится!

— Почему же? Раздумала, что ли?

— Нет. Но она требует от меня почти невозможного.

— Чего же?

— Джарназ, ты видел вороного коня Арыша Хабуга?

— Ну, конечно, видел. Ведь это лучший конь в нашей округе.

— Да, Джарназ. И надо было, чтоб на чьих-то поминках во время джигитовки Назира увидела этого коня. Чего только ей не наговорили о его достоинствах!

И с тех пор Назира вбила себе в голову только одно: не выйдет за меня замуж, пока конь не станет моим.

— Вот если б этот конь достался тебе, — сказал сочувственно Джарназ, — хотел бы я посмотреть, как ты гарцуешь на нем. Но ведь Хабуг его ни за что не уступит!

— Знаю, — подтвердил Кучита. — Чего я только не предлагал ему! Не берет. «Не продам, говорит, ни за что на свете». Так уж он гордится своим конем...

— И правильно гордится. В жизни не знал я чувства зависти, а Хабугу, поверишь, завидую. До чего хорош

коня! Что и говорить!.. Ну, и что же ты решил? — спросил Джарназ.

— Увести коня! — твердо произнес Кучита.

— Хабуг лишится рассудка, — сказал Джарназ. — Он обрыщет весь белый свет и не успокоится, пока не найдет свое сокровище.

— У меня-то не найдет, — уверил Кучита. — Так упрячу, что сам черт не отыщет! Погарцую тайком — только перед Назирой. А потом я так изменю коня, что никто его не узнает: сделаю другое тавро, срежу роскошную гриву.

— Да, не такое уж это, в конце концов, невыполнимое дело, — согласился Джарназ. — Только раньше надо заполучить коня.

— Затем-то я к тебе и приехал, Джарназ, — сказал Кучита и, придвинувшись к другу, продолжал тоном заговорщика: — Вы соседи с Хабугом, ты, наверное, знаешь все ходы и выходы в его усадьбе. Проведи меня. Я сделаю все, что ты скажешь. Жизни не пожалею, а своего добьюсь!

Долго молчал Джарназ.

— Нет, придется идти мне самому, без тебя, — решил он. — В таком деле, чем меньше людей, тем лучше. Хабуг надежно охраняет своего коня. Псы у него злые, никого ко двору не подпустят.

— Тебе видней, Джарназ. Я во всем тебе повинуюсь.

Ужин тем временем поспел, и друзья сели к столу. Они пили и ели, один за другим поднимали тосты за молодую хозяйку Асию, за упрямицу Назиру, за учителя, старика Сейдыка, за успех предстоящего дела.

После ужина Джарназ обратился к жене:

— Постели постель, Асия! Устрой хорошо нашего дорогого гостя. Я уезжаю по неотложному делу, постараюсь вернуться к утру. А ты, — сказал он гостю, — ложись и отдыхай спокойно.

Джарназ плотно завернулся в бурку и, выйдя из пацхи, бесшумно скрылся в темноте.

Нелегким оказалось дело, затеянное Джарназом! Мы не станем сейчас рассказывать, с каким трудом в непогоду пробрался он незамеченным в село, где жил Арыш Хабуг, как обманул псов и проник в его двор и конюшню. Заметим лишь: если уж брался за что-нибудь Джарназ, то непременно доводил начатое до конца. Таков был у него характер. Это был смелый, ловкий и удачливый джигит.

Рассветало, когда Джарназ вернулся домой.

Но едва он раскрыл двери и переступил порог пацхи, как его поразила неожиданная картина: на кровати, развалясь, храпел Кучита, а у окна в углу робко жалась Асия; длинные ее волосы были распущены, одежда разорвана... Обнаженные плечи Асии судорожно вздрагивали, по щекам катились слезы.

Сердце Джарназа мучительно сжалось: он понял все, что произошло в эту долгую тяжелую ночь. Но он не проронил ни слова. Подошел к кровати и энергично толкнул гостя в плечо. Кучита открыл глаза — и обомлел от испуга.

— Вставай, Кучита! — услышал он недобрый голос Джарназа.

Кучита вскочил и начал торопливо одеваться. В комнате их было трое — и сколько бы мог сказать каждый из них! Но они молчали.

Джарназ протянул гостю его нагайку.

— Возьми, — холодно бросил он. — Конь Арыша Хабуга, оседланный, ждет тебя в хлеву. Там же и твой конь.

Терзаемый стыдом, взял Кучита протянутую нагайку и вышел из пацхи. Когда он выезжал уже со двора, Джарназ неожиданно крикнул:

— Стой, Кучита! — Он подошел к нему вплотную. — Я ничего не сделаю с тобой — ты мой гость. Только прошу об одном: поезжай к нашему старому учителю Аргуну Сейдыку и расскажи ему все, что произошло в эту ночь. Это единственное, о чем я тебя прошу. Исполнишь?

— Исполню, — глухо ответил Кучита.

И они расстались.

Вернувшись домой, Кучита укрыл в надежном месте коня Хабуга и снова отправился в путь: он ехал к старому Аргуну Сейдыку.

...Внимательно слушал учитель своего бывшего воспитанника. Трубка давно погасла в его руках. Он слушал и думал.

— Да-а, — наконец вымолвил он. — Правильно поступил Джарназ, послав тебя ко мне, — ко мне, тебя воспитавшему. В том, что ты оказался способным совершить подлый, бесчестный поступок, виноват не только ты. В этом прежде всего виноват я. Видно, не сумел воспитать из тебя благородного человека!

Кучита стоял, опустив голову. Он еле держался на ногах.

— Да, правильно поступил Джарназ, послав тебя ко мне! — повторил старик, и расслабленный голос его окреп. — Это я, я виноват, и я должен ответить за твой подлый поступок!

И, достав пистолет, Аргун Сейдык решительно приставил дуло к своему виску.

Юноша бросился к учителю, но было уже поздно...

ОТЕЦ

Таркил Шьяаб имел единственного сына, звали его Ардашин. Почтенный был человек Шьяаб, умный, добрый и справедливый. Его уважали все. А сын выдался не в отца.

Рано лишившись матери, Ардашин был отдан на воспитание родственникам. Многочисленное и воинственное племя Таркил жило неподалеку от нынешнего Нового Афона в горном селении Таркил-Ахуца. Сын Шьяаба воспитывался здесь до двадцати лет. Он часто навещал отца, который не чаял души в сыне. Баловали его и родственники. Ардашин не знал ни в чем отказа.

А излишние ласки и любовь без меры всегда доведут до беды.

Однажды мимо дома Таркила Шьяаба, расположенного у самого моря в селе Псырцха, проезжала группа всадников-бзыбцев. Они возвращались со свадьбы, все были навеселе и распевали задорные песни.

Их поведение разозлило Ардашина: он усмотрел в этом непочтительность к дому своего отца. И хотя старого Таркила Шьяаба дома не было — он уехал погостить

в Самурзакан, юноша до того рассвирепел, что встал на дороге и приказал всадникам замолчать. Но бзыбцы не обратили на него внимания и продолжали петь. Тогда Ардашин выхватил пистолет и, недолго думая, выстрелил в бзыбцев. Пуля, к счастью, не задела никого из всадников. Она попала в голову одного из коней, конь рухнул наземь, а разгневанный всадник ответным выстрелом убил Ардашина, наповал.

Весть о гибели сына Таркила Шьяаба мгновенно облетела всю округу. Поднялись на ноги все люди из рода Таркил. Бзыбцы погнали коней, чтобы скрыться, однако их настигли, обезоружили и пригнали обратно в Псырцху. Здесь их заперли в подвал, и гонец поскакал с печальной вестью в Самурзакан.

Убийца Ардашина принадлежал к роду Цвижба, тоже многочисленному и сильному.

Все Цвижбовы, способные носить оружие, поднялись на защиту своего сородича. Верхом, вооруженные, поскакали они в Псырцху.

По обеим сторонам реки расположились, как на войне, друг против друга, люди двух фамилий. На правом берегу — Цвижбовы, на левом — Таркилы. Вот-вот должна начаться кровавая схватка.

Но ей помешал возвратившийся Шьяаб.

Он подробно расспросил всех о происшедшем. Потом, после долгого раздумья, старик пригласил на свой двор десять представителей из рода Цвижба и столько же из рода Таркил. Когда все собрались, Шьяаб приказал развязать бзыбцев и привести их вместе с убийцей. Все с напряжением ждали, что скажет Таркил Шьяаб.

И вот он заговорил.

— Мой любимый сын Ардашин сам виноват в своей гибели, — неожиданно для всех сказал старик. — Но не меньше виноваты и мы, уважаемые мои родственники. Плохо воспитали мы Ардашина. С его характером он все равно не смог бы прожить. Трудно было Цвижбовым сдержаться.

Он помолчал, потом повернулся к убийце:

— Юноша Цвижба, как зовут тебя?

— Ардашин, — проговорил тот упавшим голосом.

— Ардашин? — удивленно переспросил старый Таркил Шьяаб. — Я усыновлю тебя, Ардашин. Был у меня свой Ардашин — и будет. Хочешь ли ты заменить мне погибшего сына!

— Я сирота! — воскликнул бзыбец и бросился к старику. — Моего отца убили, когда я еще был младенцем. Я не помню его. Клянусь любить тебя, как родного отца! Любовью и уважением я искуплю свою огромную вину перед тобою.

И юноша стал целовать руки старика.

Тогда, заключив его в объятия, Таркил Шьяаб прослезился, впервые, быть может, за всю свою долгую жизнь.

ПУШИНКА

— Нет, не пойду к ним больше. Это плохо кончится, — в сотый раз твердил себе Хиб Шоудыд, возвращаясь от Харази Манчи домой.

Но другая неотступная мысль помимо воли преследовала его: «Пойдешь, непременно пойдешь. Ты ведь не можешь не пойти, ты не в силах устоять — слишком соблазнительна и прекрасна Шазина».

В нем боролись два чувства: неудержимая, растущая день ото дня страсть к Шазине и чувство долга перед мужем ее — Манчей. Манча всегда так искренне, так доверчиво относился к нему. Но чары Шазины не давали Шоудыду покоя, его страсть вспыхнула с такой силой, что он почти утратил власть над собой.

Было поздно, когда Шоудыд подошел к своему дому. Все спали. Не зажигая свечи, чтоб никого не будить, он тихо разделся и юркнул в постель. Долго не мог он уснуть: образ Шазины продолжал преследовать его, и страсть бушевала в его сердце.

— Что же будет? — спрашивал он себя, и мрачные мысли одна за другой теснились в его разгоряченном

мозгу. Он думал, решал и снова думал. Наконец перед самым рассветом, приняв, очевидно, окончательное решение, он забылся тяжелым сном.

Несколько дней не видели его Шазина и Манча.

Их удивило его отсутствие: прежде не было дня, чтобы Шоудыд под тем или иным предлогом не зашел к ним. Наконец он явился.

После обычных приветствий Шоудыд сказал:

— Арстаа Маф, пастух из Чагям, передал, что на скале Багада бродит огромный, как буйвол, медведь. Я решил поохотиться. Ты не пойдешь со мной? — обратился он к Манче.

— С радостью, — отозвался тот. — Давно я мечтал помериться силами с таким знатным гостем. — И весело обратился к Шазине: — Если удастся с ним встретиться, ты будешь по утрам, спуская ноги с кровати, ступать на мягкую и пушистую медвежью шкуру. Ведь она покрывает весь пол в твоей комнате!

— Правда? — лукаво улыбнулась Шазина. — А если с медведем не справится? — И она уже с тревогой посмотрела на мужа.

— Ну что ты! У скалы Багада и моста через пропасть очень удобно будет перехватить зверя, — успокоил жену Манча. — Скорей же собирай меня в путь! Ведь это займет у нас не меньше двух дней? — спросил он Шоудыда.

— Да, конечно.

Шазина быстро собрала все, что нужно, и проводила охотников, пожелав им успеха.

Был уже полдень, когда друзья прошли багадский мост и достигли скалы. Они не стали делать привала: не было еще нужды в отдыхе, к тому же обоим хотелось как

можно скорее встретиться с медведем, пока он не ушел в горы. И они начали подъем.

— Он, должно быть, пришел сюда из Амткял, — карабкаясь на скалу, сказал Манча. — Там водятся дикие медведи.

— А возможно, из Журги, — отозвался Шоудыд. Охотники долго брали крутой подъем.

— Мне хорошо знакомы эти места, — заметил Манча. — Здесь я часто бывал во время охоты. Знаешь, с долин сюда долетают пушинки. — Манча указал на облака белых пушинок, окутывавших скалу.

— Это тополя цветут внизу в долинах. Иногда здесь пушинок плавает такое множество, что они мешают разглядеть дичь.

Друзья добрались наконец до небольшой каменной площадки. Они приставили ружья к скале и присели отдохнуть. Кругом высились дикие кручи, кое-где поросшие мхом и мелкоколесьем. Далеко внизу, в долинах, виднелись тополя, и пушинки белыми облаками подымались к небу. В глубокой низине клочкотал Кодор, глухо доносился сюда шум его бурных вод.

Манча вытянулся на спине.

— Ты не очень вытягивайся, — с напускной озабоченностью предупредил Шоудыд. — Не удержишься и сорвешься в пропасть. Далеко ли до беды?

А сам подумал: «Тогда б дело обошлось значительно проще».

— Пустяки! — беспечно ответил Манча. — Помню, на совершенно отвесной и голой скале Эрцаху я загнал серну и взял живьем. Если я там не сорвался, то уж тут наверняка не сорвусь. Здесь по сравнению с Эрцаху — ровное поле.

Он засмеялся.

— «Несчастье может оказаться и в ахампале», — привел Шоудыд абхазскую пословицу.

— Здесь не случится несчастья, — спокойно ответил Манча.

Но несчастье все же случилось.

Глубокой ночью Шоудыд сообщил жене Манчи Шазине страшную весть о гибели мужа. На ее горестные крики и причитания собралось все село.

Возле Шазины сидел Шоудыд и скорбно рассказывал людям:

— Он погнался за серной в горах. И не успел я подойти, как он сорвался со скалы и полетел в пропасть.

Люди отправились в горы, обыскали все кругом, но не нашли тела Манчи. Все решили, что он упал в узкую щель меж утесами в непроходимую пропасть.

Целый год горевала Шазина по мужу. Целый год ходил к ней Шоудыд. Как он был предан памяти друга! Как он был добр, как щедр, как умел одарить несчастную вдову, сколько проявлял внимания и чуткости!

Шоудыд сумел понравиться ей. Исползволь, обдуманно готовил он почву, — и настал день, когда Шоудыд признался Шазине в любви и предложил выйти за него замуж.

Не сразу согласилась Шазина. Верная памяти мужа, долго колебалась она. Но, уступив уговорам родных и друзей, в конце концов, дала согласие. Через месяц Шоудыд ввел в свой дом столько лет любимую женщину.

Безмерно ласковым и внимательным мужем был Шоудыд, и Шазина привязалась к нему.

Так прошел еще год.

Как-то Шоудыд заснул на веранде. Рядом сидела Шазина и берегла его сон. Шоудыд спал беспокойно, что-то бормотал и вдруг проснулся.

В воздухе носилось множество белых пушинок от цветущих неподалеку тополей.

— Сколько пушинок! — тревожно произнес Шоудыд, глядя ввысь.

— Да, — отозвалась Шазина, подняв глаза к небу.

— Сегодня почему-то особенно их много, — повторил так же тревожно Шоудыд.

— Да, много, — сказала, улыбнувшись ему, Шазина. — Ты даже говорил об этом во сне. Я прислушалась, но ничего не могла разобрать, кроме слова «пушинка». Ты повторил его несколько раз. Ты видел пушинки и во сне?

Женщина погладила его красивый открытый лоб, словно желая прогнать видение. Шоудыд притянул ее к себе и поцеловал...

— Да, — сказал он. — Я видел во сне пушинку.

— Пушинку? Только одну?

— Только одну, — ответил он и закрыл глаза. — Большую и очень страшную.

— Чем же страшную? — удивилась Шазина, нежно глядя его лицо.

— Не спрашивай, дорогая.

— Почему же?

— Нельзя. Этот сон, вернее, пушинка натолкнула меня на неприятное воспоминание.

— Тогда ты непременно должен рассказать мне все, — настаивала Шазина.

— Но ты разлюбишь меня?

— Я могу разлюбить тебя только за настоящее. За прошлое — нет.

— Но поймешь ли? Простишь?

— Прощу. Ведь все это было раньше? До того, как я стала твоей?

— Ну, конечно же, раньше. К тому же я это сделал, — Шоудыд понизил голос, — только из-за любви к тебе.

— Тем более!.. Расскажи!

Шоудыд закрыл глаза.

— Я полюбил тебя давно, — тихо заговорил он. — Помнишь, Шазина, как часто я бывал у вас? Я сходил с ума от страсти к тебе, я ревновал и страдал, видя, как Манча ласкает тебя и ты отвечаешь ему... И пришла пора, когда я понял, что не могу жить без тебя, что, если ты не станешь моей, я сойду с ума. И тогда я понял всю глубину народной поговорки: «Не узнает счастья один, если не умрет другой». И я решил... Он умолк, страшась своих слов.

— Ты решил? Что? — услышал он Шазину. — Что же дальше?

Долго молчал Шоудыд.

— В ту ночь я сказал неправду, — с трудом выговорил он. — Манча погиб не случайно. Мы действительно поднялись на скалу Багада и, устав, сели отдохнуть на ровной площадке. Манча вытянулся на спине. Я воспользовался...

Шазина вздрогнула. Она убрала свои руки, обнимавшие мужа, и схватилась за голову.

— А над скалой, помню, как сейчас, — продолжал Шоудыд, — летели пушинки... Над скалой и над нами... «Зачем ты убил меня? — спрашивал он, умирая. — Что

я сделал тебе плохого?» — говорил он и смотрел мне в глаза. Я не выдержал его взгляда и отвернулся. «Понимаю, — сказал он, — я догадывался... Значит, я не ошибся... Ты любишь Шазину... Я знал, я это видел... по твоим глазам... когда ты приходил к нам и смотрел на Шазину... Теперь ты убил меня... Ты думаешь, никто никогда не узнает? Нет, пушинки, вот эти пушинки расскажут все обо мне! Преступление, а особенно подлое, никогда не скроешь... И в поговорке сказано: «Если не выдадут люди — выдадут листья». Я умру, но увидишь, — тут последние судороги прошли по его телу, — пушинка выдаст тебя...» Он умер. Я столкнул его в пропасть.

Шоудыд выпрямился и глотнул воздух, точно задышался. Потом сказал:

— А сейчас мне привиделся сон. Будто мы сидим с тобой вдвоем в тени большого тополя... И вокруг пушинки... Мы с тобою смотрим и любимся ими... Вдруг одна пушинка стала расти, подлетела к нам, и из нее выглянуло лицо Манчи. В его больших сверлящих глазах я прочел: «Зачем ты убил меня? Если не люди, то пушинка, пушинка выдаст тебя...» А потом пушинка улетела, стала маленькой, смешалась с другими. Я смотрел ей вслед, но не мог отличить ее от других и все звал: «Пушинка, пушинка!..»

Не подымая головы, безмолвно сидела Шазина.

— Я ведь это сделал из любви к тебе... Страсть помрачила мой разум. Только так я мог добиться твоего сердца. Ты простишь мне, Шазина? — в отчаянии молил Шоудыд. Он протянул к ней руки, пытаясь обнять.

Но Шазина оттолкнула его.

— Такую подлость никто не простит! — Она поднялась и пошла в пацху.

Шоудыд откинулся на подушки.

— Встань! — крикнула Шазина, тотчас показываясь на пороге с ружьем. — Получай, что заслужил! Мщю за Манчу!

ВРАГИ

Они не были родными братьями, а жили, как братья. Но вот в их отношения вмешались досужие люди. Злой клеветой опутал их обоих. Один из друзей не сдержался и бросил угрозу в адрес другого. Мгновенно ее, конечно, передали. Второй тоже не сдержался и ответил угрозой.

И вот Ксыс Шларба и Кумф Смырба стали врагами.

Близкие им люди пытались примирить их. Но эти старания ни к чему не привели: каждый считал себя кровно обиженным, и каждый дал клятву кровью врага смыть нанесенное оскорбление.

Те же досужие люди передали Ксысу, что Кумф устраивает засады, чтобы убить его. Ксыс проверил и убедился, что Кумф действительно охотится за ним. Тогда и он решил убить Кумфа. Выхода не было: один из них должен был умереть.

Однажды, возвращаясь из лесу домой и опасаясь засады, Кумф свернул на узенькую тропинку, по которой никто обычно не ходил. Он медленно пробирался вперед и неожиданно наткнулся на лежавшего поперек

тропинки, тщательно укрытого ветками Ксыса. Дуло ружья Ксыса было обращено в ту сторону, где дорожка, по которой Кумф обычно возвращался домой, делала поворот. Затаив дыхание, Ксыс припал к ружью...

Все стало ясно Кумфу. Ксыс заметил его на проселочной дороге и был уверен, что тот вот-вот появится на повороте.

Что делать? Кумф схватился было за свой пистолет... Но отдернул руку и неожиданно для Ксыса и для самого себя спокойным и дружелюбным голосом спросил:

— Ты позволишь мне перепрыгнуть через тебя, Ксыс? Или, быть может, немного подвинешься?

Как тяжелые камни упали эти слова на голову Ксыса. Одним движением он сбросил с себя ветки и ошалело посмотрел на Кумфа.

— Вставай же, Ксыс! Ведь ты недалеко от моего дома, зайдем ко мне. Добро пожаловать!

И Кумф протянул руку, чтобы помочь Ксысу встать.

...На обед в доме Кумфа собралось много народу. С тех пор между ним и Ксысом опять установилась дружба — теперь на всю жизнь.

БРАТЬЯ

В тот день, когда все это случилось, с утра лил дождь. Горы были окутаны тучами. Только к вечеру они рассеялись.

После дождей горы становятся до того ясными и четкими, что кажется, будто они рядом — рукой до них подать, и будто они только что возникли. Воздух чист и прозрачен, как голубой алмаз. В такой час в горах каждый зверь радуется жизни, и косули выходят из лесных тайников на открытые поляны и скалы, чтобы оттуда посмотреть вниз, в долины. Об этом хорошо знают охотники и не теряют времени зря. Братья Кязым и Шарах слыли страстными охотниками. Не успело просохнуть крыльцо их дома, как они уже вышли с ружьями за плечами.

— Не ходите далеко, нан , скоро вечер! — крикнула им из окна мать.

Но разве знает охотник, надолго ли он идет и какой дорогой вернется домой? — Мы притащим тебе самую жирную косулю, мать, пожелай нам удачи! — откликнулся младший, Шарах, скрываясь за поворотом.

— Да сопутствует вам удача, нан! — сказала мать вдогонку сыновьям, но они уже не слышали ее.

Прямым путем, через лес, братья шли к скалистой горе Коначхир, самой высокой и самой отвесной во всей горной Абхазии. Много там дичи, но только хороший ходок, природный горец, сможет пройти по ее кручам.

Быстро добрались братья до подножия горы и узкой, козьей тропой, пренебрегая длинными, более отлогими обходами, начали подъем. Часто тропа обрывалась, возникала голая отвесная скала, и приходилось то ползти, то прыгать с выступа на выступ. Скоро охотники достигли тех мест, которых любят касаться облака и редко — нога человека.

Дикие кручи вздымались над ними, круто падали стены пропастей. Братья карабкались по карнизу над ущельем, и, если кто-нибудь из них случайно сталкивал камень, шум падения замирал внизу, не достигая слуха. Наконец они добрались до небольшой каменной площадки, образовавшейся после обвала. Узенькая тропинка вела отсюда вдоль отвесной скалы к лесистому склону — излюбленному месту косуль.

— Камень чист, — сказал Шарах, глядя вперед. — Значит, косули еще не приходили.

— Ты прав, — откликнулся Кязым. — Но они скоро здесь будут, мы опередили их.

— Они выйдут из лесу, — сказал Шарах и вновь посмотрел вверх.

Но впереди, кроме стройных высокогорных елей, казавшихся издалика синими, ничего не было видно. Шарах поднял глаза — над тропой кое-где среди неглубоких трещин скалы угадывались легкие выступы. Ша-

рах бросил взгляд вниз — там, в далекой глубине, лежала голубоватая дымка да яростно пенился омывающий скалу Коначхир горный поток Кодор. Площадка висела над глубокой пропастью.

«На этом самом месте погиб Шоуа Маф, — вспомнил Шарах. — Он карабкался за косулей по этой тропинке и сорвался. Даже костей его не нашли».

Братья наклонились над пропастью. Ветер рвал их башлыки и подола архалуков.

— Тише! — насторожился Кязым.

Сквозь посвист ветра и шуршание ящериц до него донесся легкий топот. Он приложил ухо к земле.

— Идут! — прошептал он, указывая в сторону леса.

Охотники залегли за ближайшей скалой. Пронеслось несколько мгновений томительного ожидания. Кому из охотников не знакомо это чувство?! Кровь кипит, но рассудок и воля укрощают дрожь твоей руки. Чем крепче держишься, тем вернее добыча...

Легкий топот козьих копытцев послышался совсем рядом, а затем пять косуль, одна красивее другой, выбежали на площадку. Коричневые, с белой линией вдоль спины, они отчетливо выделялись на фоне чистого неба.

Косули сгрудились на краю площадки.

Шарах, который лежал ближе к ним, хорошо видел, как одна из косуль стала к нему боком, словно испытывая его выдержку. Но он помнил непреложный закон охоты — первый выстрел принадлежит старшему.

Первым и выстрелил Кязым в ту самую косулю, которую наметил себе Шарах. Косуля подпрыгнула и исчезла за краем пропасти. Тотчас выстрелил и Шарах; но выбрать цель теперь было некогда; вспугнутые выстре-

лом Кязыма, косули шарахнулись назад, в сторону леса. Поэтому выстрел Шараха был неудачен, как и выстрел старшего брата. Вторая подбитая косуля пробежала по самому краю обрыва и также исчезла. Шарах мгновенно нагнулся к краю пропасти и увидел, как обе косули, кувыряясь в воздухе и ударяясь о выступы скал, падали вниз. Они быстро уменьшались и исчезли в горном потоке Кодора, над которым уже носились клочья вечернего тумана.

Шарах оглянулся. Кязым гнался за убежавшими косулями по карнизу в сторону леса. Не пробежав и половины пути, косули кинулись вверх по крутому склону, цепляясь за его выступы так, как это умеют делать, только горные козы. Кязым не отставал, и Шарах был готов поверить, что брат загонит одну из косуль. Она отбилась от стада и теперь металась от одной отвесной щели к другой, стараясь избавиться от своего преследователя. Шарах с возрастающим азартом следил за нею. И вдруг он заметил, что видимость резко ухудшилась, что стремительно набегают горная ночь.

— Кязым, вернись! — крикнул он.

Брат, не оглядываясь, продолжал карабкаться вслед за косулей.

— Вернись, Кязым! — крикнул вновь Шарах. — Пора спускаться!

Ответа не последовало.

Но до слуха Шараха долетел голос брата:

— Проклятая косуля, скрылась, как шайтан, в расщелине.

Голос доносился издалека, и Шарах с трудом разглядел темное пятно, еле видимое в сгустившихся су-

мерках. И тут все скрылось с глаз — поднявшийся туман сразу окутал скалу непроницаемым покрывалом. — Не торопись, Кязым! — кричал теперь Шарах. — Подожди, пока рассеется туман. Не оступись в темноте.

Осторожно вдоль скалы он пробирался поближе к тому месту, где последний раз видел брата. Мелкие камешки, по временам сыпавшиеся сверху, остановили его. Он догадался, что Кязым, нащупывая путь, ползет вниз. Вскоре падение камешков прекратилось... Туман стал как будто рассеиваться, над головой проступили звезды. Но глаза по-прежнему не различали ничего — кругом стояла горная ночь.

— Кязым, а Кязым! Видишь ли ты выступы? — кричал Шарах, припадая к скале.

— Ничего не вижу..., — глухо донеслось сверху.

— Как же сойдешь теперь? Ответа не последовало.

— Как спустишься вниз? — громче повторил Шарах. Сверху упали слова — еще глуше и отдаленнее:

— Не знаю.

Сердце Шараха сжалось в тревоге за брата.

— А крепко ли ты держишься? — крикнул он, и голос его дрогнул.

Опять долгое молчание. Шарах подумал было, что слова его унесло ветром. Но вот сверху послышался голос Кязыма:

— Под ногой небольшой выступ... Только для одной ноги... другая в воздухе...

Слова долетали медленно, отрывисто. Казалось, они отделены одно от другого бездонной пропастью.

— Ну, а руки? — спрашивал Шарах. — Крепко ли держишься руками?

— Держусь пальцами одной руки...

И Шарах как бы почувствовал в эту минуту прерывистое дыхание брата, его тяжкие усилия...

— Кязым! — крикнул он умоляюще. — Сумеешь ли продержаться до утра?

— Не знаю... хватит ли сил...

— Надо найти силы, иначе...

Шарах не договорил.

— Постараюсь, — еле-еле расслышал он. — Спой мне песню... Мою любимую...

Шарах понял брата с полуслова. Кязым хотел, чтобы в эти часы, когда жизнь его висит на волоске, звучала песня о славном охотнике Озбакье, которому всегда сопутствовала удача. Но однажды он подстрелил шестнадцатирогого оленя, и тот, катясь с кручи, упал на Озбакью и увлек его с собой в пропасть. В пылу охоты Озбакья даже не успел и подумать о смерти.

Этой песней Кязым хотел, видимо, поддержать в себе дух отваги. Шарах запел и скоро услышал, как брат подпевает ему наверху.

В то время, когда братья пели, гору Коначхир облетала ночная птица, которая видит в темноте. Услышав голоса охотников, она на мгновение застыла на месте и увидела все, как было: на смертельной высоте над пропастью прижались к скале два человека. Один стоит на узком карнизе, другой висит над ним, обнимая скользкий камень. Оба поют — младший, подняв вверх тревожный взгляд, старший — прижавшись щекой к скале, словно ласкаясь к ней. Черный ветер играет концами их башлыков, полами архалуков и уносит песню вдаль.

Долго пел Шарах, пока не заметил, что Кязым замолк. Тогда Шарах запел песню героев.

И снова подтянул Кязым, и еще раньше, чем прежде, смолк. Понял тогда Шарах, что брата охватывает усталость, что сердце его просит отдыха, а это теперь — хуже всего.

— Кязым, не спеть ли нам еще песню? — крикнул он, но не услышал ответа.

Долго стоял Шарах и ждал, прислушиваясь. Наконец сверху послышался слабый голос, как бы стон:

— Шарах!.. Шарах... Если я погибну — береги мать... она стара... Ты один ей будешь опорой...

— Не сдавайся, Кязым! — прервал его младший брат. — Надо напрячь все силы и продержаться до рассвета. А на рассвете я срежу лозу и спущу ее тебе сверху.

— Да, если бы выдержать... Уже онемели пальцы, и я даже не в силах сменить ногу...

— Продержись как-нибудь!.. Вот показалась утренняя звезда! Мужайся, Кязым!

В это время ночная птица второй раз облетела гору Коначхир. Полет этой птицы не слышен, она всегда появляется там, где грозит смерть, и криком своим предостерегает о ней все живое. Облетая гору первый раз, она бросила братьям свой печальный крик, но тогда они заглушили его песней. Теперь в голосе птицы слышалось последнее предостережение.

Но недолго мог Шарах раздумывать о ночной птице. До него снова донесся голос Кязыма — на этот раз он прозвучал как предсмертный вопль:

— Все, Шарах, все кончено!.. Не могу больше... Я держусь на двух пальцах... Все усилия бесполезны... Стоит ли цепляться за жизнь, которой мне уже не видать?..

Кто может объяснить, что тут произошло с Шарохом? Чужая душа, говорят, потемки, и даже душу брата может окутать тьма, в которой ничего не прочтешь.

Шарах откликнулся во весь свой звонкий голос, и смысл его слов был столь неожидан, как если бы человека подменили.

— Я не ослышался? — кричал он. — Все кончено? Ты сейчас упадешь? Верно ли это? Ну, наконец-то! Как я рад!..

Ветер утих, и Кязым слышал даже стук приплясывавших ног Шараха.

— Значит, ты сорвешься и погибнешь, как Озбак, и даже костей твоих не найдут?.. Вот хорошо, наконец-то я дождался своего счастья!..

Шарах кричал так громко и так торопливо сыпал слова, что Кязым с трудом перекричал его:

— Эй, постой, что ты там мелешь? С ума, что ли, сошел? Чему ты радуешься?..

— Чему радуюсь? Твоей гибели! Я радуюсь ей, потому что она принесет мне счастье. Я ждал и не смел надеяться, все ободрял тебя. Но теперь, когда ты сам говоришь, что не сможешь удержаться, теперь мне нечего скрывать мою радость. Ты погибнешь, а Хабиба достанется мне! Да, она будет моей, Кязым, моей!..

— Что?! — взревел Кязым. — Повтори, что ты сказал!.. Может быть, я ослышался...

— Нет, ты не ослышался. Твоя невеста Хабиба будет моей женой. Ты стоял между нами, ты нам мешал. Ты старший брат, я должен был таить свое горе. И вот наконец сбываются мои надежды...

— Замолчи!.. — прервал его Кязым. — Ты заговариваешься, ты, я вижу, потерял от страха рассудок...

Братья ругались до рассвета. Рассеивался туман, и все явственнее выступали контуры гор, выступы и тропы на серой скале. А затем Кязым услышал голос над собой:

— Держи, Кязым!

Он поднял глаза и увидел Шараха — тот протягивал ему лозу, другой конец которой был привязан к большому камню.

Кязым оттолкнул лозу и стал высматривать, как бы ему выбраться. Но выхода не было.

— Держи, Кязым, — повторил Шарах.

И второй раз оттолкнул старший брат лозу. И лишь когда третий раз Шарах подал лозу, Кязым ухватился за нее и выбрался на тропу.

Встретились братья лицом к лицу.

— Кязым, я думаю, ты понял меня по-настоящему, — сказал Шарах. — Я видел, что ты слабеешь... Вспомнил поговорку Адзин Хаджарата. И я решил обозлить тебя...

Но не понял Кязым брата.

— Бессовестный ты! — закричал он. — Молчи! И слышать тебя не хочу!

— Хорошо, хорошо, я молчу, — безропотно сказал Шарах и умолк.

Кязым стал спускаться по тропинке вниз. Шарах шел за ним следом, как подобает младшему брату. Кязым остановился, снял чужак, чтобы вытряхнуть из него камешки. Шарах прошел вперед. Вот он увидел свое селение, дымок над родным домом и большую чинару, под которой они с братом играли когда-то. Первые лучи солнца упали на его лицо, и он с улыбкой обернулся к брату.

Заметив его улыбку, Кязым вспомнил прошедшую ночь. Гнев душил его. И он вскинул ружье... Когда рассеялся дым, он увидел только, как Шарах схватился за сердце и скатился в пропасть.

«Все обман, — думал Кязым, идя домой. — Хабиба клялась и обманула. Был брат, и нет его. И сам я легко мог погибнуть. Такова жизнь».

Будто перед чужим местом остановился он у своего дома.

— Нан Кязым, почему ты стоишь там и не входишь в дом? — спросила его старая мать.

Дрогнул Кязым и вошел в дом тяжелым шагом.

— Где Шарах? Разве он не с тобой был? — спросила мать.

Молчал Кязым. Мать закружилась вокруг него, и каждое ее слово терзало потемневшее сердце Кязыма.

— Он разбился? Упал? Говори!

— Он — махагья! Я сделал с ним то, что делают с махагья.

Упала старая мать на скамейку под чинарой и в кровь исцарапала свое лицо.

Во двор сбежались соседи. Пришла и Хабиба. Кязым поведал все, как было.

— Я не знаю, почему так сказал тебе Шарах, — молвила Хабиба, — но вижу теперь, что ты плохо обо мне думал. Не бывать нашей свадьбе! — И она ушла.

Мать задыхалась от гнева:

— Ты сам махагья! Ты — братоубийца! Уходи прочь!

У нее потемнело в глазах, и она упала.

Кязым увидел в толпе старика Адзин Хаджарата. И тут в его памяти ожили последние слова Шараха, и он подумал: «Почему брат упомянул имя этого старика?»

И словно в ответ на этот вопрос выступил вперед старик Адзин Хаджарат и сказал: — Бедная Ханжаж! Большое несчастье тебя постигло. — И, обращаясь ко всем, повторил часто произносимую им поговорку: «От большого горя человек лишается сил, а от большой злобы силы его удваиваются».

И от этих слов будто что-то зажглось в голове Кязыма. Только теперь понял он настоящую и страшную правду. Кязым поднялся и побрел со двора. Никто не проводил его.

Он ушел в горы, к тому самому месту, где убил Ша-раха.

Пастухи пасли неподалеку овец. Они слышали выстрел. Что-то тяжело свалилось в пропасть. Они подошли и увидели внизу мертвое тело Кязыма. Из ствола его ружья еще полз дым.

ДОРОГИЕ ГОСТИ

— Ты так часто навещаешь своих друзей в Абжове, так любишь погостить у них и развлечься... Почему же ты не пригласишь их к нам, в Отхару? Ведь они, наверно, хорошие юноши, если и расстояние тебе не помеха...

Так говорил старый Хаджарат своему единственному сыну Дауру.

— Ты прав, отец, — отвечал ему сын. — Все они хорошие юноши, мои дорогие друзья. А больше всех я люблю Мачиха из села Ткварчал. Не успею я появиться в тех местах, как он не отходит от меня ни на шаг. Он увозит меня к себе и долго не отпускает домой. Но как же мне пригласить их сюда? Я боюсь, отец, не придется ли мне перед ними краснеть. Сумеем ли мы принять их так, как они, в особенности Мачих, принимают меня?

— Не бойся, дад! — успокоил сына старый Хаджарат. — Пока жив я, твой старый отец, тебе не придется краснеть. Ничего не пожалею для твоих друзей. Сделаем все, что в наших силах. В обиде на нас они не будут!

— Они обещали приехать, отец! Вот соберутся вместе и приедут. Я так их люблю, так к ним привязан...

— Ладно, ладно, дад! Если приедут к нам, скажем: «Добро пожаловать!»

Но не дождался Даур дорогих гостей. В жарком споре на свадьбе он был убит.

Плачем и горестными причитаньями огласился двор старого Хаджарата. К ночи все утихло.

И тогда к воротам подъехала шумная ватага всадников.

— Дома ли хозяин?

— Где ты, Даур?

— Выходи, встречай гостей!

— Но разве мог подняться со смертного ложа Даур?!

— Ты так рано улегся спать? В таком случае, прости! Мы приедем в другой раз! — гремели наперебой веселые голоса.

Соседи Хаджарата, оставшиеся у него на ночь разделить со стариком горе, не знали, что отвечать. Один из всадников приоткрыл ворота, и вся веселая компания въехала во двор.

Навстречу всадникам вышел старый Хаджарат. Нарушая траурный обычай, он первым приветствовал гостей.

— Добро пожаловать, дорогие гости! — радушно произнес он. — Добро пожаловать! Нет Даура, но я здесь. Заходите в дом!

— А где Даур?

— Он уехал?

— Вернется сегодня?

— Заходите же в дом! — повторил старый Хаджарат. — Вы приехали издалека, будьте дорогими и желанными гостями. Завтра утром вы увидите сына. А пока пируйте с

нами, — неужели я, его отец, не сумею достойно принять друзей моего Даура? Что вы смотрите? — обратился он к людям, которые ночевали у него, в доме. — Встречайте гостей, возьмите у них из рук нагайки, уведите в стойла коней... Сюда, сюда, — говорил Хаджарат, вводя гостей в дом.

Всю ночь пировали друзья Даура, пели веселые песни и смеялись, опьянев от вина и обилия яств. Всю ночь не отходил старый Хаджарат от любимого друга Даура — Мачиха.

— Даур говорил нам, что отец его отлично танцует. Станцуйте же! — упрашивали они Хаджарата.

— Нет, мои милые, — отвечал Хаджарат, — ноги мои уже не пляшут. Видно, стар стал...

К утру уложили гостей спать. Долго спали они. Солнце уже поднялось, когда громкие стенания и женский плач снова огласили двор и дом Хаджарата.

— Что случилось? — испуганно спрашивали разбуженные юноши.

— Я сделал так, как хотел мой мальчик Даур, — сказал им старик. — Его уже нет, но он так долго ждал вас, так хотел встретить своих друзей достойно.

ДВЕ ДВЕРИ

«Больше семи лет мы не виделись с Мшвагу, — думал Шахан Купалба, приближаясь к дому друга своего детства. — Больше семи лет! Воображаю, что за встреча будет!»

Поглощенный этими думами, он подъехал к воротам и стал всматриваться: нет ли где поблизости хозяина?..

Веселая картина открылась его взору: красивый дом на высоких сваях, просторный, утопающий в зелени двор, на котором в изобилии копошилась разная домашняя птица — индейки, куры, гуси — и прыгали молоденькие телята, позади дома полный початков кукурузник, а рядом большой фруктовый сад. Все говорило о том, что у Мшвагу хорошо налаженное хозяйство.

«Мшвагу всегда был аккуратен и трудолюбив», — подумал Шахан.

Во дворе неистово залаяли собаки. На веранде появилась молодая женщина и, не сходя вниз, принялась ругать собак.

— Мшвагу дома? — крикнул ей Шахан и, не расслышав ответа, въехал во двор. — Мшвагу дома? — повторил он.

— Нету! — бросила женщина, продолжая стоять на веранде.

Шахан не спеша подъехал к коновязи и, спешившись, привязал коня. Он направился было к дому, уверенный в том, что женщина, по обычаю гостеприимства, сбежит с веранды, чтобы встретить его на полпути, но, к его удивлению, она не двинулась с места. Тогда Шахан повернулся и, хотя собаки продолжали лаять все яростней, подошел к развесистой тенистой чинаре и уселся на прилаженную к стволу дерева скамью.

Женщина нехотя спустилась с веранды и, отгоняя собак, подошла к гостю.

— Добрый день, — произнес Шахан. — Где же Мшвагу?

— Кто его знает, — ответила женщина.

— Когда он вернется?

— Не сказал.

— Никого больше нет дома?

— Никого!

— Не стыдно спросить, — обратился Шахан, — а вы кто будете? Жена Мшвагу?

Женщина молчала.

— Ах вот что!.. Очень приятно, — сказал он. — Знаете, мы с Мшвагу были в детстве неразлучны. А вот жизнь нас разлучила: он здесь, а я — далеко отсюда, и не видались мы с ним уже больше семи лет. Дела привели меня в эти края, и я не мог не завернуть к нему, не поглядеть, как он живет.

Она слушала и молчала.

— Ну и жара же сегодня! — сказал Шахан. — Я смертельно устал, просто умираю от жажды. Не будете ли вы так добры дать мне напиток?

Женщина молча пошла на кухню и вернулась с чашкой воды. Шахан пригубил, вода была теплой и неприятной на вкус. Гость выплеснул ее на землю и вернул чашку хозяйке.

— Благодарю.

Она отнесла в дом чашку, возвратилась и продолжала стоять.

— Прошу вас, присядьте! — попросил он ее и подвинулся на скамье.

Женщина не села, но и не ушла. Шахан обронил несколько ничего не значащих слов — о погоде, урожае кукурузы...

— Ну что же, я отдохнул, мне пора. Пожелаю вам всего хорошего! — попрощался он.

— Всего хорошего! — отозвалась женщина, с готовностью провожая его к воротам.

Уже выйдя за ворота, Шахан остановился и сказал:

— Да! Жаль, что я не застал Мшвагу. Как мне хотелось его повидать! Передайте ему... — Он запнулся. — Передайте ему мой привет. Скажите, что приходил Шахан, хотел с ним повидаться, но не застал его, о чем глубоко сожалеет. И еще передайте, что я искренне рад за него; рад, что он так чудесно живет, что он так хорошо наладил хозяйство, что все у него просто отлично, только... двери в его доме неважные... Не могу скрыть, вы простите, у меня нехороший характер, — добавил он, заметив ее озадаченное лицо, — но вы знаете, я плотник,

строю дома... Немало я их построил. Так вот, передайте Мшвагу — неважно сделаны двери в его доме, не подходят они к нему. Видно, не заметил этого мой друг с самого начала и, возможно, до сих пор не замечает. Только они уж очень плохи...

— Да? А мы и не обратили внимания, — сказала она, впервые улыбнувшись.

— Ну понятно! Со стороны видней. Ведь когда на солнце смотришь — тоже ничего не видишь. Впрочем, вы извините. Это уж так, по пословице: «Плохой гость видит одни лишь недостатки». Итак, до свидания!

И Шахан ушел.

Поздним вечером вернулся Мшвагу домой и, к глубокому огорчению, узнал от жены, что в его отсутствие приезжал Шахан.

— Как досадно, что ты отпустила его! — воскликнул он. — А что он рассказывал о себе? Где и как он живет? Чем занимается? Подумать только, ведь больше семи лет мы не виделись!

— Он тоже жалел, что тебя не застал. А вообще он плотник, — вспомнила она, — и вот просил тебе передать...

— Что? Что? — нетерпеливо перебил ее муж.

— Он просил тебе передать, что двери у нас неподходящие, так и сказал. Долго-долго на них смотрел, а потом сказал: «Передайте Мшвагу, что я счастлив, что живет он хорошо и так хорошо наладил хозяйство... А вот только один недостаток — двери в его доме неважные». И он добавил: «Не соответствуют они всему в целом, уж очень плохи». Так и просил передать: дому такому подошли бы лучшие двери.

Внимательно осмотрел Мшвагу входную дверь своего дома и не обнаружил в ней никаких изъянов.

Прошел год.

И случилось так, что дела снова привели Шахана в эти места. И снова забрел он к своему другу, надеясь хоть на этот раз застать его дома.

Но, как назло, хозяина опять не оказалось.

— Эй, Мшвагу! Ты дома? — крикнул Шахан, подъезжая к воротам.

Молоденькая женщина выбежала на веранду, и Шахан сразу заметил, что это была не прежняя, а другая. Она торопливо сбежала вниз по ступенькам навстречу гостю.

— Добро пожаловать! — говорила она, поспешно открывая ворота и приглашая гостя зайти.

— Мшвагу дома? — спросил он, въезжая во двор.

— Пока нет, но должен скоро вернуться, — успокаивающе произнесла она. — Входите, входите в дом.

Как и в первый приезд, стояла жара, и Шахану хотелось пить.

— Нет, спасибо, — ответил он. — Мне и здесь хорошо. — И он направился к тенистой чинаре.

— Что вы! — огорченно сказала она. — Да войдите же в дом! У нас, славу богу, есть крыша над головой. Если уж вам так не хочется, тогда, пожалуйста, посидите в тени. Но уверяю вас, в доме у нас не хуже.

В ее голосе было столько радушия, что довольный Шахан весело улыбнулся.

— Уговорили! — сказал он.

В доме действительно было хорошо: и прохладно и уютно. Шахан огляделся и заметил на стене карточку друга.

— Ах вот он каков!

Рядом висела другая карточка, на которой были изображены два мальчика в ученической форме: Мшвагу и Шахан.

— Давно я не видел Мшвагу! — с грустью сказал Шахан. — Это мы снимались с ним в Сухуми, когда учились в горской школе. Как мне хотелось встретиться с ним — и вот невезенье: опять не застал! Простите меня за вопрос, — обратился он к женщине: — Кто вы в этом доме? Не сестра ли Мшвагу?

— Нет, — ответила она и замолчала.

— А где жена Мшвагу? — спросил Шахан. — Та, что встретила меня в прошлом году?

Женщина продолжала молчать.

— Простите меня, — сказал Шахан. — Я ведь живу далеко и ничего не знал. В жизни его произошла перемена?

Тут женщина улыбнулась.

— Наверное, вы жена? — спросил он прямо. В знак согласия она опустила голову.

— Поздравляю, — обрадовался Шахан. — Мшвагу замечательный человек!

Но, не дав гостю договорить, женщина вышла. Шахан заметил, что она направилась в кухню. «Как не похожа она на прежнюю хозяйку», — подумал он.

Шахан встал, вышел на веранду. Вскоре женщина появилась. Он попросил пить.

— Сейчас! — сказала она с готовностью, взбежала вверх, вынесла столик, потом принесла бутылку красного вина и стакан. — Пейте! — ласково произнесла она. — А я сейчас сбегая за свежей водой.

Она ушла на кухню и вернулась с кувшином, но тут же вылила из него воду. Шахан успел заметить, что кувшин был почти полон. Затем быстрым шагом она направилась к роднику.

Вино утолило жажду Шахана. Перед ним появился и кувшин со свежей родниковой водой.

— Пейте вино и не скушайте, — сказала женщина. — А там и хозяин подъедет!

И она снова заторопилась на кухню. «Вот это хозяйка!» — подумал Шахан. Вскоре она появилась и принялась быстро накрывать стол.

— Я сегодня так долго готовила, что, наверное, утомила вас голодом, — виновато сказала она, — вы уж простите!

— Напрасно вы беспокоитесь, — ответил Шахан, — уверяю вас, я уже сыт. И потом, что же это вы для меня одного готовите? Подождали бы Мшвагу!

— Если он подъедет, это будет очень кстати, — ответила она, — только зачем вам ждать? Может быть, он не так скоро приедет. Вы ведь приехали издалека и, наверное, проголодались.

Шахан и вправду проголодался. Обед был приготовлен на славу, и он поел с наслаждением.

Солнце уже заходило, а Мшвагу не возвращался. Шахан собрался уезжать. Уговоры хозяйки не помогали.

— Очень сожалею, — сказал он. — Но что поделаешь? Я сегодня очень занят, и, помимо того, ночью мои спутники будут ждать меня на дороге — в Тамыше.

— Мшвагу будет недоволен мною, — упрашивала женщина. — Его огорчит ваш отъезд.

— Охотно остался бы, но не могу. До свидания, — попрощался с ней Шахан.

Женщина проводила его к воротам.

— Но что же передать?

— Скажите Мшвагу, — медленно произнес Шахан, — что приходил его навестить друг детства Шахан. Скажите, что я очень рад, так как вижу, что ему живется хорошо, что у него превосходный сад и красивый дом... И скажите ему, что больше всего мне понравились в его доме входные двери. Да, да, так и передайте, пожалуйста. Уж очень они подходят к его дому. Я, видите ли, плотник, строю дома... Сколько уж я их построил... Так не забудьте, прошу вас: чудесные, превосходные двери!

— Я передам, — обещала она, озабоченно поглядывая на дверь.

Шахан улыбнулся и уехал.

К вечеру возвратился Мшвагу. Как досадовал он, узнав, что снова друг не застал его.

— Он ведь замечательный человек, — говорил Мшвагу. — Был всегда таким искренним, чутким и преданным. А какой он умница!

— Умница, говоришь? — переспросила жена, отвела взор в сторону и задумалась.

— Редкий умница! Он, помню, всегда любил философствовать, наставлял нас.

— А мне... прости меня, пожалуйста, я не хочу тебя огорчать, но, знаешь, его слова показались мне странными...

— Как? — спросил Мшвагу. — Почему?

— Знаешь, он что-то принялся толковать о наших дверях... «Передайте, говорит, Мшвагу, что двери в его доме мне понравились больше всего. Чудные, превосходные, говорит, двери».

— Двери? — переспросил муж.

— Двери, он так и просил тебе передать.

— Да ты толком скажи, — волновался Мшвагу. — Как он сказал? Нравятся или не нравятся?

— Да нет же, именно нравятся! Двери, сказал он, лучше всего. Он, видишь ли, плотник, строит дома...

— Значит, эти двери ему понравились? А ведь в прошлом году он просил передать мне, что самое худшее в моем доме — это двери. — И Мшвагу в радости поднял жену. — Он всегда был таким — мой наблюдательный милый Шахан. Скажет иносказательно, а мы ломаем себе голову. Целый год я все думал над тем, что могли бы означать его слова. Теперь-то я понял! А ты?

— И я, — ответила женщина и обняла мужа.

ОСЕЧКА

У молодого джигита Адамура была невеста Айша. Далеко разнеслась слава о ее красоте и обаянии. Был у Адамура младший брат, двадцатилетний Шахар. Как и Адамур, Шахар слыл лихим и отважным джигитом. Сердце Шахара опалила красота невесты брата. Если бы не Адамур, кто бы мог сравниться с Шахаром? Разве не лучший он в округе жених? Но брат, статный Адамур, встал соперником на его пути, и Шахару оставалось только тайно вздыхать по Айше.

Адамур знал о том, что творится в душе брата, но ни разу ни Шахар, ни Адамур не заговорили об этом, ибо закон гор строг, и юноша, проболтавшийся о своих чувствах, слывет недостойным джигитом.

Шла война с чужеземцами, напавшими на абхазские селения. Оба брата провели ночь в передовом охранении. Настало утро, когда их сменили, и они направились на отдых в общую землянку.

Братья шли по узкой горной тропинке, которая вилась меж скал. Как подобает старшему, Адамур шел впереди.

Жестокое искушение овладело Шахаром.

«А если... убить его? Один только выстрел — и брат скатится в пропасть... Никто не узнает — и Айша станет моей...»

Шахар вынул пистолет из кобуры... Спокойно шел впереди Адамур. Шахар прицелился и спустил курок...

Выстрела не последовало: пистолет дал осечку.

Но легкий, щелкающий звук дошел до слуха Адамура. Он быстро обернулся — и понял все: Шахар поспешно прятал пистолет в кобуру. Адамур спокойно продолжал свой путь.

Молча они вошли в землянку. Оба проголодались и с жадностью набросились на еду.

Когда же они насытились и собрались улечься на отдых, Адамур достал свой пистолет и, протягивая его брату, сказал:

— Возьми, Шахар. Этот вернее: не даст осечки!

ТОТ, КТО УБИЛ ЛАНЬ

В селе Лата жил охотник Керим Багапш. Смел был Керим и удачлив. Как-то раз убил в горах лань. Керим срезал лозу винограда, крепко связал ею ноги лани и поволок добычу домой, в долину. Долго волок Керим убитую лань и устал.

Вечер опускался на землю, а до родного селения Лата было еще далеко. «Переночую у Тамшуга Амчи, — решил Керим. — Он тут недалеко». Керим принялся подыскивать место, чтобы надежно спрятать добычу. В стороне от дороги он нашел удобную яму, скрытую от людских глаз, подтащил к ней тушу, уложил ее в яму, забросал ветками и прикрыл сверху листьями. Потом легким и быстрым шагом направился к пацхе Тамшуга.

Керим входил уже во двор своего старого приятеля, когда неожиданно пришла ему в голову мысль: «Интересно, верный ли мне друг Тамшуг? Что, если испытать его? Ведь друзья познаются в беде...»

Тамшуг радостно встретил Керима.

— Как ты обрадовал меня! — воскликнул он. — Заходи скорее! Ты у меня всегда желанный гость!

Но Керим, не заходя в дом, едва слышно прошептал Тамшугу:

— Не гостем, мой друг, я сегодня явился к тебе. Со мной случилась беда... Я убил человека — своего недруга — и нуждаюсь теперь в твоей помощи.

— Убил человека? — Ужас застыл на лице Тамшуга.

— Да. Потом расскажу тебе все. А теперь помоги мне. Убитый лежит там, у дороги. Надо закопать его тело, иначе я пропал. Так закопать, чтобы никаких следов не осталось. Нам надо спешить, пока ночь.

— Ты убил человека? — испуганно переспросил Тамшуг.

— Да, да!.. Видишь, я весь в крови. Пойдем же скорей! Захвати лопаты... Один я не справлюсь.

— Послушай! — остановил его Тамшуг. — Я, конечно, никому не скажу... Я твой друг — ты можешь на меня положиться... Все я готов сделать... Но... ведь тогда и меня...

Керим не дослушал Тамшуга, круто повернулся и ушел.

«Вот она, дружба!» — с горечью думал он.

Керим направился к дому Шаадата Ашвью. Шаадат был его сверстником; вместе ходили на охоту, и оба в один год женились.

«Неужели и Шаадат поступит так же, как Тамшуг?» — пронеслось в голове у Керима.

Робко приблизился он к пацце Шаадата. Залаяла собака, и вышел хозяин. Керим сказал Шаадату то же, что и Тамшугу, и просил помочь ему в беде.

— Плохо твое дело, — посочувствовал ему Шаадат.

— Но твоя беда — и моя беда. Кого же ты убил? За что?

— Я тебе расскажу по дороге. Идем скорее! Нам надо спешить, — торопил его Керим.

— Это мы успеем, — подумав, сказал Шаадат. — Ты сначала мне все расскажи. Почему ты скрываешь? Ты боишься, что люди узнают, кто убил? Зачем же ты хочешь, чтобы и я, как сообщник, отвечал за твое преступление?

— Значит, ты не выручишь меня?

— А ты хочешь вовлечь меня в беду? Меня, ни в чем неповинного?

— Прощай же, Шаадат! — крикнул Керим. И снова отправился в путь.

Он обошел село Кобчара, и соседнее — Чхалта, и родное село — Лата. Ходил от друга к другу, ко всем, кого считал близкими людьми, обращался все с той же просьбой и всюду встречал отказ.

Уже стояла глубокая ночь, когда Керим внезапно вспомнил о чем-то.

— А что, если попробовать... — тихо произнес он.

И он снова направился в Кобчары. Здесь незаметно пробрался к пацхе своего брата Дахара; уже десять лет они враждовали и старательно избегали встреч друг с другом.

Несколько лет назад пожилой угрюмый Дахар, известный своим суровым нравом, полюбил первую красавицу в Лате — девушку Хьфафу. Назначен был день свадьбы...

Случилось, однако, так, что и Керим полюбил Хьфафу.

Что же вышло? А то, что Хьфаф выбрала не угрюмого Дахара, а молодого, веселого Керима. За несколько дней до назначенной свадьбы она бежала с Керимом в горы, и через перевал перебрались они в Черкесию. Три года жили они там, а затем возвратились и поселились в Лате.

Когда после этого братья случайно встретились в лесу, Дахар зло сказал Кериму:

— Ты опозорил меня! Братоубийцей я не стану, но никогда, слышишь, никогда не показывайся мне на глаза. И знай: отныне у меня нет брата!

Прошло семь лет... С тех пор они ни разу не сказали друг другу ни слова.

Близился рассвет, когда Керим тихо постучал в дверь пацхи Дахара.

— Кто здесь? — окликнул его глухой голос.

На пороге стоял Дахар. Он был одет: Дахар всегда подымался до света.

— Ты?

— Да, я... твой брат... — робко проговорил Керим.

— Нет у меня брата! — резко ответил Дахар.

— Я прошу тебя... выслушай...

— И слушать тебя не хочу! Прочь! Я спущу на тебя своих псов! Сокул! Ламура! — зычно крикнул Дахар, и два огромных пса выскочили из хлева. — Прочь, негодный, не то псы растерзают тебя, как растерзали зимой проклятого конокрада Хиба Таташа!

— У меня беда, Дахар! — воскликнул Керим и добавил со стоном: — Я убил человека...

Злорадный смешок вырвался из груди Дахара.

— Жаль, что убит он, а не ты! И теперь, презренный, ты явился ко мне сказать, что ты убийца?

— Я пришел к тебе просить о помощи... Спаси меня!

— простонал Керим и рассказал Дахару то, что рассказывал в эту ночь уже столько раз. — Скорей же, Дахар, торопись! — молил он. — Я погибну, если ты не поможешь мне... Еще темно, мы успеем.

— Хорошо, что уже нет в живых нашего отца! — понизил голос Дахар. — Убийца! Ты и его убил бы своим позором. А где... убитый?

— В лесу. У подъема Чахумарра.

— Негодяй! — в сердцах крикнул Дахар, круто повернулся и вошел в пацху, но тут же показался снова; на плечи его был накинута башлык, в руке он держал остро-конечную палку. — Пойдем лесом — через Шоукыта. Там ближе. Нам надо успеть.

Захватив две железные лопаты, они быстрым шагом двинулись в путь.

Светало, когда братья подошли к яме, где была спрятана убитая лань. Керим разбросал листья и ветки и указал Дахару на тушу.

— Вот, ее я убил, Дахар! — сказал он в ответ на недоуменный взгляд брата. — Не убивал я человека. Я только хотел узнать, кто мой истинный друг!

И Керим рассказал брату, что пережил в эту долгую и тяжелую ночь.

— Теперь я знаю, кто мой истинный друг. Ты, Дахар!

— Прощай! — ответил Дахар. — Ты считаешь, что нашел друга. Но знай: брата ты себе не вернул!

СОВЕТЫ ДЕДА

В бедненькой пацхе Киута Хапара слабо мерцал огонек.

Возле него, пригорюнившись, сидела молодая женщина, ожидавшая возвращения мужа.

Лил дождь. Резкие вспышки молний освещали жилище, могучие раскаты грома сотрясали его... Страх и непонятное волнение стеснили грудь женщины; тревога за мужа, близкие и частые громыханья, ослепительные вспышки молний не давали ей покоя.

Хапара все не было.

Перевалило уже за полночь, когда до напряженного слуха женщины донесся привычный звук шагов мужа, стукнула дверь, и Хапар ввалился в комнату.

Женщина торопливо зажгла свечу — и ужаснулась: муж был бледен, глаза блуждали, и мрачное выражение, казалось, навсегда застыло на его обычно подвижном и веселом лице.

— Где ты был? — тревожно спросила она.

Хапар молчал.

— Где ты был, мой любимый? — повторила она.

Точно очнувшись от тяжкого сна, он вяло ответил:

— Там, в лесу...

— В лесу? Ты не болен?

— Нет...

Приглядевшись, она заметила кровь на его черке-ске, на руках.

— На тебе кровь, ты не ранен?

— Дай помыть руки, переодеться...

Она взяла чугунок и дала мужу помыться.

— Случилось что-нибудь?

— Нет... ничего... — неуверенно произнес он.

— Что с тобой? Скажи мне все! Что-то случилось?

Но Хапар молчал.

— Прошу тебя! Ведь я твоя жена!

Хапар поднял голову.

— А ты никому не скажешь?

— Кому же?

— Смотри, Чимса! — сдвинув брови, произнес Хапар. — Если об этом узнают, мы пропали.

— Родной мой, да что случилось? Говори скорей! — торопила она. — Я никому не скажу!

— Слушай же: я убил человека.

— Унан! — ужаснулась она. — Кого?

— Не знаю! Труп я спрятал в лесу, в овраге.

— Мы пропали! — заплакала жена. — Что теперь будет? Что нам делать?

Она была подавлена.

— Несчастные мы, несчастные! — причитала Чимса. — И ты не знаешь, кто он?

— Нет! — мрачно ответил Хапар. — Он напал на меня в лесу, как видно, подстерегал. Я отбивался и, кажется,

раскроил ему череп. В лесу такая темень, что я не мог ничего разглядеть. Я сбросил его в яму и прикрыл ветками. Завтра ночью закопаю тело в лесу. Только помни, Чимса, этого никто не должен знать. Слышишь, никто!

— Зачем ты мне это говоришь? — сказала она в отчаянии. — Будто я не знаю, что нельзя об этом говорить. Никому, никому не скажу.

Оба они даже не притронулись к еде и, расстроенные, улеглись спать.

На другой день, чуть свет, Чимса с кувшином на плече пошла к роднику. Там набирала воду ее соседка — Саида.

— Ты так бледна! Уж не больна ли? — спросила она, завидев Чимсу.

— Нет, — поспешно ответила та. — Я здорова.

— С тобой что-нибудь случилось?

— Нет, ничего. Просто так!

— Просто так ничего не бывает, — решительно заявила Саида.

— Нет, правда, — стала уверять Чимса. Но в ее голосе прозвучала такая печаль, что Саида участливо заглянула ей в глаза.

— Дорогая! Скажи, что с тобой?

— У меня горе, Саида, — не выдержала тронутая ее вниманием Чимса.

— Горе? — переспросила Саида, страстная охотница до всяких сплетен. — Какое?

Чимса печально покачала головой.

— Не могу этого сказать! — прошептала она.

— Почему?

— Это тайна. Этого никто не должен знать.

— Ты еще молода, — сочувственно заговорила Саида, — жизни не знаешь. А я тебе вот что скажу: нельзя держать тайну в себе. Это так вредно — вот увидишь, ты высохнешь, как и я; я тоже никому ничего не говорила. Видишь, какой я стала? А все потому, что дура была, все в себе таила. Тайна сушит человека. А поделишься с кем-нибудь, и душа перестанет ныть и сердце — томиться. Бывает легче горящие уголья держать во рту, чем иную тайну.

— Не всякую же тайну можно открыть, — сопротивлялась Чимса.

— Всякую, всякую! — убеждала ее Саида. — Надо только знать кому. Люблю я тебя, как дочь родную. Да ведь и в родстве мы с тобой: твоя бабушка была троюродной сестрой моей свекрови. Ты мне спокойно можешь все доверить.

— Пожалуй, — нерешительно сказала Чимса. — Значит, никому?

— Видит бог, никому!

Чимса придвинулась ближе к Саиде.

— Сегодня ночью мой муж убил человека.

— Убил? — Глаза у Саиды расширились. — Кого?

— Не знаю. Он пришел вчера поздно, очень усталый, лег и заснул. Но ты обещаешь, что никому про это не скажешь?

— Что ты! — притворно возмутилась Саида. — Разве такие вещи можно рассказывать? Будь спокойна!

И они разошлись.

Как только Саида пришла домой и поставила на место кувшин, она тут же побежала к соседке Хьфафе и рассказала ей под строжайшим секретом невероят-

ную новость. А Хьфаф — тоже, конечно, под строжайшим секретом — сообщила все своей снохе Шефье, а Шефья всегда делилась новостями со своей любимой подружкой Хаджгуагу. Та тоже дала ей слово хранить тайну...

Хапар в это время встал с постели, оделся и вышел из дому.

Он направился к богачу Бамату, по прозвищу Качпей .

— Не откажи в любезности, Бамат, — обратился он к нему. — Одолжи мне на месяц десять рублей.

— А когда ты мне их отдашь? — недоверчиво спросил Бамат. — И на каких процентах?

Хапару удалось торговаться с Баматом; и он получил у него на месяц десять рублей.

Вернувшись, Хапар сел с женой завтракать.

Но не успели они съесть первое блюдо, как услышали громкий лай собак. Хапар открыл дверь пацхи — и застыл в изумлении: весь двор, был запружен людьми. Не только во дворе, но и за воротами, на дороге, стояли плотной стеной люди. Впереди всех — старшина Мкуаб Лагустан.

— Добро пожаловать! — не скрывая удивления, радушно приветствовал всех Хапар.

— Посмотрим, обрадуешься ли ты нашему приходу? — ответил за всех старшина. И, став непривычно суровым, добавил: — Ближе к делу, Хапар! Где ты спрятал убитого?

— Какого убитого? — спросил Хапар.

— Не прикидывайся, Хапар! — сказал Лагустан. — Время теперь горячее — весна, не отнимай у нас драгоценного времени. Признавайся, где спрятал убитого? Он из нашей деревни?

— Мы знаем всё, — тихо, но внятно добавил старый Хиб Шьмаф. — Все село знает, что ты убийца. Сегодня ночью ты убил человека. Ты спрятал его в лесу.

— Только вот не знаем, кто он, — добавил Сангулиа Шач.

— Сейчас узнаем! — решительно сказал старшина. — Веди нас в лес, Хапар, показывай место.

Хапар пожал плечами.

— Я вижу, действительно вам все известно, — нахмурясь, сказал он. — Хорошо, идемте, я вас провожу. Иди и ты, Чимса, — обратился он к жене. — Тебе тоже полезно быть там.

И впереди многочисленной толпы Кнут Хапар двинулся к лесу.

По дороге они увидели бегущего к ним человека. Это был Бамат; он с трудом переводил дыхание, изнемогая под тяжестью собственного живота. Подбежав к Киуту Хапару, он набросился на него с кулаками.

— Негодяй! — вопил богач, — Я все знаю! Ты убил человека, тебя теперь повесят! Ты думаешь, тебе удастся увернуться и не отдать мне мои деньги? Нет, ты мне отдашь! Ты что, хочешь меня разорить?

Хапар насмешливо улыбнулся и, остановившись, достал из кармана десять рублей.

— Возьми! — сказал он. — Возьми скорее. А то я действительно, чего доброго, умру, не отдав тебе твоих денег.

Люди удивленно смотрели на него.

Толпа приблизилась к оврагу.

Вместе со старшиной Хапар подошел к яме и принялся раскидывать прикрывавшие ее ветки.

В яме лежала убитая им накануне дикая косуля.

Хапар поднял голову. Снова на его лице появилась та же усмешка, как и при встрече с Качпеем-Баматом.

— Простите меня! — сказал он всем. — Простите, что я оторвал вас от работы. Я и не думал никого убивать. Я убил лишь вот эту косулю.

— Ты смеешься над нами, Хапар! — рассердился старшина Лагустан.

— Нет, — сказал Хапар. — Все дело в том, что мне вздумалось проверить советы моего покойного деда. Много лет назад дед Гедлач сказал мне: «Запомни, дад, раз и навсегда — не все можно доверять людям, даже самым близким. Раньше их следует проверить». И еще дед сказал мне: «Не занимай денег у скупого». Я, как вы знаете, женился и счастливо прожил с Чимсой несколько лет. И вдруг мне захотелось проверить советы деда. Чем счастливее мы жили, тем больше мне хотелось их проверить. Неотвязная мысль сверлила мне мозг: «Проверь, проверь!» Прошлой ночью, во время грозы, я случайно наткнулся на эту косулю и убил ее, а дома сказал жене, что убил человека. И она обещала мне свято хранить эту тайну. Я пошел к известному скряге Качпею-Бамату и попросил у него займы десять рублей. Теперь, когда он узнал о моей «беде», он, забыв все на свете, прибежал вырвать у меня свои деньги. Простите меня, друзья! Я только проверил советы моего покойного деда...

— Да, — заключил много живший и много знавший старик Лагустан, — никто не может хранить тайну так, как тот, кто ее не знает.

АНТИЦА

— Пяти лет молчания больше чем достаточно, доченька. Прошу тебя разговаривать при мне, очень прошу, — говорил старый Джгуанат молодой жене своего единственного сына Тамшуга — очаровательной Антице. — Ни разу за все эти пять лет, что ты в нашем доме, я еще не слышал твоего голоса. Вероятно, он у тебя такой же приятный, как и ты сама. Ну, скажи, хоть одно слово. Прошу тебя!

Но не так-то легко упросить абхазскую сноху нарушить веками установившийся обычай, запрещающий женщине разговаривать при свекре.

Джгуанат Кове жаловался своему соседу Махазу Тарбе:

— Глупый этот обычай. Глупые люди придумали его.

— Нет! Я не считаю людей, придумавших такой обычай, глупыми, — ответил сосед. — Но если ты настаиваешь на своем, то ведь у нас есть и другой старинный обычай, он поможет тебе.

И Махаз Тарба напомнил Джгуанату Кове этот другой обычай: просьба, высказанная в присутствии более

десяти человек и поддержанная ими, должна быть выполнена.

— Верно! — обрадовался Кове.

На другой день старик распорядился зарезать одного из двух своих бычков и приготовить званый обед на сорок человек.

— По какому случаю? — недоумевал сын.

— Узнаешь позже, — сказал отец улыбаясь.

Джгуанат сам обошел соседей, родственников, друзей и пригласил их в гости.

К середине дня едва помещавшийся в пацхе Джгуаната стол был заставлен всякими яствами и вином. Один за другим явились гости. На вопросы любопытных: по какому случаю устроен этот званый обед? кто виновник торжества? не задумал ли жениться восьмидесятилетний вдовец Джгуанат? — старик отвечал одно и то же:

— После, после! За столом узнаете. А пока садитесь!

И вот, когда гости, усевшись за стол, приступили к еде и было уже выпито по несколько бокалов вина, хозяин дома встал, держа в руке наполненный большой рог, и произнес:

— Мои дорогие гости! Я хочу объяснить, почему пригласил вас сегодня. Все вы знаете мою сноху Антицу. Глаза ее светят, как звезды, доброта и услужливость не знает предела. Я люблю ее, как родную дочь. Но одна беда не дает мне покоя. Уже больше пяти лет украшает она мой дом, но я ни разу не слышал ее голоса. Строго исполняя наш старый абхазский обычай, она не разговаривает при мне, свекре. Любя и уважая ее, я хочу, чтобы она впредь чувствовала себя при мне свободно — не как сноха, а как дочь. Провозглашая тост за ее здоровье,

я прошу ее исполнить одну мою большую просьбу. Вас же всех, мои дорогие соседи, родные и друзья, я пригласил сегодня для того, чтобы и вы все поддерживали просьбу к моей снохе Антице: пусть она с сегодняшнего дня начнет разговаривать при мне.

И Джгуанат осушил рог.

— Просим! Просим! — хором поддерживали гости. Зардевшись от стеснения, стояла Антица в углу, склонив голову с длинными черными косами.

Хозяин снова наполнил рог и протянул его своему соседу Махазу. Почтенный и всеми уважаемый, убеленный сединами Махаз Тарба с благодарностью поднял рог и обратился к Антице:

— Дад! Мне идет уже сто двадцать восьмой год. И скажу по правде — за все это долгое время я не знал случая, не видел и не слышал, чтобы какая-нибудь абхазская сноха удостоивалась такой высокой чести со стороны своего свекра и его друзей. «Чего только не увидишь, если никогда не умрешь!» — говорит старая пословица. Что ж, раз добрый и благородный Джгуанат так решил, значит, ты этого заслужила. И я, конечно, присоединяюсь к просьбе моего друга Джгуаната и тоже прошу тебя начать разговаривать при нем, хоть он тебе и свекор. Пью за твое здоровье!

Все поднимали этот рог, и все просили о том же.

Долго пировали гости и только поздней ночью разошлись по домам.

Утром старик Джгуанат поднялся с постели, оделся и вышел во двор. Антица доила корову.

— Доброе утро, дад! — приветствовал старик Антицу, предвкушая удовольствие услышать в ответ ее нежный, ласковый голос.

— Доброе утро, доброе утро, — ответила она, и старику почудилась нотка неучтивости в ее голосе. — Ну? Что скажешь? — добавила она еще более грубо. — Придержал бы хоть теленка! Не видишь — мешает...

Старик опешил. Трудно было поверить, что это голос его прелестной Антицы. Но он не ошибся, он слышал сказанное своими ушами. Старик подошел к теленку, который, кстати сказать, стоял спокойно и никому не мешал, и придержал его.

— А где Тамшуг? — спросил он.

— Черт его знает, куда он делся, твой Тамшуг! — сказала Антица. — Наверное, пошел по делам. Он ведь не такой лежебока, как ты!

— Доченька, у тебя какая-нибудь неприятность? — нерешительно спросил старик. — Или тебе нездоровится? Ты как будто немного не в духе сегодня? Что случилось?

— Что может со мной случиться? — огрызнулась сноха. — Не только я, но и ты совершенно здоров! А все притворяешься хворым.

Удивленный и расстроенный старик побрел в дом, лег в постель и стал думать: что произошло с Антицей? Словно кто подменил ее. Столь резкая перемена за одну только ночь...

Джгуанат старался сосредоточиться. Но не тут-то было.

— Лежит и лежит, ничего не делает! — услышал он ворчливый голос снохи.

Она стояла на пороге пацхи.

— Долго ты еще будешь валяться? — крикнула она. — Не надоело?

Это было невыносимо для старого Джгуаната Кове. Забыв про свои больные кости, он вскочил, надел башлык и торопливо ушел со двора. Удаляясь от дома, он долго еще слышал злобный голос снохи.

Весь день бродил он по полю, побывал в гостях у дальних соседей и только с наступлением темноты вернулся домой.

— Дад Тамшуг, — обратился он к сыну перед тем как лечь спать. — Мне уже немного осталось жить. Я это чувствую. И мне хочется завтра снова повеселиться. Остался у меня еще бычок. Зарежем и его. Приготовьте с Антицей обед, а приглашением гостей займусь я. Не возражаешь?

— Конечно нет, отец! — удивленно ответил сын.

На другой день гости, те самые, которые были здесь два дня назад, снова уселись за длинным столом и приступили к еде. Было выпито уже несколько бокалов вина. Тогда опять поднялся хозяин дома, старый Джгуанат, с тем же большим, уже знакомым гостям рогом вина в руке и сказал:

— Дорогие гости! Только позавчера мы с вами, собравшись за этим столом, просили мою славную сноху Антицу разговаривать при мне — ее свекре. Она исполнила нашу просьбу, вчера я вполне наслаждался ее речью. Сегодня я пригласил всех вас сюда, чтобы снова при вас обратиться к моей снохе Антице. Я прошу ее — и надеюсь, что вы поддержите меня, — вернуться к обычаю наших дедов и перестать разговаривать при мне — ее свекре.

— Вот как! — воскликнул Махаз Тарба. — Выходит, я был прав, когда говорил, что не так уж глупы люди, при-

думавшие этот обычай? Но для того, чтобы ты это понял, пришлось зарезать двух бычков, — усмехнулся он.

— Не могу с тобой согласиться, что обычай этот хорош, — сказал Джгуанат Кове, — но на этот раз я и сам не придумал ничего лучше...

АФЫРХАЦА

— У меня был сосед Хабиб Базба, прославленный по всей округе как очень сильный и мужественный человек, — начал свой рассказ Бамат Кове. — Жил он бедно. Пара буйволов — все его богатство.

Как-то ночью буйволы Хабиба Базбы выбрались незамеченными со двора, сломали забор кукурузного поля нашего односельчанина Калги Теме́ра и изрядно попортили урожай молодой кукурузы.

Утром пригнал Теме́р буйволов и стал всячески поносить Хабиба Базбу. Тому ничего не стоило смять маленького, щупленького Теме́ра, но он лишь время от времени говорил ему: «Я понимаю тебя, Теме́р».

Зато жена Хабиба возмущалась: «Как ты можешь выносить такие оскорбления? Потребуй, по крайней мере, хоть извинения!»

«Ничего, — успокаивал ее Хабиб. — Придет время, и Теме́р сам извинится».

Наступила горячая пора уборки урожая. В тот год осень была особенно дождливой. Все торопились как можно скорее кончить уборку.

В одно такое хмурое, дождливое утро, когда Хабиб Базба и жена его Асят только сели завтракать, к ним явился неожиданный гость: Калги Темыр.

«Ты прости меня, Хабиб, — сказал после первых приветствий Темыр. — Я погорячился тогда и наговорил много глупостей. Даже оскорбил тебя. Я раскаиваюсь. Недаром говорят в народе: «Пусть первая твоя мысль тебе останется, а вторая — мне». Стыдно теперь за те слова, хоть и поздновато. Ты уж извини меня...»

Хабиб Базба и жена его Асят встретились глазами.

«Ничего, я тогда же простил тебя», — сказал Хабиб.

«Идите к столу, позавтракайте с нами», — радушно пригласила Асят гостя.

«Спасибо, мне очень некогда, — ответил Калги Темыр. — Третьи сутки в поле гниет под дождем моя кукуруза».

«Почему же так?» — сочувственно спросила Асят.

«Не на чем привезти. Вот я и пришел к тебе, Хабиб. Одолжи буйволов».

«А это как скажет жена», — ответил Хабиб и, хитро улыбаясь, посмотрел на жену.

«Ну конечно, — ответила Асят, поняв мужа, — дадим буйволов, арбу и сами придем помогать. Так ведь?» — обратилась она к мужу.

— В тот же день общими усилиями они убрали кукурузу с поля, — закончил рассказ Бамат Кове.

Среди слушателей был стосорокалетний Таркил Джесиби. Он сказал:

— Того, кто отомстил вовремя, называют ахаца. А того, кто мог отомстить, но воздержался, проявил великодушие к поверженному врагу и даже выручил его из беды, называют афырхаца — герой из героев. Не каждому ахаца дано стать афырхаца.

ПУЛЯ ВЫЛЕЧИЛА

Уаа-рай-да...
Тот не мужчина,
кто не умеет
скрыть страдания свои...

Так пел почтенный стотридцатилетний Гидж Эшба, тихонько ударяя сморщенными пальцами по струнам своей апхярцы . Любил он, собрав вокруг себя людей, петь им старинные песни и рассказывать о былом. Вот и сейчас, усевшись в кружок, все слушали исполняемую им уже не раз «Песню ранения»:

Уаа-рай-да...
Тот не мужчина,
кто вздохом иль стоном
выдаст мученья свои...
Уаа-рай-да...
Стоны и вздохи —
женское дело,
женщинам легче от них.

Уаа-рай-да...
Тяжкие раны
посланы нам в испытанье
выдержки, воли своей.
Уаа-рай-да...
Если бы трусость спасала...
Уаа-рай-да...
Заяц бы дольше всех жил.
Уаа-рай-да...
Любит трусливого смерть,
разборчива умная пуля,
труса не пощадит.

Так пел старый Гидж Эшба, а закончив, наклонил голову к апхярце, долго прислушивался к отзвуку струн и, словно вспомнив о чем-то, улыбнулся.

— В наше время, — начал он, — стонать и жаловаться на боль считалось недостойным для мужчины. Лучшим джигитом был тот, кто умел молча переносить самые тяжкие страдания. Застонать при женщине — значило оскорбить ее.

Жил у нас в деревне крестьянин Мсоуст Чукбар. Как-то в лесу он занозил ногу. Нога распухла и стала нарывать. Боль была нестерпимая.

Вечером после ужина сидел Мсоуст у очага. Жена уложила детей спать. Распухшая его нога заболела так сильно, что он не выдержал и застонал.

«Как тебе не стыдно стонать при женщине», — вспылила жена. Она была очень оскорблена.

Мсоуст смутился и не знал, что ей ответить. Он проормотал, что у него адская боль.

«Адская, — передразнила его жена. — Но ведь ты даже не ранен пулей. Ведь это всего-навсего заноза!»

Мсоуст оскорбился. Чтобы восстановить в глазах жены свое мужское достоинство, он выхватил пистолет, приставил дуло к опухоли и, недолго думая, выстрелил. Пороховой дым и пепел, поднявшийся с очага, окутал его густым облаком.

«Унан, хаас! — ужаснулась жена. — Что ты сделал? Ты застрелился?»

В отчаянии она бросилась к мужу, но сквозь рассеивающийся дым увидела его улыбающееся лицо.

«Ты хотела, чтобы это была пуля? Ты права. Теперь смотри, мне стало легче».

И действительно, пуля пробила нарыв, и Мсоуст вздохнул с облегчением.

ГАЗЫРИ

В старину не знали газырей. Порох, картечь, пули, а бывало, и просто камешки носили прямо в сумках — артмаках. Ох и долго же приходилось заряжать ружье! Сначала из артмака порох высыпали на ладонь, потом отмеривали на глаз и высыпали в дуло длинноствольного кремневого ружья. И лишь после этого заряжали его картечью или пулей. Нужна была большая ловкость, чтобы действовать быстро. Вот и придумали газыри. Газыри ведь и значит по-абхазски: «готовое». В них клали уже готовые, заранее отмеренные заряды и нашивали на черкеску узенькие, совсем одинаковые карманы — по двадцать в ряд. Только газырями редко пользовались. К ним прибегали в самых крайних случаях. Каждый сам решал в бою, пришло ли время брать заряды из газырей. Стрелять без толку считалось дурной привычкой и совсем уж позорным — раньше времени хвататься за газыри.

Как-то раз соседи из-за перевала напали на ущелье Мрамба. Набег был совершен неожиданно, исподтишка

и большими силами. Мрамбовцы не ждали нападения, однако встретили врага смело; завязался бой.

На узкой тропинке, которая вела в село Мрамба, тяжело ранили молодого абхаза Сеида. Но он, не обращая внимания на рану, засел с несколькими товарищами в скалах и, прячась за выступами, продолжал бить наседавших врагов.

Они все ближе и ближе подступали к селению. Друзья Сеида оставляли выступ за выступом. Но Сеид не покидал своего места. Истекая кровью, он продолжал стрелять. Его редкие и меткие выстрелы наносили врагу большой урон.

Неподалеку от Сеида засел за выступом скалы Керим. Видел он, что враги подходят, а Сеид, лежа в луже крови, продолжает ловко доставать из сумки порох, отмеряет его на глаз, высыпает в дуло ружья, потом достает пулю, пристально целится и стреляет.

— Что ты делаешь? — волновался Керим. — Используй газыри!

— Не время. Успею, — спокойно ответил Сеид.

Враги просачивались из-за скал.

— Сеид! — в отчаянии крикнул Керим. Страшно ему стало за друга. — Сеид, берись за газыри! Чего ждешь?

— Зря горячишься, Керим, — ответил Сеид. — Так загубишь все дело.

— Но враги уже близко! Они прорвались. Отходи к нам, Сеид, берись за газыри!

Голос Керима тревожным эхом прокатился по ущелью. Казалось, родные скалы и ущелье Мрамба вызывают к Сеиду: «Бери-ись за газыри-и!»

— Еще не время, — твердил Сеид. Затем, впившись глазами в одну точку, затаив дыхание, выстрелил и крикнул: — Гляди!

И Керим увидел в стане врагов их предводителя Хатхуа в белой папахе. Сраженный меткой пулей Сеида, он взмахнул руками, сорвался со скалы и полетел в пропасть.

Вопли отчаяния одних и возгласы радости других слились в общий протяжный гул.

Тогда-то раздалась частые выстрелы: это Сеид заряжал ружье из газырей. Он стрелял и стрелял. С возгласом: «Вперед! За мной! Хатхуа убит!» — бросился герой на врага.

...Мрамбовцы возвращались домой с победой. Они высоко несли на руках раненого Сеида: шестнадцать пуль изрешетили его.

Празднично встречал благодарный народ своих защитников. Все пели песню победы и славили Сеида.

Отец Сеида взгляделся в газыри сына и, прикинув что-то в уме, спросил:

— А скажи-ка, дад, почему так мало расстреляно у тебя зарядов из газырей?

— Не было надобности, — ответил Сеид.

Тогда, всегда сдержанный и скупой на ласки, старик обнял сына и произнес:

— Ты и вправду заслужил песнь про афырхаца.

ДВЕ ПРОСЬБЫ

— Оу райда, сива райда. Ойса ва-райдаа...
Кто ослаб, тот не поможет, кто колеблется, — не нужен,
Но разбитый не сдаётся, нет! Он бьётся до конца!
Не придет конец мученью, коли нет конца терпенью, —
Говорил народу Уту, это слово сеял он.
Огоньком перебегая, разгоралась сила в людях.
Люди двинулись лавиной, все сметая на пути...
Вся Одиши запылала, небо дымом застилала.
Жег огонь паучьи гнезда, рухнул княжеский дворец.
Вековая тьма сгорала. Вековая ночь светлела...
Мнилось — солнечною птицей поднимался светлый

день

Но предатели, как змеи, притворясь хитро друзьями,
К нам в дружины боевые заползли тогда, мой друг,
И посеяли раздоры между нашими вождями,
Ядом смуты отравили сердце детское людей.
Яд раздора нас расслабил. Мы не сплывались в
единстве,
Уту сломлен, стяг растоптан, и рассеяны мы все...

Пусть вчерашний день потерян, пусть сегодня
поражение.

Пусть Мегрелия под пеплом — будет наш
грядущий день!

Лишь повеет вольный ветер — вспыхнут угли-огоньки,
И огонь, зажженный Уту, озарит широко землю,
Станет грозно и победно буревым костром земли.

Есть еще — найдутся — люди. Сила только
расплескалась,
Сила только затаилась. Жив народ — жива борьба!
Оу райда, сива райда. Ойса ва-райдаа...

Эту песню часто пел гость Адзина Темыра, мегрел Элизбар Кварацхелия, подыгрывая себе на чонгури. Он скрывался здесь в горном селе Джгярда от царской полиции и черной сотни мегрельских князей Дадияни. Все знали, что Элизбар Кварацхелия — один из ближайших соратников народного героя Уту Микава, его правая рука. Жестоко подавив крестьянское восстание, уничтожив его вожakov и самого Уту, царская полиция и мегрельские князья объявили, что тот, кто убьет или выдаст мятежника-абрека Элизбара Кварацхелия, — получит из казны пять тысяч рублей.

Но, верные обычаю гостеприимства, вкусив уже сладость борьбы, обездоленные крестьяне-абхазы из села Джгярда не выдавали своего гостя Элизбара. Крепко сдружились между собой Элизбар и Адзин Темыр, в пацхе которого скрывался гость.

Вместе с Элизбаром Темыр ездил в окрестные аулы — навещать друзей и знакомых. И вот в ауле Амзара Элизбару очень понравилась красавица Ада.

Ни одна девушка так не трогала сердце молодого Элизбара. Он потерял покой, стал молчаливым и грустным. Ото всех скрывал он свое чувство, и если его спрашивали, о чем он грустит, он обычно отвечал, что хворает. А когда понял Элизбар, что не в силах справиться с собой, решил поскорее и подальше уехать из этих мест, чтобы никогда больше не встречаться с Адой.

Однажды ранним утром, после бессонной ночи, Элизбар распорядился седлать коней.

— Мне надо как можно скорее поехать в Одиши, — сказал он Темуру.

— Зачем? — удивился Темура. — Ведь ты хотел еще погостить у меня. Кроме того, ты знаешь, что в Одиши тебя ждет петля.

— Надо! — твердо сказал Элизбар. — Я совсем позабыл, у меня там одно неотложное дело.

— Тебе что-нибудь у меня не понравилось? — встревожился Темура.

— Да нет же, родной! Все мне нравится, — поспешил разуверить друга Элизбар. — Даже очень.

— Не огорчай же меня, останься! — просил Темура. — Ты знаешь, как мне тяжело согласиться на твой отъезд.

Но Элизбар был непреклонен.

На прощание устроили пир, и друзья шумной ватагой отправились провожать гостя.

Пропустив Элизбара вперед и как бы случайно замешкавшись, Темура отстал от всех и оказался рядом с телохранителем Элизбара — Тома.

— Скажи, Тома, — спросил он, — почему уезжает Элизбар?

Долго не отвечал Тома. Наконец поддался на уговоры — вино, должно быть, развязало ему язык, и он, лу-

каво улыбнувшись, признался Темуру, что хотя Элизбар скрывает истинную причину отъезда, но, как догадывается Тома, тут всему виною Ада.

— Не печалься, друг! — сказал Элизбар Темуру, когда их лошади снова поровнялись.

— Но мне очень жаль девушку, — как бы невзначай произнес Темура. — Твой неожиданный отъезд может убить ее.

— О какой девушке ты говоришь? — встревожился Элизбар.

— Об Аде, — сказал Темура. — Ведь она любит тебя. Призналась мне в этом сама — она ведь родственница мне. Любит и даже просила меня поженить вас.

— Как? Ада? — переспросил Элизбар, не скрывая радости. — Ада... любит меня? — Он остановил коня.

— Да, Элизбар, Ада любит тебя и готова хоть сегодня выйти за тебя замуж.

— Замуж? За меня?.. Нет, нет, я даже не могу поверить в такое счастье!

— Почему? Неужели она тебе не нравится?

— Нравится, милый Темура! Горе мое именно в том, что она мне очень нравится, эта солнцеликая Ада. Но какой я ей жених? Пацха моя дотла сожжена князьями. Я одинок, я абрек, объявленный вне закона. Имею ли я право думать о любви, о женитьбе?!

— Обо всем этом я разговаривал сегодня с отцом, — ответил серьезно Темура. — Мой отец тебя любит и хочет усыновить вместо Сеида, моего покойного брата, убитого князьями.

— Нет, нет, друг мой! Это все хорошо, но не теперь...

Но Темура уже видел, что Элизбар колеблется.

— После того, что я сказал тебе, пойми, Элизбар, что у тебя есть и дом и родные — я и мой отец. Отец и я просим тебя вернуться. И Ада этого хочет.

Слова Тemyра сломили Элизбара, и он повернул коня.

А через несколько дней большой двор Тemyра был полон гостей. Быстро построили ашьапа — крытый навес над столами, и начался свадебный пир, один из тех долгих пиров, какими славилось селение Джгярда — самый высокий аул горной Абхазии.

Шустрые, жизнелюбивые джгярдинцы веселились от всей души. Пили, ели, плясали... Далеко кругом был слышен свадебный шум, пляски перемежались стрельбой и лязгом скрещенных клинков, а в доме, в комнате невесты, девушки старались песнями развеселить печальную подругу.

Наконец, на третьи сутки, с наступлением ночи, девушки привели жениха к невесте и, оставив их наедине, удалились.

С трепетом вошел Элизбар в комнату Ады.

Девушка необыкновенной красоты стояла перед ним, и эта девушка — его жена! Кожаная лента — пояс целомудрия — стягивала ее высокую грудь. Жених, по старому абхазскому обычаю, не имеет права коснуться невесты, не разрезав этого пояса. Элизбар подошел к Аде. Мизинцем левой руки он легко коснулся ее груди, большим и указательным пальцами приподнял кожаную ленту и уже взмахнул кинжалом, чтобы разрезать ее, но Ада остановила его.

— Умоляю тебя, не надо! Не надо! Лучше убей меня этим кинжалом!

— Что ты говоришь? — оторопел Элизбар. — Ты не хочешь стать моей женой? Ты меня не любишь?

Девушка молчала.

— Скажи правду! Ты любишь другого?

— Я люблю Темура... и Темура любит меня... — прошептала Ада. — Он пришел за мной, и я думала, он ведет меня к себе. Только здесь я узнала...

Ошеломленный Элизбар опустил руки и отошел. После некоторого раздумья он произнес как бы про себя сдавленным голосом:

— Теперь я понимаю все.

А затем, обращаясь к девушке, твердо сказал:

— Нет, милая Ада, не бойся: Темуру отдала ты сердце, Темуру будешь и женой! Мне же отныне ты — только сестра.

Сказав так, он склонился перед девушкой, поцеловал край ее платья и вышел.

Велико было удивление гостей, когда среди них появился жених. Элизбар поспешил объяснить:

— Мои дорогие! Здесь не я жених. Жених — другой, а меня объявили женихом в шутку.

— Что он говорит? Какая шутка? — вскочил с места старик Тамшуг, родственник невесты.

— Сейчас вы увидите настоящего жениха, — сказал Элизбар и подозвал к себе молодых людей, обслуживающих гостей. — Приведите сюда Темура. Мне с ним надо немедленно решить очень важный вопрос.

Позвали Темура.

— Друг мой, Темура! — начал Элизбар, когда оба они стали лицом к лицу в кругу гостей. — В знак нашей дружбы, неразрывной и чистой, прошу тебя исполнить две мои просьбы.

Темыр слегка наклонил голову в знак того, что он готов выполнить эти просьбы. Законы аламыса таковы, что отказ другу в такой торжественной обстановке равносильно разрыву с ним.

— Первая моя просьба, — сказал Элизбар, — прими в жены Аду. Она сказала мне все, и я знаю: вы любите друг друга. Она чиста и непорочна. Пусть отныне она будет мне сестрой, и пусть вечной и безоблачной, как небо в ясный день, останется и впредь наша с тобой дружба.

Темыр склонил еще ниже голову.

— А вот этим мизинцем, — продолжал Элизбар, подняв руку, — я нечаянно коснулся ее груди. Пусть же не ляжет ни малейшей тени на нашу дружбу. Поэтому вторая моя просьба — отсеки его.

Но Темыр не шевельнулся.

Тогда Элизбар выхватил кинжал и отсекал свой мизинец.

СОЛНЦЕОКАЯ АЛЬЗИРА

Юноша Баслангур Шармат из села Джгерда был помолвлен с девушкой Хамжважв Аргун из деревни Аацы.

В назначенный день во дворе отца Баслангура накрыли под навесом длинный свадебный стол. Стали сходиться гости. Человек двадцать всадников отправились спозаранку в селение Аацы за невестой. По выезде из села к ним присоединился и сам жених — согласно обычаю, он должен был сопровождать невесту в пути, но его не должны были видеть ни у себя дома, ни у невесты.

Во дворе у девушки в деревне Аацы тоже был накрыт свадебный стол. Гости не приступали к еде в ожидании всадников, посланных за невестой.

Каково же было удивление всех, когда обнаружилось, что невесты нет дома. — Она полюбила другого, — разъяснила ее подруга, — и бежала с ним.

Родственники и гости были озадачены. Но тяжелее всех пришлось, конечно, жениху...

Во дворе отца Баслангура ждали возвращения посланцев с невестой. Давно уже проголодались гости.

— Видно, затянулись там проводы, — оправдывались родные жениха. — Но и у нас пир продлится несколько дней.

Кончилась долгая ночь, время уже близилось к рассвету. Молча и не спеша, словно с похорон, возвращались домой гонцы. И то сказать — зачем спешить? Чтобы сообщить о позоре?

Путь их лежал через село Эшера, мимо пацхи юноши Ферата Амкуаб. Ферат знал, что посланцы отправились за невестой — это они ведь сегодня утром проезжали здесь шумной ватагой. Что случилось? Почему они возвращаются, понутив головы, и даже не беседуют между собой? Ферат остановил их и расспросил о случившемся. Жалко стало ему Баслангура, хотя не был он с ним даже знаком. Ведь и в самом деле, что может быть хуже такого позора?

— Стойте, не пушу вас! — схватил он за уздечку коня Баслангура. — Заезжайте на часок ко мне, отдохните, подкрепитесь, а потом уж двинетесь в путь.

Проголодавшиеся и огорченные люди охотно согласились.

Ферат поднял на ноги весь свой дом.

Зарезали быка, много домашней птицы. Принесли лучшего вина. К гостям вышла мать и сестра Ферата — Альзира, которой едва минуло восемнадцать лет. Но какой она оказалась хозяйкой! И какая была красавица! О красоте солнцеекой Альзиры, о ее достоинствах пел ачангур далеко за пределами Абхазии.

Приготовили завтрак, все сели за стол, и тут исчез Ферат. Гости ждали его, недоумевая, где же он.

А Ферат находился в комнате своей сестры, там была и их мать.

— Лучше убей меня, Ферат, — говорила девушка. — Я не хочу никуда уезжать.

— Ну, прошу тебя, — уговаривал ее брат. — Разве я желаю тебе зла? Его друзья говорят, что он прекрасной души человек. Ты будешь счастлива с ним.

— Да, но она не любит его и даже не знает совсем, — вмешалась мать. — К тому же ей рано еще выходить замуж.

Альзира, забившись в угол, рыдала. — Я сказал все, — решительно произнес Ферат. — Не хотите, не надо. Уйду сегодня же из дома и больше не вернусь.

Ферат подошел к сестре и нежно поцеловал ее.

— Повторяю, Альзира, ты будешь с ним счастлива.

— Не гоните меня из дому, — взмолилась Альзира. — Я хочу быть только с матерью и с тобой.

— Значит, мне уходить?

В это время раздались настойчивые голоса гостей:

— Ферат! Ферат!

— Он должен идти, Альзира, — сказала мать. — Неудобно перед гостями. Теперь я прошу тебя: стань женой Баслангура. Я знаю твоего брата — он сдержит слово и уйдет из дома. Для нас всех это добром не кончится. Узнаю в нем отца — он был так же тверд и решителен. Пожалей хоть меня, свою мать!

У Альзиры высохли слезы. Она обняла брата и дала понять, что согласна. Ферат радостно поцеловал ее.

— Садитесь, дорогие друзья! — воскликнул он, появившись среди гостей. — Простите меня, я заставил вас долго ждать. Но у меня было важное дело.

Когда стаканы по несколько раз обошли круг, Ферат поднялся и, наполнив вином большой рог, высоко поднял его над головой.

— Уважаемый гость Баслангур, — сказал он. — Нравишься ты мне. Сделай мне честь, прошу тебя, исполни мою просьбу.

Все повернулись к Баслангуру.

— Отныне я хочу дружить с тобой. Пусть нашу дружбу скрепит родство! — продолжал Ферат. — Надеюсь, ты не отвергнешь его. Предлагаю тебе в жены свою сестру Альзиру.

— Солнцеокую?! — вырвалось у одного из гостей.

— Да! — ответил Ферат. — И она этого хочет; я с ней уже говорил. Она готова немедленно поехать с тобой на вашу свадьбу. Сестра моя не хуже той, за которой вы ездили в Аацы.

— Во сто раз лучше! — поддержали его гости. — Солнцеокая Альзира несравненна. Какое счастье выпало тебе на долю, Баслангур!

Баслангур же, не веря еще всему происходящему, подошел к Ферату и сказал:

— Ферат! Только человек с чутким сердцем может сделать то, что ты сделал для меня. Но ведь солнцеокая Альзира не знает и не любит меня. Я не могу дать своего согласия, пока из ее собственных уст не услышу о таком огромном и неожиданном для меня счастье.

— Иди, сынок, сюда! — И мать Альзиры взяла Баслангура за руку. Он стоял вытянувшись перед ней в знак почтения к ее старости. — Пойди, спроси ее сам!

И она повела его в комнату дочери. Здесь мать благословила их и оставила вдвоем.

...Наконец-то, люди, собравшиеся за торжественным столом во дворе отца Баслангура, дождались жениха и невесты. Они были достаточно вознаграждены за свое терпение. Свадьба длилась четыре дня.

МАРШАН ЛАШВ

В селении Лата в ущелье Дал жил Маршан Лашв. Был он некрасив: мал ростом и слеп на один глаз. Но храбр, отважен и силен.

Закадычным другом его был черкес Атажух Маматгерий.

Лашву исполнилось тридцать лет, когда он задумал жениться; в те времена абхазы обзаводились семьей не спеша. Лашв любил молодую красавицу Марону и уже два года считался ее женихом. Назначили день свадьбы, но за месяц до свадьбы красавица Марона отдала свое сердце другому и убежала с ним. Этим другим оказался не кто иной, как лучший друг Лашва — черкес Маматгерий.

Побег Мароны стал не только личным горем Лашва. Все его однофамильцы — члены рода Маршанов, сочли, что оскорбление нанесено им. Они всячески попрекали Маршана и требовали мести. Лашва прозвали «брошенным женихом». Позорная эта кличка закрепилась за ним надолго. Молча сносил он обиду и стал реже появляться на людях.

Но как-то ночью, не сказав никому ни слова, Маршан Лашв исчез из села.

Атажух Маматгерий хорошо знал, что Лашв будет мстить ему. Отнять невесту — тяжелое оскорбление. Маматгерий принял меры предосторожности: обнес дом высоким каменным забором.

Однако Лашву удалось ночью перелезть через высокий забор и незамеченным проникнуть в дом своего соперника. Бесшумно прошел он к спальне Маматгерия и постучал. Дверь открылась. Перед ним, в одном белье, стоял сонный хозяин дома, его бывший друг.

Маматгерий, узнав Лашва, в испуге попятился... Лашв прошел за ним в комнату — туда, где в постели лежала Марона.

— Добро пожаловать! — с нескрываемым ужасом проговорил Маматгерий.

— Посмотрим, добро ли я принес тебе, — ответил Лашв, и улыбка тронула его губы. — Прошу прощения за причиненное вам беспокойство! — обратился он к перепуганной Мароне.

— Одевайся быстрее! — приказал он Маматгерию. — Я не могу говорить с тобой, пока ты раздет.

Маматгерий тотчас оделся.

— Послушай, — сказал ему Лашв, — эта женщина предпочла тебя только потому, что ты превосходишь меня внешностью. — Пусть она сейчас посмотрит, кто кого превосходит силой. Условие такое: если упаду я, ты сделаешь со мной все, что захочешь. Если упадешь ты, я отрежу тебе ухо.

Долго боролся против ловкого Лашва сильный Маматгерий. Но в конце концов не выдержал и, сбитый Лашвом, упал.

Тогда он покорно встал на колени, а Лашв выхватил кинжал и на глазах у Мароны отсек ее мужу правое ухо.

— Прощайте! — сказал он с поклоном. — На этом мои расчеты с вами покончены.

И Маршан Лашв ушел.

Через несколько дней он вернулся в родное село. Родственники по-прежнему продолжали насмехаться над ним, называя «брошенным женихом».

Но теперь Лашв невозмутимо переносил все оскорбления.

Между тем Маматгерий послал своих людей в Лату, чтобы они узнали, не хвастается ли своей победой Маршан Лашв.

Черкесы приехали в Лату будто бы в гости к родственникам. Уверившись в том, что Лашв по-прежнему великодушно сносит все насмешки и хранит молчание, они возвратились к Маматгерию.

Каково же было удивление жителей Латы, когда в один прекрасный день в их село въехала большая группа всадников, и во главе их черкес Маматгерий.

Все решили, что это неслыханная дерзость. Дерзость, равная издевательствам. И все ждали неминуемых кровавых событий.

Маматгерий, остановившийся у старика Тапагва Айбы, неожиданно пригласил всех мужчин села на званый обед.

Удивленные люди собрались во дворе у Айбы.

И тогда к ним вышел Маматгерий.

— Я пригласил вас сюда, — начал он, — чтобы во всеуслышание рассказать о том, как смыл с себя пятно нанесенного мною оскорбления Маршан Лашв. Уже ото-

мстив за себя, он покорно сносил все насмешки и ни словом не обмолвился об этом. Он не кичился своей местью, ничего не говорил про меня. И вот я приехал сюда, чтобы поведать вам, как храбр и благороден ваш Лашв, как смел он позор со всего вашего рода Маршанов.

Черкес сдернул с головы башлык и показал страшный шрам на месте правого уха.

ДАНАКАЙ

Мужчин в селе не было; стояло жаркое лето, и все они ушли в горы: кто с отарами на альпийские луга, кто в лес заготавливать дрова, кто — на охоту.

Этим-то и воспользовался небольшой отряд карачи — заперевальных врагов. Незамеченным спустился он в долину и внезапно напал на беззащитное село. Разорил его, захватил пленных, табуны коней, всякое добро и двинулся обратно через горные перевалы.

В тени огромной развесистой чинары лежал абхазский юноша Данакай. Целый день провел он в горах, охотясь на оленя, и теперь, утомленный, спал крепким сном.

Славился Данакай храбростью, умом, силой и громовым голосом.

Противники наткнулись на спящего Данакаю, но не узнали его. Они обезоружили юношу и, связав руки, погнали его в плен.

Данакай покорно шел в общей толпе. Перед ним предстала картина народного бедствия: плененные од-

носельчане, тюки добра, пыль, вьющаяся столбом вслед за табунами коней... Но он молчал.

Весь день пробирались карачи горными тропами к себе домой. Когда стемнело, они сделали привал, оставив коней и связанных пленников в ложбине, они отошли в сторону и легли спать.

Ночью Данакай разгрыз зубами веревки, бесшумно снял оружие с врагов и укрыл его в яме за скалой. Потом он спрятался за выступом скалы и, выставив дуло ружья, крикнул своим громовым голосом:

— Встать! Руки вверх!

Как зайцы, запрыгали разбуженные и испуганные карачи.

— Первого, кто ослушается, уложу на месте! — причал Данакай, и его крик, повторенный эхом, гулко отдавался в горах.

Тут только догадались захватчики, что они имеют дело с самим Данакаем. Он выстроил их длинной цепочкой и погнал по тропинке обратно в долину.

ГАРСОН, ПРЕНЭ!

Двое студентов из грузинского землячества в Париже приехали в Монте-Карло, курортный городок, расположенный, как известно, на побережье Средиземного моря и славящийся своим игорным домом — казино. Один из юношей был абхазским князем — Гьяргем Чачбой.

Поздно ночью, гуляя по бульварам, они очутились перед тем самым игорным домом, который притягивает к себе со всего света любителей легкой наживы.

Они вошли в один из залов, где играли в «шмен де фер». Его роскошь поразила их. Но не меньше поразили их люди, жадной толпой сгрудившиеся вокруг круглого игорного стола. Были здесь те, которые играли, и те, которые с азартом следили за чужой игрой; те, которые в одну ночь становились сказочно богатыми, и те, которые в одну ночь разорялись дотла.

Крупье провозгласил неслыханно большой банк. На столе возвышалась груда бумажных денег и под стеклянным колпаком гора золотых монет.

Никто из присутствующих не решался объявить ва-банк.

Гьяргь Чачба в белоснежной черкеске, плотно облегавшей его тонкий стан, и в национальных сапожках — ноговицах на мягкой подошве, ловко лавируя, противился к столу. Все с любопытством разглядывали его; по рядам пробежало кем-то сказанное: «Коказус!»

Равнодушный, казалось бы, ко всему крупье поднял глаза и с явным любопытством взглянул на кавказца.

— Угодно? — вяло, едва шевеля губами, спросил он.

Юноша переглянулся с товарищем, достал из кармана бумажку в сто долларов и бросил ее на стол.

Крупье роздал карты.

— Проиграли! — все так же вяло произнес он и собрался было присоединить ассигнацию к банку, но банкомет звонко крикнул в сторону, указывая подбородком на лежавшую перед Гьяргем бумажку:

— Гарсон, пренэ!

Человек в ливрее кинулся к столу и схватил деньги.

Кровь ударила Гьяргу в лицо. Но он сдержался.

Игра шла по кругу. Очередь снова дошла до молодого абхазского князя.

— Угодно? — спросил крупье.

— Угодно! — быстро ответил Гьяргь, выхватив две бумажки по сто долларов, и швырнул их на стол.

— А может, не стоит? — явно издевательски спросил банкомет. — Пригодятся.

— Прошу карту! — резко крикнул Гьяргь. Крупье роздал карты.

И опять Гьяргь проиграл.

— Не везет, коказус! — презрительно бросил банкомет и посмотрел на него в упор. — Напрасно горячитесь! Так недолго и проиграться! — И, кивнув головой лакею, нарочито громко повторил: — Гарсон, пренэ!

Человек схватил, как и прежде, деньги и, низко кланясь, отошел.

Гьяргь почти не помнил себя.

— Уйдем! Хватит! — уговаривал его земляк Нико.

Неоднократно слышали юноши рассказы о чудесной фортуне. Но теперь, здесь у них на глазах, происходило то, чего они в жизни еще не видели: человек неслыханно богател. Десять раз подряд бил банкомет карты своих партнеров и, побив их в одиннадцатый раз, не рассчитывая уже на крупную игру, объявил:

— Кончаю. — Он тяжело поднялся, оглядел толпу и, словно нехотя, добавил: — Впрочем, кому угодно еще? Только условие — игра не на мелочь!

— Что ж! Идет не на мелочь! — запальчиво отозвался Гьяргь.

— На сколько? — не подымая глаз, всем корпусом обернулся к нему крупье.

— Ва-банк! — азартно крикнул Гьяргь.

— Что-о? — переспросил крупье. Он словно проснулся.

— Ва-банк, — повторил Гьяргь. Он дрожал.

— Ваша гарантия?

Юноша небрежно положил на стол перед крупье свою визитную карточку.

— «Светлейший князь Георгий Шервашидзе», — протяжно прочитал тот.

— Пренэ, пренэ! — закричали вокруг.

Еле сдерживаемая ненависть к сегодняшнему счастливцу прорвалась в этих возгласах. Крупье роздал карты. Все замерли в ожидании.

Банкомет поспешно и уверенно бросил карты на стол. — Восемь!

— Напрасно горячитесь, господин банкомет! — медленно и с достоинством произнес Гьяргь и положил на стол свои карты — тройку и шестерку.

— Девять! — выкрикнул кто-то с нескрываемой радостью.

— Выиграл! — Десятки рук протянулись к Гьяргу.

— Ваш! — беззвучно произнес побледневший банкомет.

— Прошу, — угодливо сказал крупье.

— Идем, Нико, — обратился Гьяргь по-грузински к своему товарищу и крикнул в сторону: — Гарсон! — Абхазец кивнул человеку в ливрее: — Гарсон, пренэ!

И оба студента покинули застывший от изумления зал.

ЭСМА-ХАНУМ

В одной из кофеев Трапезунда сидели и беседовали два турецких чиновника Шукри и Осман.

— Вы заметили, как любезно разговаривал сегодня наш визирь с этим проходимцем? — говорил Осман Шукри.

— С Нури-махаджиром? Да. Уж очень хитер и пронырлив, эфенди, этот бывший курьер, а ныне шериф. Я вам советую смотреть отныне в оба: в народе ходит слух, что визирь собирается назначить Нури-махаджира на ваше место.

— Знаю. Мне говорили об этом. Он давно метит на мое место. Но ему не видать его, как своих ушей.

— Визирь очень приблизил его к себе и доверяет во всем. Интересно, чем он покори́л визиря?

— Сестрой. Вы разве не слыхали? Визирь женится на его сестре. На днях будет свадьба.

— О-о, аллах! Если это случится, то здесь будет царить один Нури-махаджир. Он обзывает нас тяжелодурами и тупицами. Выгонит всех и наберет своих махаджиров. Эти оборванцы ходят к нему толпами.

— Да, надо во что бы то ни стало расстроить эту свадьбу.

— Интересно, где встретил визирь сестру Нури? Ведь, говорят, она еще совсем девочка, живет в степи вместе с другими махаджирами, ходит босая, в отрепьях — и в городе здесь не появлялась еще ни разу.

— Хм... Все это проделки Нури. Недавно в комнате визиря, доставая из кармана какие-то документы, он уронил, будто случайно, ее портрет. Визирь заинтересовался и, рассмотрев, сразу же влюбился в эту девчонку.

— Вы правы, эфенди. Надо помешать Нури-махаджиру.

— Я уже придумал. — Шукри осмотрелся и, убедившись, что поблизости нет никого посторонних, наклонился к собеседнику: — Существует только одно средство, чтобы отвести нависшую беду. Нужно опорочить Нури, убедить нашего старого дурака, что Эсма потаскуха и Нури хочет выдать ее замуж за визиря для того, чтобы дискредитировать визиря в глазах падишаха, свергнуть его и самому занять его место!

— Так... так... — сказал Осман. — Придумано очень занятно. Умная голова у вас, эфенди. Только... кто сумеет это сделать? Кто осмелится?

— Я сам! — ответил Шукри. — Кто другой знает визиря так хорошо, как я? И кто другой сумеет вдолбить все это в его старую глупую башку?

— Вы! О, успех обеспечен. Сделайте это, эфенди, и мы не останемся в долгу перед вами.

— Сегодня же вечером я поговорю с визирем.

— Аллах да благословит вас и вашу затею!

В тот же день старший шериф Шукри попросил визиря принять его.

— В связи с вашей, великий визирь, предстоящей женитьбой, — доверительно сказал он ему, — в народе ходят нехорошие слухи.

— В на-ро-де? А какое мне дело до народа? И что же там болтают?

— Болтают, что молодая Эсма, сестра Нури-махаджира, известная потаскуха, бесстыдно торгующая своим телом...

— Что-о-о? — заорал визирь. Он побежал к Шукри и начал трясти его. — Да как ты смеешь, скотина, повторять эту болтовню? Ты не знаешь, что гнусавишь! Нури-махаджир говорил мне: «Эсма молода, красива и непорочна». Она — моя будущая жена и твоя госпожа — целомудренна и чиста, как голубь. А ты болтаешь всякое.

— Великий визирь, я говорю то, что сам хорошо знаю, — спокойно ответил Шукри.

— Так говори же ясней! Говори все, что знаешь!

— Мне не совсем удобно, великий визирь, говорить вам все это, — лицемерно произнес Шукри. — Но видит сам аллах, моя привязанность и любовь к вам, наконец, долг, требуют от меня откровенного признания.

— Ну, ну, не тяни. Выкладывай все, что знаешь.

— С этой девушкой Эсмой я был близок.

— Ты? — заревел визирь.

— Да, я. Карайте меня, великий визирь, я того заслужил. Уж очень красива и соблазнительна эта абхазка. Шайтан сбил меня с пути, не устоял я перед соблазном. Нанял номер в портовой гостинице, и там она целый месяц была моей любовницей. Но аллах сжалился надо мной и вернул мне разум. Понял я тогда, как позорно себя вел. Эсма — самая бесстыдная, самая необузданная и вконец испорченная женщина.

— Довольно! Хватит! — завопил визирь. Он беспомощно опустился в свое кресло.

Безмолвно сидел он несколько минут, потом поднял отяжелевшую голову.

— Скажи мне, Шукри-шериф, только одно. Зачем понадобилось Нури-махаджиру так бессовестно лгать?

— Зачем? — уверенным голосом произнес Шукри. — Это известно всем окружающим и неизвестно только вам, потому что вы ко всем так добры, отзывчивы, благородны, а порой, как вот к Нури-махаджиру, излишне доверчивы.

— Говори ясней, Шукри-шериф.

— Неужели вы до сих пор не заметили, что Нури-махаджир коварный карьерист, который ни перед чем не остановится?

— Ну, допустим, это так. А дальше что?

— Ему, неблагодарному, как видно, мало всего того, что вы сделали для него, повысив его с должности простого курьера до шерифа. Теперь он уже мечтает о вашем месте!

— Ка-а-ак? Что ты сказал? О моем месте? — Все тяжелее становилось визирю от таких неожиданных открытий.

— Мои агенты донесли, — продолжал Шукри, — что Нури не раз хвалился своим абхазам-махаджирам, что скоро он свалит самого визиря, то есть вас, как свалил Шевкет-шерифа, и будет властелином всей трапезундской области, что ему обещала поддержку красавица черкешенка Аза, новая жена Султан-Хамида. Я проверил донесения, и они оказались точными.

— Это интересно, — горько улыбнулся визирь.

Шукри торжествовал. Затея ему удалась. Визир был покорен.

— Что же ты предлагаешь? — робко спросил визирь.

— Уберите Нури-махаджира со своего пути, великий визирь, и как можно скорее.

— Да, — произнес визирь. — Теперь мне многое становится ясным. Спасибо, тебе, Шукри-шериф, за бескорыстную и преданную службу. Награжу достойно. А теперь прими мой приказ: немедленно, сейчас же арестовать Нури-махаджира, связать его и бросить в каземат. На пятницу, после намаза, назначить казнь.

— Это вместо свадьбы? — съязвил Шукри.

— Да, — ответил визирь.

Весть об аресте и предстоящей казни Нури-махаджира всполошила весь Трапезунд и население лагеря абхазов-махаджиров, расположенного в далекой степи; здесь особенно любили молодого Нури, так как он, работая в городе, постоянно помогал своим землякам. Сестренка же Нури, юная Эсма, не чаяла души в брате; она потеряла в изгнании отца и мать, и только Нури оставался опорой в ее жизни.

Сто с лишним километров одолела она за сутки вместе со старой своей теткой Шемякья, чтобы прибыть к утру проклятой пятницы, когда была назначена казнь Нури.

На ближайшем базаре девушка встретила женщину-абхазку, тоже махаджирку, но живущую в городе.

Она, оказалось, знала тайну гнева визиря: ее родственница находилась в его гареме.

— Когда я шла сюда, на базар, то видела, как визирь и его помощники вошли в Назимовскую мечеть, — рас-

сказала женщина. — С ними был и противный Шукри, донесший на Нури-махаджира.

— Да? — вспыхнула Эсма, и по ее загоревшимся глазам было видно, что ее осенила какая-то счастливая мысль. — О-о, я прошу вас, милая женщина, проводите меня до этой мечети и покажите, кто из них визирь и кто Шукри.

Они подошли в тот момент, когда визирь и его помощники совершили намаз и покидали мечеть.

— Тот, что идет впереди, высокий — сам визирь, а позади него, справа, низенький толстяк — Шукри, — указала ей спутница.

Эсма внимательно посмотрела на мужчин и, плотно закрыв лицо чадрой, подбежала к визирю, бросилась к его ногам и крепко обхватила их руками.

— О-о, сжался над бедной сиротой, великий наш визирь! — взмолилась она.

— Кто ты, женщина, и чего просишь?

— Выслушай мою жалобу, великодушный и справедливый визирь. Ваш помощник Шукри-шериф, вот этот самый, — показала она на Шукри, — жил со мной больше месяца в гостинице, а потом выгнал меня, ничего не заплатив. Он должен мне двести лир. Я умираю с голода.

— Ну? — обернулся к Шукри визирь. — Что ты скажешь на это?

— Как видно, аллах помрачил женщине разум, великий визирь, — ответил совершенно спокойно Шукри. — Плетет какую-то чепуху!

— Нет, нет! Он, великий визирь, обманывает вас, как обманул и меня. Пусть поклянется аллахом над святым

Кораном, что не знает меня, не видел никогда, не жил со мной и не должен мне обещанных двести лир.

Визирь грозно взглянул на Шукри.

— Что теперь ты скажешь, Шукри-шериф? Женщина эта действительно сошла с ума или говорит правду?

— О, я охотно поклянусь над Кораном, великий визирь, только для того, чтобы окончательно рассеять ваши оскорбительные сомнения. Велите принести Коран.

— Да, да, да! Пусть поклянется над Кораном! — кричала девушка, еще крепче сжимая ноги визиря.

— Святой мулла, — обратился к мулле визирь, — принеси Коран и прими клятву от Шукри-шерифа.

И когда мулла принес из мечети Коран, визирь приказал:

— Встань, женщина! Подними чадру и покажи свое лицо Шукри-шерифу. Пусть он посмотрит на тебя и поклянется, что действительно никогда не видел и не знает тебя.

Девушка вскочила на ноги и сорвала с головы чадру. Красота ее была необыкновенной, ошеломляющей. Визирь не мог оторвать глаз от нее.

— Ну, клянись же, Шукри! Я слушаю тебя, — сказал визирь, втайне завидуя своему шерифу, досадуя, что не он, а этот чурбан целый месяц владел таким неземным созданием.

Шукри протянул обе руки над Кораном и торжественно произнес:

— Клянусь великим аллахом, что девушку эту глаза мои видят первый раз в жизни, что не имел с ней никаких дел и никаких денег ей не должен.

— Что ж ты скажешь теперь? — обратился визирь к девушке.

— О великий визирь! Прости меня за нескромность, которую я вынуждена была позволить себе. Но, видит аллах, иначе никак не смогла бы я разоблачить подлый и коварный поступок Шукри. Я — Эсма, родная сестра Нури-махаджира. Этот негодный человек, Шукри-шериф, завидуя уму и способностям Нури, наклеветал на него и на меня. И вы ему поверили. А теперь вы убедились, что он обманывал вас. Казня сегодня невинного Нури, вы возьмете на себя грех, который вам никогда не простится. Освободите Нури!

Визирь распорядился немедленно освободить Нури-махаджира и назначил его старшим шерифом, а Шукри заключил в каземат.

Юная Эсма вышла замуж за визиря и стала зваться Эсмой-ханум.

ТЕСТЬ И ЗЯТЬ

— Был я тогда молод, — улыбаясь начал свой рассказ любимец колхоза Шхангерий Бжаниа, — мне не перевалило и за шестьдесят. Это теперь мне сто сорок восемь, хоть я еще бодр и крепок. А тогда я чувствовал себя совсем молодцом. В то время жил в нашем селе почтенный старик — пусть легка будет ему земля! — Барганджи Абидж. Он выдал свою дочь Саиду замуж за человека, мало ему известного, так как юноша этот приехал в наш Очамчирский район из дальнего — Бзыбского. Это теперь леса почти все вырублены, и дорога проложены, и поезд ходит, и машина, а в те времена все побережье покрывал густой лес, и попасть в Бзыбскую часть Абхазии было нелегким делом.

Увезли после свадьбы дочь Абиджа Саиду, и спустя год захотел старый Абидж проведать дочь и зятя. Сопровождать его собрались мы все: и я, и другие наши односельчане, друзья Абиджа, его родственники. Зять принял нас как подобает, с почестями. Пир устроил на славу, шумный и веселый. Длился он дней десять, не меньше.

В это время Абидж ближе присмотрелся к зятю, и мы заметили, что старик расстроился. Как ни старался он скрыть это от нас, не удалось. Долго думал он про себя свои думы, но в конце концов не выдержал и поделился с нами.

«Я, — сказал он, — не знал раньше своего зятя Данака-Джикирбы. Теперь вижу: настоящий он ахаца, славный, храбрый, благородный и щедрый. Люди его уважают. Кроме того, он высок и статен. Что по сравнению с ним моя дочь? Без приданого вошла она к нему в дом — негде было мне взять, раз я сам небогат. А вдобавок ко всему — и это страшнее всего — она еще и хромая. Ну какая она жена для такого замечательного джигита? Жалко мне ее. Разве долго продлится ее счастье? Еще скажут, что я, старый Абидж, постарался сплавить с рук свою дочь, повыгоднее ее пристроить. Не-ет, если б я раньше его так хорошо знал, ни за что бы не согласился. Я решил увести дочь обратно. А Данакаю передайте, что я первый буду искать ему жену, достойную его и красотой и умом. Да я и самого князя Нахарбея Чачбу буду уговаривать выдать за Данакаю свою красавицу дочь».

Как мы ни отговаривали старика, он не соглашался. К концу дня мы вынуждены были уступить и по его поручению начали разговор с зятем его, Данакаем.

Мы обставили этот разговор очень торжественно, как и подобает в таких случаях: отвели Данакаю в сторону — по нашему обычаю зятю не полагается разговаривать с тестем — и передали решение старика.

Выслушал нас Данакай, подумал немного и ответил так:

«Не заслужил я такой обиды. Разве только родному отцу жены, и к тому же почтенному старику, я готов про-

стить нанесенное мне оскорбление, да и то в первый и последний раз. Никому на свете я не позволю говорить о недостатках моей жены. Видно, Абидж забыл, что с той минуты, как Саида переступила порог моего дома, она не только его дочь, но и хозяйка этого дома — мой друг, моя жена. Внешность мало что значит, важна душа человека; она может сделать незаметным любой физический недостаток, придать красоту человеку. Моя Саида умна и сердечна — я люблю ее».

ХАБИБА

Я много слышал о былой красоте Хабибы Шармат.
«Если Хабиба наклонится над мертвым — он оживет. Если Хабиба взглянет на цветок — он расцветет», — так пелось в песнях.

Сейчас я сидел у нее в гостях. Хозяину и хозяйке давно перевалило за сто, и тем более поражало то необыкновенное тепло, которое излучали старики, когда смотрели друг на друга, поражала нежность, с какой они относились друг к другу.

— Расскажи, расскажи, сестра, как ты выходила замуж за Чичина, — сказал женщине ее брат Сааткерий.

Хабиба смутилась.

— Право, не стоит.

— Нет, стоит, — настаивал Сааткерий. — Гостю будет очень интересно.

Я поддержал просьбу.

— Пусть он сам расскажет, — ответила Хабиба, соблюдая обычай и не называя мужа по имени.

— Он занят по хозяйству, — заметил ее брат.

— Мне неудобно. Расскажи сам.

Сааткерий не заставил себя упрашивать.

— Среди многих влюбленных в Хабибу был и Эстате Дочия из Зугдиди, — начал он свой рассказ. — Юноша сватался, получил отказ и решил взять девушку силой. Он подстерег ее на кукурузном поле, свалил на землю и хотел изнасиловать, в надежде, что потом она согласится стать его женой. Хабиба долго боролась с ним, а ослабев, выхватила кинжал из-за пояса Дочия и убила его.

Девушку судили и приговорили к шести годам заключения и ссылке в Сибирь.

Тогда из зала суда, неожиданно для всех, раздался громкий протестующий голос: «Хабиба не виновна! Это я убил Эстате Дочия! Судите меня!»

Невероятная суматоха поднялась в зале.

Вперед вышел Чичин. Все с интересом разглядывали его. Юноша уверял суд, что Хабиба якобы была другом его детства, и потому будто бы она хотела выгородить его, надеясь, что ее оправдают, так как она совершила, мол, преступление, защищаясь...

Хабиба говорила: «Это неправда. Он все выдумал. Убила я».

Но суд все-таки поверил Чичину и присудил его к десяти годам тюрьмы и к пяти годам ссылки в Сибирь.

Прошло пятнадцать лет. Хабиба ждала его. Когда Чичин вернулся, они поженились.

Счастливо живут они уже более ста лет.

АТЫРАС

Это происходило в семидесятых годах прошлого столетия, в горестные дни махаджирства. Никто из жителей Дала не хотел уходить в знойную степь, расположенную на границе с Турцией. Но обманом и насилием их все же вытеснили с родной земли. Лишь небольшая группа героев во главе с Адамуром Адзинбой, возглавлявшим крестьянское восстание, решила драться до последней капли крови. На узенькой полоске земли скалистого ущелья Дал остались они продолжать борьбу.

И вот прошло более восьми лет — и в степь к изгнанникам пришел турецкий фелюжник. Он нес какой-то ящик и выкрикивал:

— Эй, махаджиры-абхазы! Кто здесь из Дала? Вам посылка. Мне ее дали в Очамчире. Уж очень просили, и я сдержал свое слово. Возьмите!

С жадным любопытством обступили ящик дальчане.

— Посылка из Абхазии? Из родного Дала?

— Что нам прислали из далекого родного Дала? Кто прислал?

— А ну, Даур, ты ближе, открой ящик.

Юноша Даур открыл ящик и начал доставать из него и вручать обступившим его махаджирам один за другим... женские головные платки. Их было много, этих женских платков. Весь ящик был набит ими. Дальчане с недоумением рассматривали эти платки.

— Что это может означать? — спрашивали люди. Тогда самый старый и мудрый Абидж Бгажба сказал:

— Позор нам! Мы бросили свою родную землю. Лучшего подарка мы и не достойны. Мы, как слабые женщины, оказались малодушными. Боясь смерти, бросили свой родной цветущий Дал и ушли сюда. Лучше смерть, чем такая позорная жизнь... Вернемся в Апсны, в родной цветущий Дал и кровью смоём свой позор!

Тогда раздались и другие голоса:

— В Апсны? Что делать там? Ведь все наше хозяйство сожжено и разорено. Нет, придется нам здесь кончить свою жизнь; видно, такова судьба.

Даур в это время достал со дна ящика лист бумаги, на котором было четко написано:

«Храбрым сынам Дала. От благодарной родины. Адамур».

Мужчины сгорали от стыда.

«Какой позор! Адамур сравнил нас с женщинами, он послал нам женские платки», — говорили их печальные взгляды.

Но чем и как воодушевить отчаявшихся?

Вдруг кто-то обнаружил в ящике листья папоротника — атырас, в них были завернуты платки.

— Смотрите! Смотрите! Атырас из Апсны! Наш агырас из родного и далекого Дала! — воскликнул Даур,

подняв высоко над головой небольшой пучок уже высушенных веточек атыраса.

Люди кинулись к нему. Они отрывали листья атыраса, подносили их к лицу, нюхали, прижимали к груди, целовали, плакали... Самая простая трава Абхазии — атырас, сорная трава с резким пряным запахом, трава, которую они раньше выкорчевывали у себя на родине, стала для них самой дорогой.

— Атырас из Апсны!

— Наш атырас! Из родного Дала!

Запах родной земли проник в сердца и всколыхнул их. Он напомнил изгнанникам их родину, цветущий Дал. Раздались энергичные возгласы:

— Обратно в Апсны!

— Обратно в Дал!

— Ни дня не останемся больше здесь!

Возбуждение людей нарастало. Когда были уже разобраны палатки и пожитки связаны в котомки, Абидж Бгажба торжественно произнес:

— Лучше погибнуть в борьбе за родину, чем влачить на чужбине позорную жизнь.

Его поддержали сотни голосов:

— В Апсны! В Дал! Обратно домой!

И дальские махаджиры неудержимой лавиной двинулись в родной Дал.

КАЦ И ХАЗАН

Есть старая абхазская поговорка: «На одном дереве растут и плоды и листья».

Жили два родных брата: старший — Маан Кац — злой, мстительный, спесивый и младший — Маан Хазан — добрый, отзывчивый, скромный.

Маан Кац был очень богат и с презрением относился к простому люду.

Однажды ему донесли, что младший брат его якшается с крестьянами. Вскипел Маан Кац:

— Как это — мой брат, дворянин, и общается с крестьянами! Я накажу его! Он любит изящно одеваться и гарцевать на лучших скакунах. Я же одену его в лохмотья, посажу на самую старую клячу и выселю за пределы Абхазии!

Младший брат знал, что старший никогда не бросал слов на ветер.

Через несколько дней, когда у Маана Каца пировали гости, к его дому подъехал всадник; он сидел на жалкой кляче без седла и был одет в отрепья. Люди узнали Маана Хазана.

Младший брат сказал старшему:

— Дорогой Кац, чтобы не причинять тебе лишних хлопот, я сам приготовился уже в назначенную тобой дорогу. Куда велишь ехать?

Маан Кац посмотрел на младшего брата, и сердце его дрогнуло. Он растерянно махнул рукой...

Так младший брат начал учить старшего чувству сострадания, жалости.

СВАДЬБА

Абхазский князь Алхас Чачба решил женить своего сына Сафара на дочери князя Коци Дадиани — Цецилии. В назначенный день собрались гости; они пировали в ожидании невесты, которую должны привезти к вечеру.

Посланцев, отправленных за ней, возглавлял Маан Хазан — благородный человек, который уважал людей и требовал к себе должного уважения. Двести оседланных коней погнались по поручению князя Алхаса отцу невесты в подарок.

Князь Коци Дадиани пировал с гостями у себя дома.

Посланцы во главе с Мааном Хазаном, подъехав ко дворцу Коци Дадиани, спешили, вошли во двор и направились к парадной двери. Хозяин же, вместо того чтобы спуститься с веранды навстречу почетным гостям и пригласить их в дом, крикнул сверху:

— А! Сумасшедший Хазан, это тебя послал Алхас за невестой? Ну, поднимайтесь, поднимайтесь на веранду!

Вид у Коци Дадиани был совсем не тот, какой требовался по свадебному ритуалу.

Оскорбленный поведением Коци, добродушный Хазан, не поднимаясь на веранду, ответил:

— Жаль, что не имеем времени воспользоваться твоим любезным приглашением, князь Коци. Мы проезжали мимо и, выполняя волю нашего князя Алхаса Чачбы, остановились лишь для того, чтобы передать тебе привет и пожелание долгой жизни.

Хазан подмигнул сопровождавшим его людям. Все сели снова на коней и выехали со двора. Коци Дадиани был обескуражен. Гости притихли. Дочь его ждала в подвенечном платье... А посланцы уехали.

Прибыв в селение Лия, Маан Хазан оставил в каждом крестьянском дворе оседланного коня — подарок от князя Алхаса Чачбы. Раздав почти всех лошадей, он подъехал к дому князя Давида Дадиани. Тот был беден, но имел дочь Машо, еще более красивую, чем Цецилия.

Маан Хазан крикнул Давиду:

— Принимай гостей — посланцев от Алхаса Чачбы. Он просит тебя выдать замуж за его сына твою дочь Машо.

Князь растерялся.

— Это большая честь для меня, — ответил он. — Но сегодня Коци ждет посланцев за его дочерью. Как же так?

— А князь Алхас, сын его и мы все хотим везти твою Машо.

...Когда князь Алхас увидел Машо вместо Цецилии, он был крайне удивлен, но, узнав, как Коци Дадиани принял его посланцев, сказал:

— Ты правильно поступил, Маан Хазан! Ты настоящий абхаз. А новая невеста еще красивее Цецилии.

ТИНАТ И АЛМАСХАН

— Все мы мудрецы, когда надо давать советы. А когда надо избежать промахов, мы — дети. Не правда ли? — сказал мне, хитро улыбаясь, старый пастух Барскил Баг, окончив петь под аккомпанемент абхазской свирели — ачарпан — песнь о Тинат и Алмасхане. Он умудрялся играть на ачарпане, держа его в левой половине рта, а правой — петь.

Мы находились на вершине горы Кобчар. Меж снежными льдинами и скалами зеленел небольшой луг, усеянный яркими полевыми цветами, от которых в воздухе стоял густой и сладкий аромат... На склоне горы паслась баранта.

— К чему ты сказал о мудрецах и детях? — спросил я.

— Я кое-что вспомнил, — ответил Барскил Баг, склонившись над ачарпаном. Потом он рассказал мне историю песни о Тинат и Алмасхане — историю, свидетелем которой был он сам.

...У лыхненского дворянина Маан Камлата родилась дочь, когда ему перевалило уже за восемьдесят лет.

О красоте Тинат слагали и пели песни не только в Апсны, но и за ее пределами. Но как бы ни был счастлив человек, время не останавливается для него. Пролетело еще двадцать лет...

Не налюбуется своей красавицей дочерью старик отец. Недолго остается уже ему жить. И вот Маан Камлат решил сам выбрать ей достойного мужа. Он поделился этим своим решением с лыхненским князем Сафаром Чачбой. Князь был глуповат, но это не мешало ему думать, что он мудр, и поучать всех.

— Я дам тебе добрый совет, — сказал князь. — Объяви во все концы Апсны, что выдашь свою единственную дочь, красавицу Тинат, за того, кто в традиционный день скачек в Лыхнах будет признан, во-первых, лучшим стрелком, во-вторых — лучшим танцором, в-третьих — лучшим джигитом.

Маан Камлат с благодарностью принял этот совет князя Сафара и от себя добавил лишь одно, четвертое условие: чтобы юноша понравился самой Тинат. Старик, как и князь, не сомневался, что таким достойным его дочери мужем окажется, конечно, человек знатного рода.

Еще за месяц до праздника скачек по всей Абхазии было объявлено решение Маан Камлата. Огромная площадь в Лыхнах была в тот день запружена народом. Трудно было сказать, чего было больше: листьев на деревьях или людей на площади.

Красавица Тинат сидела на балконе княжеского дворца рядом с отцом и князем Сафаром Чачбой, наблюдая за соревнованием юношей. Ни на ком не задерживался ее взгляд. И вдруг сердце ее забилося, как пойманная птица, в глазах появился яркий блеск. Если

правда, что любовь может прийти с первого взгляда, то Тинат полюбила...

Невдалеке от нее, внизу, стоял юноша и, опираясь на опустившуюся ветку платана, разговаривал с друзьями. Глаза его смотрели на Тинат. Она даже смутилась: давно ли он смотрит на нее? Стройный, изящный, он был очень красив, и Тинат тоже не смогла оторвать от него взгляда.

На балконе рядом с Тинат находились почтенные люди, которым была доверена роль судей этого праздничного соревнования. От них зависела судьба девушки.

Когда начались состязания, мысли Тинат были заняты красивым юношей. Кто он? Откуда? Она первый раз в жизни видела его — такого! Как его зовут?

Как бы отвечая на ее вопрос, кто-то из его друзей крикнул:

— Алмасхан, пошли стрелять.

Юноша вздрогнул. Он занял место на стрельбище. Перед тем как выстрелить, он обернулся и как бы невзначай посмотрел в ее сторону, давая понять, что этот свой выстрел он посвящает ей. Он начал целиться, а ее сердце замерло от волнения.

Его выстрел оказался самым метким. Алмасхан попал в самую середину мишени. Никто другой не мог этого сделать.

Тинат облегченно вздохнула. Князь Сафар подзвал к себе юношу.

— Кто ты такой, юноша? И как тебя зовут?

— Я — пастух, уважаемый князь. Меня зовут Алмасхан.

— Чей сын? Откуда?

— Я — сын Калги Джамала из Абгархыку.

— Принесите мне мой пистолет! — приказал князь.

И когда ему принесли пистолет, он протянул его Алмасхану. — Возьми, юноша! Это — приз от меня за отличную стрельбу.

Алмасхан поблагодарил князя и отошел.

Соревнования продолжались.

И в танцах победил Алмасхан. Он то стремительно вырывался вперед, то легко неся на носках, то замирал на месте... Все знали этот танец, танец раненой лани, и все же что-то свое, неповторимое, было в каждом его движении.

Князь Сафар приказал принести свои новые сапожки.

— Возьми их! — сказал он юноше. — В них тебе будет еще легче танцевать.

Тинат была счастлива. Но неожиданно набежали черные тучи и заволокли солнце. Приближенные князя Сафара начали о чем-то недовольно шептаться, и тогда князь приказал не допускать Алмасхана к джигитовке.

— Он ведь из простых крестьян, — сказал князь судьям. — Нельзя ж отдать за него дочь потомственного дворянина Маана Камлата!

Долго джигитовали юноши из знатных родов перед балконом княжеского дворца. Тинат не смотрела на них. Опечаленная, скрылась она в одной из комнат дворца. Отец, заметив долгое отсутствие дочери, пошел искать ее. Он нашел ее в слезах и, догадываясь об их причине, вернулся к князю Сафару:

— Разреши, князь, этому юноше Алмасхану тоже поджигитовать. Дочь свою я, конечно, не выдам за него

— простого крестьянина, но дай и ему показать свое умение в джигитовке.

Князь исполнил просьбу старого Маана Камлата. Узнав об этом, Тинат снова вышла на балкон.

Лучшие и прославленные джигиты — из Бзыпына, из Абжува и из Самурзакана — с восхищением и завистью смотрели на джигитующего Алмасхана, который всех превзошел своим искусством. Гордостью за него наполнилось сердце Тинат.

И опять Алмасхан занял первое место — его признали лучшим джигитом. Князь вынужден был подарить ему своего золотогривого коня.

— Но разве можно выдать за него дочь дворянина? — возмущались приближенные князя. — Нельзя же нам родниться с простыми крестьянами!

Больше всех волновался двоюродный брат Маана Камлата — Маан Озбак. Он зло крикнул отцу Тинат:

— Голубая кровь Маановых еще ни разу не была загрязнена черной крестьянской кровью!

Долго жил на свете Маан Камлат, много пришлось ему видеть несчастных браков, жестоко загубленных жизней, и он решил защитить свою Тинат. Он понял, что она полюбила этого юношу и ни с кем другим не сможет быть счастливой. Жаль, конечно, что он из крестьян!

Когда князь Сафар спросил Маана Камлата, кого назвать женихом Тинат, Маан Камлат ответил, что он выдает свою дочь за Алмасхана.

Заворчали приближенные князя. Взбунтовались родовитые Мааны во главе с Озбаком. Праздник давно кончился, а народ не покидал Лыхны.

Наступила ночь.

Кому неизвестна темень южных ночей! О ней говорят в Абхазии: «Если кол перед глазами — и то не увидишь». Под покровом такой темноты Алмасхан тайком подъехал к балкону князя, схватил ожидавшую его Тинат и, усадив перед собой на коня, умчался с ней... Обнаружив исчезновение Тинат, устроили погоню, но старый Маан Камлат лишь спокойно ухмылялся, он гордился решимостью дочери.

— Не надо было вовсе затевать это соревнование, — сокрушался князь Сафар. — Мы с тобой поступили, как дети, — сказал он Маану Камлату.

— Так бывает всегда, — ответил ему старик. — Все мы умны, когда надо давать советы. Тогда мы выглядим даже мудрецами. Но когда нужно избежать промаха, мы оказываемся детьми.

Влюбленных не удалось догнать. И по сей день под звуки ачарпана поется песня о красавице Тинат и о ее возлюбленном, простом крестьянском парне, отважном джигите Алмасхане.

БЫСТРО ТОЛЬКО ЗАЯЦ БЕГАЕТ

Когда Арлана Уахайда взяли на войну, его молодая жена Шазина почувствовала, что станет матерью. Война была тяжелой и долгой. Пять лет пробыл Уахайд на войне, а потом попал в плен и прожил там около пятнадцати лет. Он батрачил у одного ахьчипсовского князя, и тот наконец решил отпустить его домой. На прощанье князь сказал:

— Денег у меня нет, чтобы расплатиться с тобой, но я дам тебе один полезный совет. Думаю, что пригодится. Никогда не делай торопливых выводов. Серьезный человек ничего не решает быстро — быстро только заяц бегают. — И закончил: — Имей всегда горячее сердце и холодную голову.

Жена Уахайда родила сына, который за двадцать лет, пока не было отца, вырос в сильного и красивого юношу. Молодой Джегим считал отца давно погибшим. Так думала и Шазина.

Однажды ночью вернулся Арлан Уахайд в родное село. Он не вошел сразу к себе в дом, а сел у задней стены, раздвинул хворостиной плетенку и заглянул внутрь.

Сердце его замерло от волнения, он старался не дышать, чтобы не выдать себя.

Тонкая восковая свеча и небольшой очаг слабо освещали пацху. Уахайд не мог не узнать своей любимой Шазины. Рядом с ней, за грубым столом, он разглядел красивого и высокого юношу. Шазина кормила его ужином и часто обнимала и целовала.

«Это любовник!» — обожгла его страшная мысль. И он решил немедленно уйти и никогда больше сюда не возвращаться. Затем в его разгоряченной от ревности голове возникло решение убить любовника и бежать незамеченным.

Уахайд постучал в дверь:

— Я — путник, ночь застала меня в пути. Разрешите переночевать?

— О, конечно, входите! — ответили ему оба сразу и радушно предложили ужин и приют.

От ужина он, несмотря на долгие уговоры, отказался и, сев подальше от очага и свечи, чтобы жена не узнала его, стал наблюдать. Юноша подошел к нему и предложил стакан вина — вместо воды, которой попросил гость. Арлан уже потянулся рукой к кинжалу, но юноша в этот миг отошел от него.

Вдруг Уахайд вспомнил совет князя: «Никогда не делай торопливых выводов...» — и подумал: «У меня впереди целая ночь, надо проверить совет князя. Это единственный мой заработок за прошедшие двадцать лет».

Хозяева интересовались: кто он и откуда? Он сочинял о себе всяческие небылицы. Потом спросил:

— А давно ли вы женаты?

— Что вы! — воскликнула Шазина. — Это мой сын. Сын, не видевший своего отца. Еще не родившись, он уже лишился отца, — проговорила она сквозь слезы.

Юноша нежно обнял мать и стал успокаивать.

Арлан Уахайд не выдержал. Он подошел к жене и тоже обнял ее. Долго смотрели они в глаза друг другу. Свеча догорала, а они все смотрели и смотрели...

Потом Уахайд повернулся к сыну и повторил спасительный совет:

— Дорогой сын, никогда ничего не решай быстро. Быстро только заяц бежит.

ЛЕИЛА И АДАМУР

К князю Элизбару Мхеидзе, который жил в Абхазии, приехала погостить из Тифлиса его племянница — Леила. Прошло лишь несколько дней, а большие, черные, искрящиеся глаза юной грузинки уже покорили многих абхазских юношей. Их врожденная вежливость, ум, мужское изящество нравились девушке. Но сердце ее оставалось свободным.

И вот пришла пора, когда и она полюбила.

Князь праздновал день рождения своей племянницы. Среди приглашенных был юноша Адамур. Леила полюбила его с первого взгляда, потому что именно о таком, как Адамур, грезила она в своих девичьих мечтах. Никто теперь, кроме Адамура, не интересовал ее. Как магнолия тянется к солнечному свету, так тянулась к нему Леила. Адамур же смотрел на нее равнодушными глазами. Они не грели ее. Значит, у нее есть соперница? Кто она?

Весь вечер Леилу окружали многочисленные поклонники, а она все думала об Адамуре и искала случая

заговорить с ним. Этот случай вскоре представился. Кто-то из молодых людей остановил проходившего мимо Адамур:

— Вы знаете, Амчи Хаджарат подарил сегодня своего любимого коня Джара Таибу Шармат.

— Джара? Не может быть! Ведь он не продал бы его ни за какие деньги! Как это случилось?

— Очень просто. Таиб увидел Джара на джигитовке и, не сдержавшись, сказал, что конь этот ему очень нравится. И тем самым обязал Хаджарата к подарку!

— Это что! — сказал другой юноша, Нури. — Вот Алхас Ачба подарил гостившему у него летом русскому художнику целую дачу — дом с садом на берегу моря в Гудауте! Русский не знал, конечно, абхазского обычая. А потом отказываться было уже поздно.

Леила обрадовалась возможности заговорить с Адамуrom.

— Скажите, чем объясняется такая щедрость абхазов? — спросила она.

Адамур, глядя в ее блестящие, как сапфиры, глаза и, казалось, не замечая зарумянившегося ее лица, ответил:

— У нас есть такой обычай. Если вам очень понравится какая-нибудь вещь — хозяин должен вам обязательно ее подарить. Поэтому гость иногда невольно заставляет хозяина преподнести ему то, что ему понравилось. Похвалив что-либо, уже нельзя отказаться от подарка, потому что такой отказ — большая обида.

— Но если что-то очень уж нравится... и больше нет сил скрывать это, — что делать тогда?

— Тогда... тогда надо брать! — сказал Адамур. Оба засмеялись.

— Вот я, например, — продолжал Адамур, — неосторожно похвалил вчера папаху, которая сейчас на мне, и хозяин тут же подарил ее.

Девушка давно уже заметила, как удивительно подходит серебристый оттенок каракулевой папахы к голубым глазам Адамура, нависая над его словно нарисованными бровями.

Сердце ее учащенно билось. Глаза и лицо горели. Адамур не был слеп, и он не мог не видеть, как она обворожительна.

Леила преодолела смущение:

— Я вижу, Адамур, что народ ваш очень щедр, почему же вы так скупы?

Юноша удивился. Некоторое время он смотрел на нее с немым вопросом.

— Я скуп? — промолвил он наконец. — Почему вы так думаете? Разве я не отдал вам то, что вам понравилось?

— Да!

— Что же?

Леила опустила глаза.

— Вы хотели бы взять что-то такое, что мне принадлежит?

— Да!

— Что же? — взволнованно повторил Адамур.

— Сердце! — робко произнесла Леила.

АРМАХУТ

Армахуту исполнился только год, когда его отца, Атла Кастея, захватили в плен заперевальные враги — карачи. Что случилось с отцом — никто не знал. Когда мальчик подрос, он донимал мать одним и тем же вопросом:

— Где отец?

Бедная женщина, выплакав все слезы, говорила сыну, что отец погиб якобы на войне, что давно уже его нет в живых. Но до маленького Армахута дошли слухи о том, что отец жив, что он находится по ту сторону перевала, в плену у карачаевцев. И детская душа не знала покоя...

Мальчик рос замкнутым. Тоска по отцу овладевала им все больше. Мать всячески старалась отвлечь сына от грустных мыслей и своей любовью возместить потерю отца. Но мальчик не переставал думать о своем...

Как-то раз, когда Армахуту было уже четырнадцать лет, он прибежал к матери, которая пекла чуреки, и, не дав ей опомниться, крепко сжал ее руки. Женщина вскрикнула:

— Нан, нан! Что ты делаешь? Мне больно!

Армахут еще сильнее стиснул ее руки:

— Не отпускай, пока не скажешь, где мой отец.

И тогда впервые женщина поведала сыну горькую правду о том, что его отец в плену у карачаевцев и нет надежды когда-нибудь с ним свидеться.

Армахут давно ждал этих слов, он был к ним уже подготовлен, ведь мать только подтвердила то, о чем он не раз слышал от соседей. Но слова матери родили в нем решимость, которой до сих пор не было...

Потянулись прежние, унылые дни. Мать часто плакала, а сын убегал куда-то со своими друзьями, возил-ся с какими-то ружьями. Женщина не обращала на это внимания, думая, что сын ее, как и все мальчики — его сверстники, увлекается обычными военными играми.

Но не детские военные игры занимали сейчас Армахута и его друзей. Они пробирались через перевалы, пропасти, скалы и разведывали дорогу к границам Карачая, выбирали места для засад. В каждом из трех мест они тщательно спрятали по два ружья с газырями.

И вот однажды, ранним утром, мальчик подошел к матери и, смело глядя ей в глаза, сказал:

— Прощай, дорогая мама, я иду искать отца.

Мать пыталась его отговорить: неизвестно, где отец, жив ли, путь труден и опасен, она потеряла мужа, а теперь потеряет единственного сына... Она плакала и умоляла Армахута пожалеть ее, несчастную. Однако Армахут был непреклонен. Он успокоил как мог мать, попрощался с ней и ушел твердым и тяжелым шагом взрослого человека, знающего, что он делает.

...Путь в Карачай лежал через Дальское ущелье и Клухорский перевал.

Мальчик шел по незнакомым местам, из аула в аул. Всюду он прикидывался ищущим работы батраком и тайком выпрашивал, где работают пленные абхазы. Порой ему удавалось встретиться с ними. Но он долго не мог напасть на след отца.

Наконец один пленный абхаз из села Аймара — его родного села — посоветовал пойти в соседний аул: там он встречал какого-то земляка. И Армахут направился туда.

И вот в богатом поместье карачаевского князя мальчик увидел седого старика слугу. Сердце Армахута подсказало, что это — его отец. Они поговорили, открылись друг другу. Сын стал упрашивать отца бежать из плена. Атла Кастей долго не соглашался: разве это мыслимо? Их обоих поймут и убьют. Но в конце концов Армахут убедил отца.

...Когда слуги князя обнаружили побег, Атла Кастей и Армахут уже были в горах. Их настигли и открыли по ним стрельбу. Но каково было удивление карачаевцев, когда раздались ответные выстрелы. Стреляли в самых неожиданных местах: там, где дороги переходили в козьи тропы, где они скрещивались. Беглецы стреляли метко, и у них оказалось много готовых зарядов — газырей. Откуда? У них ведь и ружей не было!

Погоня отстала, и так Атла Кастей и Армахут благополучно добрались до родного села.

Можно ли передать счастье женщины, когда она, почти обезумевшая от горя, увидела вдруг невредимыми сына и мужа?!

Все жители Аймара праздновали их возвращение. До сих пор в народе живет песня о подвиге четырнадцатилетнего Армахута — сына Атла Кастея.

ХЫХЬЧА

Эту историю рассказал мне бывший знаменосец Абхазской кавалерийской сотни в первой империалистической войне 1914–1917 годов, георгиевский кавалер Абашь Шваабан из абхазских негров .

— Сотня наша славилась бесстрашием, — вспоминал он. — Тем большее недоумение вызывал всадник Мрамба Кобзач, который сам о себе говорил: «Я осторожный человек. Зачем зря подставлять себя под пули? Я — хыхьча».

Все это знали и, конечно, посмеивались над ним, называя его не по фамилии, а просто — Хыхьча. Прозвище это прочно закрепилось за ним.

Но вот Хыхьча всех удивил и перестал быть Хыхьчей.

Случилось это так.

Нужно было немедленно доставить секретный пакет в штаб полка. А путь опасный — местность обстреливалась противником. Кто пойдет? Кто добровольно решится?

Мы бы скорее поверили в светопреставление, чем в то, что за это опасное дело возьмется наш Хыхьча.

— Я пойду! — сказал он.

Командир недоверчиво посмотрел на Хыхьчу.

— Всадник... Мрамба. — Он с затруднением назвал эту фамилию. — Ты хорошо подумал? Дорога ведь опасная, а ты слишком осторожен.

Хыхьча настаивал на своем:

— Прошу послать меня!

Тогда командир вручил ему пакет, и Хыхьча отправился выполнять боевое задание.

Все мы с волнением следили за ним. Хыхьча бежал, чуть согнувшись. Вокруг свистели пули. Он как бы не замечал их. Командир кричал ему вслед: «Спустись в окопы! В окопы!» Но он начал бежать по насыпи, показывая всем, какой он храбрый.

Так Хыхьча благополучно доставил в штаб пакет и невредимым вернулся к нам.

Никто не мог понять: что же с ним произошло? Чем объяснить такую перемену?

— Не иначе как у тебя завелся талисман, — шутили товарищи.

Все от души поздравляли его и даже перестали называть Хыхьчей.

Но смерть, пощадившая его однажды, не пощадила в другой раз. Выполняя новое боевое задание, Мрамба Кобзач погиб.

Командир раздал друзьям убитого на память его личные вещи. Одному из них досталась сумка. В ней лежал аккуратно исписанный обрывок тонкой бумаги.

Письмо от девушки. Оно было двухмесячной давности...

«Дорогой мой, мне стыдно за тебя, — писала она. — В госпитале я встретила раненого Кезыма Абухба, который хорошо знает тебя. Он сказал, что тебя называют не по фамилии, а по кличке Хыхьча, так как сам ты, будучи очень осторожным, советуешь другим быть такими же. Он сказал, что все другие конники смелые и храбрые, а ты отсиживаешься за их спинами. Мне очень обидно было слышать такое. Что с тобой? Неужели ты и в самом деле трус? Прошу тебя, во имя нашей будущей жизни, я ведь жду тебя и буду всегда ждать, перебори свой страх. Пусть забудут кличку Хыхьча, как будто никогда ее и не было. А то, чего доброго, высмеет тебя Жана Ачба. Лучше смерть. А сейчас он славит в новой песне таких ваших афырхаца, как Василий Лакоба, Ванача, Коция Лакрба...»

На этом письмо обрывалось.

Нас не интересовало его продолжение. Все понятно. От души жаль было Мрамба Кобзача, нашего Хыхьчу, который погиб как афырхаца. Хотелось, чтобы девушка знала об этом и гордилась им.

ОТЕЦ И СЫН

Рождаются все люди одинаково, а умирают по-разному. Никогда не спрашивают, как родился человек, а всегда спрашивают, как он умер. Поэтому нужно прожить жизнь и умереть так, чтобы близким не пришлось краснеть за тебя.

Об этом не раз напоминал детям их учитель — всеми уважаемый Царгуш Мамат.

К нему-то в горное село Куламба и отдал на воспитание Дбар Рабыдж своего единственного сына Таиба. С тех пор прошло шестнадцать лет. Таиб за это время видел своих родных только несколько раз. Но вот скоро должно было состояться его торжественное возвращение в родной дом.

Но этому не дано было свершиться!

Во время одного из разбойничьих набегов на село Куламба Таиб был смертельно ранен. Узнав о несчастье, Дбар Рабыдж отправился к сыну.

Когда Таибу сообщили о приезде отца, он собрал последние силы и встал на ноги, в знак уважения к отцу.

Раны его от напряжения раскрылись, хлынула кровь, и юноша на глазах у отца скончался.

Тогда опечаленный Дбар Рабыдж сказал: — Был бы из него настоящий человек, жаль, погиб рано.

ОСТРОУМНЫЙ ЧАЧВ ЧАГУ

Люди говорят, что скупого, как и горбатого, только могила исправит. Но остроумный Чачв Чагу так пристыдил скупую вдову Хьфафу, что она если и не изменилась, то все же надолго запомнила его.

Чачв Чагу пришел однажды к Хьфафе, и та угостила его самым что ни на есть скромным обедом — мамалыгой с фасолью. В это время на пороге ее пацхи закудахтал большой, жирный петух.

Хозяйка прогнала петуха и при этом добавила:

— Если бы ты был зарезан и зажарен, то доставил бы удовольствие моему гостю.

Чачв Чагу не полез в карман за словом. Он сказал в тон Хьфафе:

— Когда я шел к тебе, видел в кооперативе чудесные шелковые шали. Если бы хоть одну из них на тебя накинуть, ты стала бы куда красивее, нежели была до замужества.

Хьфаф вспыхнула и прикусила язык.

НАХОДЧИВАЯ ЗАЗА

Заза — нареченная невеста Мамсыра — отказалась выйти за него замуж. Это вызвало в селе неприятные для жениха толки. Родственники Мамсыра явились вместе с женихом к братьям Зазы и с угрозами стали требовать невесту. Братья растерялись: что делать?

Но сестра выручила их.

— Я объясню вам причину моего отказа, — успокоила она пришедших. И с усмешкой обратилась к Мамсыру: — Слово, данное тебе, я выполню в том случае, если ты тоже исполнишь свои обещания. Мне известно, что ты обещал уже девяти девушкам жениться на них и ни на одной не женился. Так вот, сперва женись девять раз, а потом уже приходи ко мне.

Заза гордо подняла голову и вышла.

Что было делать пристыженному Мамсыру?! Он будто в рот воды набрал.

Все разошлись по домам, хваля находчивую Зазу и смеясь над опростоволосившимся Мамсыром.

ЭДГИ-ДЖУК

...Одного из множества слуг князя Таташа звали Эдги-Джук. Джук — по-абхазски горб. Эдги-Джук был действительно горбатым.

Князь Таташ послал его как-то в соседнее село к другу своему Чичину, пригласить того на званый обед.

Чичин сидел в кругу гостей и пировал, когда ему сообщили, что от Таташа пришел человек. Он приказал позвать его. Эдги передал приглашение князя Таташа.

— Что-о-о-о? — заорал вдруг Чичин, увидев горбуна — Князь Таташ не нашел лучших слуг послать ко мне?

— Лучших он послал к лучшим, а к тебе послал меня, — ответил Эдги.

ОБЕД У СКУПЫХ

Скупы были хозяева. Долго разговаривали они с гостем за пустым столом.

— Ты бы хоть мамалыгу сварила и подала к столу. Гость небось проголодался, — сказал жене хозяин.

— Мамалыгу считай уже поданной. Ты лучше поставь бутылку вина на стол, — ответила жена.

— Вино считай уже поставленным, — ответил муж.

— Ну, а что касается меня, — сказал им обоим гость, — то считайте, что я уже и поел и попил.

УМОЛКНУВШИЙ ДРОЗД

Лесных птиц беспокоило молчание дрозда; всегда веселый, поющий, он вдруг загрустил и умолк. Птицы окружили его:

— Что с тобой стало? Ты ведь знал так много песен, так звонко пел их и доставлял нам такую радость! Спой снова что-нибудь!

Дрозд с грустью ответил:

— С тех пор как ястреб, кружась надо мной, коснулся моей головы, я позабыл все свои песни, кроме одной — песни страха. Ее ли петь вам?! Пусть никто никогда ее не услышит!

КОЗА И ВОЛК

Трепещущая от страха коза спасалась от волка. Наконец-то она очутилась на таком выступе скалы, куда волк не мог забраться. Ринулся было волк, но напрасно. Не достать ему козы. Сел он на задние лапы, завывал от злости и стал смотреть на козу жадными глазами.

Почувствовав себя в безопасности, коза перевела дух и принялась ругать волка:

— Подлец ты! Вор и разбойник! Презираю я тебя. Ух, с каким бы удовольствием растерзала я тебя, да не хочется спускаться со скалы. Негодяй ты мерзкий!

— Глупая ты, безмозглая коза, — ответил ей волк. — Понимает ли твоя пустая башка, что все эти дерзкие слова принадлежат не тебе, а тому месту, на котором ты сейчас находишься. Будь ты здесь, рядом со мной, ты бы не о том бляла.

ХАСА

Если у стариков абхазов завязывается беседа о лошадях, то остановить ее трудно. Так было и в этот вечер.

Говорили о лошадях прославленных пород, отличившихся на скачках или джигитовке. Когда речь зашла о повадках наиболее полюбившихся скакунов, столетний Шармат Арслан сказал:

— Да, бывает так, что человек проживет долгую жизнь, а умрет, и нечего о нем вспомнить. А другой погостит на земле недолго, но рассказы о нем передаются из уст в уста. — Он помолчал и добавил: — Я знал коня, которого можно назвать конем-героем.

— Не Хаса ли ты вспомнил, Арслан? — спросил один из стариков.

Все оживились:

— О! Хаса!.. Расскажи, Арслан! Ведь мы только слышали о нем, а ты, вероятно, видел его своими глазами.

— Да, видел, — не без гордости ответил Шармат Арслан, и глаза его загорелись. — Вот это был конь! Никогда не встречал я такой длинной, густой, отливающей золо-

том гривы и такой красивой головы на высокой, гибкой шее. Его маленькие прозрачные уши всегда трепетали, широкая, мощная грудь вздымалась, а пышный и блестящий хвост походил на сноп золотых лучей. А ноги! Крепкие, стройные, они были так тонки внизу, что, казалось, им пришлось бы впору браслеты с женской руки. Стоило только взглянуть на них, чтобы понять, что конь этот легкий и быстр, как вихрь. Он и был таким, клянусь вам... Никогда не забыть мне его глаз, сверкавших, как два маленьких солнца... Это был не простой конь, а сам араш.

— Готов поспорить: он был из породы «апшдза»! — воскликнул старый Лагустан.

Шармат Арслан, нахмурясь, покачал головой:

— Ты ошибся, Лагустан. В те годы эта порода у нас уже перевелась. Из всех коней «апшдза» на абхазской земле остался в то время только один, но о нем речь впереди, а всех остальных вывезли, к нашему горю, захватчики-турки. Нет, Хаса не из породы «апшдза». Его хозяином был крестьянин Смыр Шахан из села Гурзаул. Этого коня еще жеребенком привез в подарок из Аджамстана его зять перс Яхья, богатый купец, у которого был свой дом в Сухуми. Говорят, он очень уважал своего тестя и знал, что хороший конь для Смыр Шахана дороже всего на свете. Смыр Шахан сам вырастил любимца, лелеял его, как родного сына.

Кто помнит те времена, как я, тот знает, что Хаса двенадцать лет подряд брал первые призы на ежегодных скачках. Многие пробовали состязаться с Хаса. Бывали у нас прославленные кони из Джигетии, Черкесии, Карачая, Кабарды и из Одиши. Но ни один из них не

одолеет в беге Хаса, потому что — говорю я вам — он был как вихрь, а разве можно обогнать вихрь?!

А потом Хаса постарел, и Смыр Шахан, оберегая его честь, посылал все реже коня на состязания. Только Хаса продолжал еще пять лет держать первое место: ни один конь не мог победить его. На шестом году у Хаса появился достойный соперник — молодой конь «апшдза». Из всей чистокровной породы «апшдза» лишь один и уцелел в Абхазии. Как это случилось? А вот как. Когда злодеи-князья обрекли наш народ на махаджирство, одна кобылка забежала случайно в горы, в пещеру, заблудилась и осталась на родной земле. А вскоре родился от нее резвый красавец жеребец.

Ему едва исполнилось три года, когда на скачках в Сухуме он оставил позади себя всех коней. Те, кто слышал об этой победе, не верили своим ушам: неизвестный до сир пор молодой конь закончил скачку на полминуты раньше, чем удавалось непобедимому Хаса. И с этого дня уже не Хаса, а молодой скакун из Гумста стал любимцем и гордостью всех абхазов.

Шармат Арслан задумался.

— Но кони добрее, чем люди, — продолжал он затем, — они не мстят тому, кто одержал над ними благородную победу. И случай с Хаса подтвердил это. Когда Смыр Шахан, пожелав скрасить своему пострадавшему другу тягостные дни, взял его как-то с собой на скачки и подвел к скакуну, одержавшему в тот день новую победу, — грустные глаза Хаса заблестели, и он ласково заржал, как бы приветствуя молодого коня...

— Ты сказал, что он был конем-героем, Арслан, — напомнил один из стариков.

— Да, да! — с живостью подхватил Шармат Арслан.
— К этому-то я и клоню свою речь.

Он замолчал, охваченный воспоминаниями.

— В тот год съехалось много гостей, — продолжал он. — Они привели лучших коней из Джигетии, Кабарды, Карачая, из Мегрелии и других земель. Привели своих скакунов и черкесские князья Атажуковы. Было объявлено соревнование на быстроту и выносливость.

В те дни у перса Яхья гостил мальчик, его племянник из Аджамстана, Самат. Этот мальчишка, как говорил сам Яхья, уже тогда слыл в Аджамстане отличным наездником. Он-то и стал упрашивать дядю, а тот — своего тестя Смыр Шахана, чтобы дал Хаса, — так хотелось ему участвовать в соревновании. Смыр Шахан долго колебался, но об этом же стала просить и дочь Кудейза. И Смыр Шахан в конце концов внял просьбам.

А Хаса, словно предчувствуя недоброе, не подпускал к себе Самата и примирился с ним лишь после того, как накануне скачек хозяин, приласкав коня, своими руками посадил мальчишку в седло... Да, сам, своими руками!.. Мог ли он предвидеть, какое испытание пошлет судьба его любимцу в тот день?

До сих пор Хаса не видел от людей ничего, кроме добра и ласки, и только иногда справедливую строгость. Но в тот день он испытал на себе их коварство и злобу.

С самого начала Самат стал сдерживать стремительный бег Хаса. Можно было подумать, что наездник хочет сберечь силы коня, чтобы к концу скачек не устало его сердце, не ослабли ноги. Но Самат вовсе не тем был озабочен — он заставил Хаса свернуть с дороги к ближнему лесу. Навстречу выскочило несколько здоро-

венных молодцов; закрыв лица башлыками, они схватили коня под уздцы. Мальчишку тут же сбросили с седла, а Хаса крепко привязали к стволу могучего дуба.

Вскоре до его ушей донесся цокот копыт. Хаса встрепенулся всем сильным телом, рванул привязь, но не сорвался, а лишь поранил уздечкою губы.

Люди в башлыках замахали руками, закричали что-то Самату. Мальчишка ударил коня хлыстом. Это был для Хаса первый удар в его жизни. Конь пронзительно заржал, и тогда люди стали совать ему в рот бышлыки.

Хаса отчаянно мотал головой, стараясь укусить врагов, бил их хвостом, старался лягнуть. Он словно обезумел. Глаза налились кровью, с губ срывались клочья пены. Люди отскочили в стороны.

Один из них бросил Самату тугой кошелек и крикнул:

«Это тебе второй. Третий ты получишь после того, как вернешься на скачки и скажешь, что Хаса сбросил тебя с седла. А если не скажешь, вырежем твое продажное сердце. Ступай!»

Мальчишка поднял с земли кошелек и поплелся к дороге.

А в это время Хаса перекусил ремень привязи.

«Пусть бежит! — засмеялись люди в башлыках. — У него нет крыльев, чтобы догнать теперь даже самого отставшего из коней».

Но они рано торжествовали. Как молния пронесся Хаса мимо селений Пацкир, Амткел, Азانت и дальше — в Багада, Лата... Дивясь его бегу, крестьяне восклицали: «Это арашь! Да, да, это сам арашь!»

Старая наша пословица говорит: «От великой беды человек часто лишается сил, но от великой ярости его силы удваиваются». Это относится не только к людям.

Очутившись на дороге, Хаса почувствовал прилив свежих сил и уже в ближайшем к лесу селении Цабал опередил коня, шедшего позади всех. Потом он обогнал еще троих. И, наконец, в Коначхирском ущелье он настиг коня черкесского князя Атажукова. Обогнав его, Хаса понесся в село Багада и вырвался на просторное поле Дал.

Увидев коня, толпа всколыхнулась. Раздались восторженные возгласы: «Хаса! Хаса! Наш Хаса!» А Хаса все летел и летел, оглашая поле тревожным ржанием. На нем не было наездника. Это всех обеспокоило.

Хаса пришел первым, но, возбужденный бешеной скачкой, еще долго кружил по полю...

Смыр Шахан подбежал к любимому коню и взял его под уздцы. Хаса остановился, тяжело вздохнул и уткнулся мордой в плечо хозяина...

Шармат Арслан помолчал, раскуривая погасшую трубку.

— Ну, а что же мальчишка? — спросил Лагустан. — Пришел он в Дал?

Шармат Арслан презрительно усмехнулся;

— Мальчишка? Хм... Он шел, чтобы солгать, но когда увидел, как народ, собравшийся в Дале, приветствует Хаса-победителя, стыд опалил его сердце. И он швырнул кошелек с деньгами, повалился в ноги Смыр Шахану и рассказал всю правду. Когда мальчишка умолк, Смыр Шахан сказал: «Жаль мне тебя! Ты, человек, продал за деньги свою честь, свое достоинство и опозорил себя.

А Хаса отважно вышел победителем из посланного ему судьбой испытания. Немного же ты стоишь, если учиться благородству и мужеству тебе приходится у коня».

— Вот и вся история, — сказал Шармат Арслан.

МОЛЧАНКА

В давние времена в абхазских деревнях часто играли в молчанку. Кто первый заговорит – выполняет то, на что спорили.

Часто ссорился Адлей Гедлач со своей женой Хамжважв: кому что сделать по дому. Оба были ленивы, и каждый старался увильнуть от работы, переложить ее на другого.

Однажды поспорили, кому чистить хлев, который не убрали целую неделю. Решили сыграть в молчанку: кто первый заговорит, тот и уберет.

Супруги молчали весь день. А вечером приехали гости. Вошли в дом, поздоровались с хозяевами и попросились переночевать. Адлей Гедлач и Хамжважв в ответ ни слова. Гости обиделись:

— Что же ты так неприветлив, хозяин? Или тебе не нравится наш приезд?

— Ты не считаешь нужным даже разговаривать с нами! Ты забыл закон гостеприимства. Не совестно ли тебе?

Но Адлей Гедлач словно онемел. Молчала и Хамжважв.

— Уйдем отсюда, раз нас так неприветливо принимают, — сказал один из гостей и направился к выходу. Второй последовал за ним. А третий разозлился и ударил хозяина по лицу.

— Это тебе в назидание, чтоб в другой раз не нарушал обычая гостеприимства, — сказал он.

Тогда Хамжважв подскочила к мужу:

— Почему ты не сказал гостям, что мы играем в молчанку? Тогда бы он не ударил тебя.

— Ага! Ты первая заговорила! Вот и ступай чистить хлев! — радостно воскликнул Адлей Гедлач.

ПРОКАЗЫ ХАНИФЫ

Вместе с приятелем Кумфом мы долго бродили по цветущим альпийским лугам. Тут мы и встретились с колхозными пастухами. Они о чем-то просили сидевшего в кругу старика.

Мы обменялись приветствиями. Пастухи угостили нас традиционным кислым молоком со снегом. Потом они снова принялись упрашивать старика:

— Ну давай, давай, Эснат! Расскажи! Просим!

— Да оставьте вы меня в покое, — умолял старик. — Ведь пришли гости. Неудобно. Что они о нас подумают?..

— Никто ничего дурного о нас не скажет, — возразили ему. — Твой рассказ только развлечет гостей, и они будут тебе благодарны. Вспомни какую-нибудь забавную историю о легкомыслии женщин. Ты ведь много знаешь.

Обратились и к нам: мол, поддержите. И мы тоже принялись упрашивать старика.

— Хорошо, расскажу, — сдался старик. — Только на этот раз расскажу не о женщинах, а о мужьях: какие иногда бывают простофили.

— Вы все знаете, что такое сендис, — начал он. — Это наша старинная абхазская игра. Она состоит в том, что нужно как можно лучше, удачнее обмануть друг друга. Обманутый проигрывает то, на что играют, а тот, кто обманул, выигрывает.

Хорошо играла в сендис молодая жена Шяудид, красавица Ханифа. Она часто выигрывала у своего мужа, и тот с радостью платил ей свои проигрыши.

Однажды Ханифа, воспользовавшись отсутствием мужа, пригласила к себе любовника, а тут неожиданно вернулся муж. Испуганная Ханифа успела спрятать любовника в сундук.

«Здесь кто-то был?» — помрачнел Шяудид.

«Нет», — спокойно ответила Ханифа.

«А почему стол накрыт на двоих? — допытывался муж. — А чей этот недопитый стакан вина? Чья недокуренная папироса? Ты ведь не куришь?»

Ханифа бледнела и молчала.

«Где он?! — закричал тогда муж. В руках у него сверкнул кинжал. — Я убью его и тебя не пощажу!» — злое произнес он и начал рыскать по дому. Он подошел к сундуку и взялся рукой за крышку.

«Сендис! Сендис!» — овладев собой, весело воскликнула Ханифа и села на сундук. Она захлопала в ладоши.

Муж остановился как вкопанный.

«Сендис! — повторила она. — Я обманула тебя и играла сендис».

«Ловко же ты это сделала, — проговорил Шяудид. — Все выглядело так правдоподобно».

«Я долго обдумывала, как этого добиться, — улыбнулась женщина. — Чего только не придумаешь, чтобы выиграть красивое платье».

«Да, милая, ты выиграла свое платье, и завтра же мы его тебе купим», — обнимая жену, ответил Шяудид.

«Ну а теперь пойдем к речке, подышим свежим воздухом, — сказала Ханифа и игриво потянула мужа за руку. — Мне очень жарко». И она увлекла его за собой.

А любовник тем временем спокойно вылез из сундука и скрылся.

В другой раз Шяудид снова вернулся домой так же неожиданно. Он долго стучал в дверь, но Ханифа не открывала ему. У нее и теперь был любовник.

«Не открою тебе, пока не придет тетя Кама, — кричала она. — Поди приведи тетю Каму».

«Тетю Каму? — недоумевал Шяудид. — Ведь она живет в конце села. Зачем тебе она?»

«Зачем! Зачем! — передразнила Ханифа. — Только при ней я смогу открыть тебе дверь». Озадаченный муж отправился за тетей Камой.

Прошло немало времени, прежде чем за дверью раздался наконец-то голос тети Камы. Ханифа открыла дверь и, дрожа от страха, со слезами показала на осколки валявшегося на полу разбитого зеркала.

«Тетя Кама! Тетя Кама! — всхлипнула она. — Видишь, что я наделала: разбила нечаянно зеркало, которое ты мне подарила. Мой муж так любил его... Теперь он убьет меня... Защити меня!»

«Не бойся, родненькая, не бойся! — успокаивала ее тетя Кама. — Он ведь любит тебя».

«Что ты такое выдумала? — ласково произнес Шяудид. — Я ведь никогда не только на тебя руки не поднимал, но и даже голоса не повышал. И откуда ты взяла, что я так любил это зеркало? — Он обнял жену и просто-душно сказал: — Какие вы все-таки, женщины, наивные! Если бы вы знали себя так, как я вас знаю!»

Шяудид был уверен, что никто, как он, не знает женскую натуру.

Все долго смеялись.

— Да-а... — заключил старик. — Есть еще ум в глупце, который сознает свою глупость, но нет ума в том, кто уверен в своей мудрости.

НАСЛЕДСТВО

У богатого Абух Шьяаба был сын — кутила и мот. Отец понимал, что стоит ему умереть, и тот быстро растратит все его состояние.

Долго думал отец, как помочь сыну.

— Когда я умру, Джегим, живи как хочешь, — сказал он ему. — Об одном только прошу: побереги вот эти три вещи, — и он указал на табуретку, на веревку и на вкрученный в потолок крюк для лампы. — Храни их как зеницу ока, — говорил отец. — Я знаю, что ты промотаешь все свое наследство. А когда ты убедишься, что все твои собутельники, прикидывающиеся теперь твоими друзьями, покинули тебя, и останешься совсем один, то тебе останется один выход — повеситься. Вот тогда тебе пригодятся табуретка, веревка и крюк.

Все произошло именно так, как предсказал Абух Шьяаб.

После его смерти сын вместе с друзьями промотал отцовское наследство. Никому не нужный, оставшись без всяких средств, он пришел в отчаяние.

И тут он вспомнил о трех оставшихся у него вещах. Быстро приняв решение, взобрался на табуретку, привязал веревку к крюку, затянул петлю на шее и оттолкнул ногой табуретку...

Но как только он повис, крюк тотчас же сорвался. И тут из образовавшегося в потолке отверстия посыпалось... золото!

Крюк, оказалось, был ввинчен в дно скрытого на чердаке ящика, где хранилось золото покойного Абух Шьяаба.

Только теперь сын понял смысл последней просьбы своего отца. Он пришел ему на помощь и после смерти, в тот самый час, когда сын, познав нищету и одиночество, оказался на краю гибели.

С тех пор не узнать Джегима.

ГУСИ ПРИВЕДУТ

У подножья скалы, на зеленом лугу, сидел пастух — он пас колхозное стадо. Подошел юноша, одетый в дорогой пестрый костюм. Он явно щеголял своим нарядом. Лицо его так и сияло самодовольством. Он не считал нужным поздороваться с пастухом, сказать ему: «Уа уб-захвит!»

— Ты из этого села? — спросил он.

— Да, — ответил пастух.

— Тогда покажи мне путь к дому Арыш Белала. Мне он очень нужен. В вашем селе я ни разу не бывал и не знаю дороги.

— К Арыш Белалу? — переспросил пастух.

— Да, да! К Арыш Белалу! — нетерпеливо повторил юноша.

— Дорога к Арыш Белалу сложная, — хитро улыбнулся пастух. — Боюсь, ты сам туда не дойдешь, заблудишься. Сейчас утро. Придется подождать до вечера... Видишь гусей? Там есть гуси и Арыш Белала. Вечером они пойдут домой. А ты иди за ними. Гуси и приведут. Они лучше тебя разберутся в дороге.

ДЖАРА

Одной из самых любимых игр на конях у абхазов был «чераз». В нее играют и теперь, но очень редко. Я всегда любил ее. Для «чераз» отводят на ровной площадке дорожку — около ста метров в длину и пять-шесть метров в ширину и заливают водой, чтобы она была скользкой. С обеих сторон этого своеобразного катка стоят верховые и пешие люди. Участники «чераз» выступают по одному. Джигит должен разогнать коня и так, мчась вихрем, остановить его перед самым катком, дать, так сказать, полный тормоз. Конь плавно скользит всеми четырьмя ногами. Этому помогают стальные пластинки, которыми прикрыты подковы. Правила «чераз» требуют, чтобы конь катился по всему катку до самого конца, держась ровно, как на сухой земле. И джигит должен сидеть на коне не сгибаясь, держась так, словно прирос к коню. Здесь все имеет значение: как скользит конь, как держится седок. Далеко не каждому участнику игры — коню и джигиту — удастся выполнить правила «чераз». То джигит допустит лишнее движение, то у коня подогнутся ноги, а то он даже упадет и поволочет за собой седока...

Общий восторг вызвал однажды в Лыхнах старик Тлабган Ахуба из горного селения Члоу. Он буквально затмил всех на своем красавце коне Джаре.

Джара!.. Джара!.. Будто вот сейчас вижу перед собой этого вороного красавца! Такого коня я больше нигде не встречал. А главное, во всех видах джигитовки, и особенно в «черазе», он не имел себе равного. И сколько ни предлагали денег Тлабгану за Джару, он всегда отвечал: «Конь этот — моя единственная радость. Я не отдам его никому ни за какие блага на свете». Предлагали ему в обмен на Джару других прекрасных коней, но он не соглашался.

Джарой решил овладеть юноша из села Блабырхуа. Звали его Астамур Барцыц. Дело в том, что на состязаниях по «черазу» была и его невеста, красавица Шазина. Она сказала ему: «Ты стал бы для меня еще прекрасней, Астамур, и еще любимей, если бы владел этим конем».

И Астамур во что бы то ни стало решил приобрести Джару. Горячим и азартным был Астамур. Он предложил старику, кроме денег, еще двух своих коней, двух волов, корову и, наконец, хорошее кремневое ружье, которым очень дорожил. Но старик Тлабган был неумолим.

— Нет! — отрезал он. — Этого коня я не отдам ни за какую цену.

Это еще больше подогрело Астамура. Он решил не уезжать домой без Джары. В конце концов он пришел к мысли, что коня нужно украсть. Но как?

Двор Тлабгана охраняли две огромные злые собаки. Несколько раз за ночь выходил к Джаре сам хозяин.

Два месяца не возвращался Астамур домой. Родные беспокоились. Бог весть что передумала его не-

веста. Послали человека. Тот вернулся и сообщил, что Астамур жив, здоров. Задерживает его важное дело. И он не вернется, пока не закончит его.

Астамур действительно был очень занят. Он все время вертелся около Тлабгана, всюду ходил и ездил за ним, по ночам скрытно бродил возле его двора.

И вот наконец он дождался своего.

Как-то, следуя за Тлабганом, он настиг его у переправы через реку Кодор. Старик спешился, Астамур подошел к нему, поздоровался.

— Прощу тебя, уважаемый Тлабган, — обратился он к нему. — Подсади меня к себе и перевези на тот берег. Я очень спешу.

Старик, не подозревая ничего дурного, ответил:

— Зачем же нам ехать вдвоем? Садись на Джару и переплыви реку, а потом отошли его назад. Я подожду.

Астамур от радости опешил. Он сел на коня, быстро преодолел реку и крикнул с другого берега:

— Прощайся со своим конем, Тлабган! Не отдам!

Старик был спокоен.

— Хорошо, юноша, бери, — сказал он, — но если в тебе жив еще аламыс, Расскажи людям, если они тебя спросят, каким путем ты приобрел моего Джару. Услышав это, Астамур остановил коня. Ничто, даже град пуль вдогонку, не устрасило бы его. Но эти слова старика заставили его круто повернуть коня. Он вновь подъехал к реке и пустился вплавь обратно.

Старик следил за ним так, как охотники смотрят на падающую с неба после удачного выстрела дичь.

Переплыв реку, юноша спрыгнул с коня и подвел его к старику.

— Возьми своего коня, Тлабган, — произнес он срывающимся от волнения голосом. — Прости и забудь, что произошло между нами.

Старик светло улыбнулся.

— Человек сам устраивает свою судьбу, — ответил он. — Вот ты поступил сейчас благородно, и я награжу тебя за это: дарю тебе Джару! — И он протянул ему поводья. — Возьми его!

У юноши от радости заколотилось сердце. Он порывисто нагнулся и поднес к губам подол черкески старика:

— Спасибо!

— Чтобы и враг говорил тебе «спасибо», — сердечно произнес Тлабган.

Но Астамур не принял дорогого подарка.

— Нет, уважаемый Тлабган, — сказал он после короткого колебания, — не могу... Прости, но я знаю, как тебе дорог Джара.

Юноша ушел.

— Живи долго, дад! — сказал ему старик вслед.

СМОТРИНЫ

Старый Коблух решил сам повстречаться с девушкой, в которую был влюблен его внук, и определить, умна она или нет. Ведь счастье семьи зависит не столько от красоты жены, сколько от ее ума. Недаром говорят: «Язык жены может стать лестницей, по которой в дом входит несчастье».

И вот он под каким-то предлогом зашел в дом девушки. Он сказал при ней ее отцу:

— Очень странным показался мне сегодня разговор двух случайных моих попутчиков. Один из них спросил другого, моего давнего знакомого: «Сколько лет снегу на вершине? И сколько лет ручью?» А мой знакомый ему ответил: «Сорок лет снегу на вершине и десять — ручью».

— Да-а-а, действительно странный разговор, — сказал задумчиво хозяин.

— Если разрешите, отец, я скажу, о чем они говорили, — застенчиво произнесла девушка.

— Скажи, дад, скажи! — попросил ее Коблух. — Скажи, если ты поняла, — сказал отец. — Ты же у меня смысленая.

— Они беседовали о нашем почтенном госте, — ответила девушка. — Первый хотел узнать: как давно посещал он и сколько лет слезятся его глаза?

— Правильно, пожалуй, — обрадовался Коблук. — А я все ломал голову над их словами.

Отец девушки одобрительно улыбнулся.

— На моих соседей навалилась беда, и никто не знает, как от нее избавиться, — снова заговорил гость. — Наш князь Джамлат — будь он трижды проклят! — решил продать сына моего соседа турецким купцам. Чтобы придрататься к нему, он позвал юношу, дал ему большой камень и приказал в три дня сварить этот камень вместо барана и принести ему мясо. Завтра истекает срок. Родные его горюют и ничего не могут придумать.

— Что думать? — возмущенно сказала девушка. — Пусть он потащит обратно камень и скажет князю: «Хорошо, я сварю камень. А ты сначала зарежь его и сними с него шкуру».

Старый Коблук убедился, что девушка умна.

Тогда он задумал испытать ее выносливость и предложил ее отцу и ей пойти с ним в гости к его приятелю, живущему высоко в горах.

Хозяин не счел возможным отказать гостю, и вскоре они втроем вышли из дому.

В пути старик попросил девушку: «Пройди, дад, в этот лесок и приведи мне друга». Девушка поняла его и скоро принесла ему палку. А когда они дошли до того места, откуда начинался крутой подъем, отец ее стал было роптать, что долго еще им идти. Тогда девушка сказала, что она сократит им дорогу наполовину. И она

принялась рассказывать им такую интересную историю, что они незаметно для себя преодолели подъем и быстро достигли цели. Так она сократила им путь.

Старый Коблух тогда убедился, что девушка будет хорошей женой его внуку.

КУЕЙЗА

В горном селе Члоу жила семья Джарназа Аруба. Одну половину дома занимали отец и мать. А другую — их сын Кязым с женой Куейзой. Они были молоды, красивые и любили друг друга.

Однажды глухой ночью, когда в доме все спали, раздался стук в дверь. Ночь была темная, ветреная, холодная. Кязым, слегка приоткрыв дверь, вначале никого не разглядел. Потом он узнал своего кровного врага — Амчи Ханашв. Уже десятки лет враждовали их роды. Шестьдесят человек потерял род Амчба и пятьдесят пять — род Аруба. Увидев Амчи Ханашва, Кязым понял, зачем явился тот к нему ночью. Он рванулся было к стене, чтобы снять свое ружье, но Ханашв сильным ударом всадил ему в грудь острый кинжал. Кязым был убит на пороге своего дома.

Совершив свое кровавое дело, Амчи Ханашв незаметно исчез в темноте.

Куейза появилась, когда ее муж был уже мертв. Надо было сообщить старикам о случившемся. Но по

неписаному старому обычаю она не могла к ним обратиться: снохе запрещалось разговаривать в присутствии родных мужа. Тогда Кудейза взяла в руки ачангур, села у изголовья мертвого и начала петь «песню плача». Она воспевала доблесть погибшего, его силу, красоту и благородство.

Старики, которые спали за тонкой стеной, проснулись и услышали это странное пение, в котором все время повторялись слова: «Ты был... Ты был... А теперь погиб от руки злодея-врага...»

Они вошли в комнату сына и увидели страшную картину: их Кязым убит, над ним, причитая, поет свою горестную песнь Кудейза. Старики поняли все.

МУДРЫЙ ДЖЕСИБ

Долго уговаривал Джесиб своего внука Чигица, чтобы тот бросил воровать и картежничать. Но все напрасно. Почувствовав приближение смерти, старик последний раз подозвал к себе внука.

— Скоро я оставляю этот свет, — сказал он. — До сих пор ты меня не слушался. Прошу тебя, пообещай выполнить мое последнее желание. Ты можешь продолжать жить, как жил. Но разыщи старого, опытного вора и попроси от моего имени — пусть он научит тебя умело воровать. Разыщи также старого, опытного картежника и попроси его научить тебя хорошо играть в карты. Каждый человек должен знать свое ремесло.

Слова деда вызвали недоумение у внука. Но он пообещал выполнить его последнее желание.

И когда старый Джесиб умер, внук, верный данному обещанию, разыскал «короля» воров. Он удивился тому, что ему открылось.

В маленькой комнате «короля» воров даже не было мебели. Хозяин лежал на старой продавленной тахте.

На полу валялся треснувший горшок, из которого, видно, давно не ели. Гостю пришлось сесть на постель, которая зловеще скрипела под ним, готовая вот-вот обрушиться.

— Не бойся, — подбодрил юношу «король», — выдержи! На эту кровать садилось куда больше людей. Что привело тебя ко мне?

— Мой дед, умирая, — сказал Чигиц, — завещал разыскать самого опытного вора и поучиться у него искусству воровать.

«Король» воров оживился.

— Твой дед дал тебе дельный совет. Хорошо, что ты разыскал именно меня, а не этих сопляков, мелких воришек, которые не вылезают из тюрем. Наше дело требует таланта, — произнес он с достоинством. — Вор без ума и сноровки — не вор, а самоубийца. Да что там говорить! Приходи ко мне сегодня, как только стемнеет.

— Спасибо, — ответил Чигиц и ушел. Но уже сюда не вернулся.

Обстановка в комнате вора произвела на него куда более сильное впечатление, нежели все уговоры деда. Нищета и грязь говорили сами за себя. Вот оно, воровское «счастье»!

Оставив старого вора, Чигиц отправился разыскивать «короля» картежников. Тот произвел на него еще более тяжкое впечатление: картежник с взлохмаченными волосами стоял на коленях и лихорадочно метал на пол карту за картой.

Юноша выждал удобный момент и рассказал о цели своего прихода.

— О, ты не ошибся! — гордо заявил картежник. — Я играю уже больше тридцати лет. — На мгновение он

оторвался от карт и оглядел Чигица воспаленными глазами. Затем снова принялся азартно метать карты и тут же предложил гостю сыграть с ним.

Но юноша поблагодарил старого картежника и поспешил удалиться.

Он понял, что и старый картежник прожил свою жизнь впустую.

Так мудрый Джесиб спас своего внука. Старик знал, что жизнь учит куда лучше, чем любые нравоучения.

ТРУДОВЫЕ ДЕНЬГИ

— Ты уже взрослый, — сказал однажды отец сыну, — пора начать трудиться и самому зарабатывать себе та хлеб. Уходи и не возвращайся, пока не заработаешь хотя бы рубль.

Юноша усмехнулся и ушел. Он был ленив и не думал трудиться. Слонялся весь день, а вечером возвратился домой. Выручила его сердобольная мать: дала ему десять рублей.

Отец изорвал деньги и накинулся на него:

— Эти деньги заработаны не тобой. Убирайся и не смей показываться мне на глаза до тех пор, пока действительно не заработаешь деньги своими руками.

Сын недоумевал: кто донес отцу?..

Весь день он бродил по бульварам и кофейням, не думая о работе, снова надеясь на мать. И мать, конечно, еще раз выручила его. Вечером бездельник снова предстал перед отцом.

— Возьми, отец, — сказал он, протягивая ему деньги.
— Я заработал их сам.

Но отец разорвал деньги в клочки и снова накричал на сына, повторив все, что сказал ему в прошлый раз.

Сын все недоумевал: откуда мог отец узнать правду?

На третий день он наконец решил поработать. Молодые руки нужны всюду. Вечером юноша, изрядно устав, вернулся домой. Он подошел к отцу и протянул заработанные деньги.

Отец взял их и хотел разорвать. Но на этот раз произошло необычное. Сын схватил его за руки и закричал:

— Что ты делаешь? Не рви! Ведь я целый день трудился, чтобы их получить. У меня до сих пор горят на руках мозоли, — и показал отцу ладони.

Тут отец улыбнулся и сказал:

— Вот теперь я верю, что ты сам заработал эти деньги. Потому-то и дорожишь ими.

ТАЙНОЕ ПИСЬМО

Хорошо известно, как до революции в Абхазии было с распространением грамотности. Немногочисленные школы владели жалкое существование. В тех трудных условиях от учителей требовался подлинный энтузиазм.

Царские власти не утруждали себя заботой о школах, отпускали на народное образование считанные копейки. Приезжавших в Абхазию для инспектирования школ царских чиновников меньше всего интересовало, как и чему учат детей «инородцев». Но были среди этих людей и очень немногие отрядные исключения. Об одном из них, читатель, разреши мне рассказать эту быль.

Строго размеренный и, казалось, раз навсегда установленный уклад жизни закрытого пансионата Сухумской горской школы был вдруг нарушен. Инспектор и воспитатели метались как угорелые. Старательно убирался двор, оконные стекла мылись до блеска, натертые полы в классах и коридорах сверкали, как зеркало; по-

стельное белье и занавески, словно по щучьему велению, оказались белоснежно чистыми.

Двое суток мы наводили порядок, после чего нас до срока заставили побывать в пансионатской бане, помещавшейся тут же, во дворе. Затем всем нам выдали новую форму. Стали лучше кормить.

Обновкам, да и другим переменам мы, конечно, радовались, но вместе с тем недоумевали: в чем, собственно, дело? Что случилось? Мы обращались друг к другу с этими вопросами, так как воспитатели предпочитали ничего не объяснять, несмотря на настойчивые наши просьбы. А догадки были разные. Одни из нас говорили, что в Сухум, наверно, едет сам царь, другие – будто нас повезут на экскурсию в Кутаиси, в Гелатский монастырь, куда возили в прошлом году гимназисток... Предположений было много. И только буфетчик Апанас Иванович внес наконец ясность.

Он сообщил «по секрету» одному из воспитанников, что будто бы послезавтра должен прибыть из Петербурга попечитель кавказских учебных заведений, действительный статский советник – что-то вроде генерала.

Что ж, генерал так генерал! Встретить надо как полагается...

Был среди нас один беспокойный, до всего страстно допытывающийся сверстник, первый застрельщик всяческих игр и драк по фамилии Ччок.

– Ребята! – сказал он как-то в спальне, когда все мы улеглись спать. – Как только этот попечитель уедет, все снова пойдет по-прежнему: отберут у нас обновки, наденут старое тряпье. И кормить будут так же, как рань-

ше. Все это они делают только для отвода глаз. Ясно: его хотят обмануть. А мы не допустим этого! Давайте вручим попечителю письмо, в котором опишем, как нас кормили и одевали до его приезда.

Мой сосед по койке и добрый приятель Леонтий Тарба возразил:

— Не стоит этого делать. Ведь всем нам здесь все-таки лучше, чем дома. Жаловаться на учителей — не по аламысу.

Но Леонтия не поддержали. Чкок настоял на своем, сумел убедить большинство воспитанников, и письмо попечителю было решено передать.

Когда попечитель наконец действительно прибыл в школу, Чкок все время вертелся вокруг швейцара Никифора. Не успели гости и его спутники снять верхнюю одежду, как он незаметно пробрался в гардероб и сунул письмо в карман попечительской форменной шинели.

Попечитель, седой, плотный старичок невысокого роста, в сопровождении начальника Сухумского округа генерала Засыпкина, архимандрита отца Андрея (в миру — князя Ухтомского) и нашего начальства, прошел по всей школе, осмотрел классы, спальни, кухню, столовую, баню, побывал на уроке русского языка.

Учителя во главе с инспектором школы тоже в новых мундирах с начищенными до блеска пуговицами, вытянувшись перед попечителем, как солдаты на плацу, всячески старались по выражению глаз гостя дознаться, доволен ли он.

Ночью в спальне Чкок сообщил ребятам, что операция, как он выразился, удалась, и попечитель унес наше тайное послание в кармане своей шинели.

Но следующий день не принес никаких новостей.

Ребята недоумевали. Один из нас высказал предположение, что, заметив у себя в кармане какую-то бумажку, гость просто выбросил ее за ненадобностью, не прочитав.

На четвертый день, в двенадцать часов, уроки внезапно были прерваны, и всех учащихся созвали в актовый зал. Из учительской в зал вышел попечитель. Были с ним только наши учителя и школьный инспектор.

— Мальчики! — обратился к нам попечитель. — Письмо ваше я получил, прочел и вот пришел, чтобы ответить вам на него.

Воцарилась напряженная тишина.

— Письмо написано от имени группы воспитанников, но в нем не проставлены фамилии, — продолжал он. — Наверно, поспешили и забыли подписать... Я знаю, абхазы — народ храбрый, смелый, всегда отвечающий за свои слова и поступки! Я прошу писавшего письмо своей рукой назвать себя!

Все молчали.

— Кто же написал письмо? — повторил попечитель. Все продолжали молчать, затаив дыхание.

— Ну что ж, — продолжал он, несколько помрачнев. — Бывает и так: у храбреца отца сын труслив. Значит, выходит...

Не дав ему договорить, Чкок выскочил вперед и громко заявил:

— Письмо писал я! — Лицо у него было красным, как перец.

Попечитель словно просиял.

— Так-то лучше. А теперь поговорим. Скажи мне, пожалуйста, есть у тебя родные?

- В деревне мать и две сестренки. Отца нет.
- Скажи-ка, когда к вам приходят гости, вы едите пищу вкуснее, чем в обычный день? Так это или нет?
- Да, — подтвердил Чкок, — когда бывали гости, мы ели лучше.
- И одевались, наверно, нарядней и чище, не правда ли?
- Так, — упавшим голосом повторил Чкок.
- И все это — в знак уважения к гостям. Не так ли?
- снова спросил попечитель.
- Верно, по обычаю гостеприимства, — пробормотал Чкок.
- А я разве не гость для вас, для вашей школы?
- Конечно, гость! — сразу ответил Чкок. — Вы наш очень почетный гость.
- Даже очень почетный? — улыбнулся попечитель.
- Ну так вот, милый мальчик, ради меня, гостя из Петербурга, и приодели вас лучше, и покормили вкуснее обычного. Почему же тебя и твоих друзей это смущает?
- Чкок опустил голову и молчал.
- Попечитель подошел к нему и погладил его волосы.
- Вот и договорились обо всем... Какие у тебя отметки по предметам?
- Только пятерки и четверки! — быстро ответил Чкок.
- А по поведению?
- За два года один раз была четверка...
- Прекрасно! — сказал попечитель. — Вашему народу нужны культурные, образованные люди. Учись отлично, будь и впредь прилежен, и тогда по окончании школы мы пошлем тебя учиться дальше, тоже на казен-

ный счет. Что касается этого письма, я его не одобряю, но за то, что ты сознался, я попрошу господина инспектора простить тебя и твоих одноклассников.

...На этом и кончилась история с нашим тайным письмом.

Так нам казалось тогда.

Никто не вспоминал о поступке Чкока. Создалось такое впечатление, что вообще ничего не случилось. Инцидент был предан забвению.

Прошло много времени. Я уже успел перейти в другой класс и выехать на каникулы к родным в деревню.

В те дни в гости к отцу приехал один из воспитателей городской школы, родственник моей матери Фома Христофорович Эшба. За столом он и вспомнил о приезде в Сухум Славинского, того самого попечителя из Петербурга, и рассказал о нашем тайном письме.

Вот тогда-то я узнал конец истории с тайным посланием попечителю.

Побеседовав с нами и создав администрацию школы, попечитель устроил инспектору форменный разнос. В присутствии учителей он строго предупредил его, что тот будет уволен, если станет, как прежде, пренебрегать нуждами и запросами воспитанников.

После рассказа Фомы Христофоровича мне стало ясно, почему после посещения школы попечителем нас продолжали хорошо кормить и одевать.

ПЕРВАЯ КНИГА

...Могуча власть слов, стоящих там, где надо...

Буало

Эту историю рассказал мне мой соотечественник и старый друг стосорокасемилетний абхаз Шхангерий Бжаниа.

Я не оговорился — ему действительно было сто сорок семь лет, а может быть, и больше, во всяком случае, не меньше. Но и в этом возрасте он сохранил здоровье, которому я однажды даже позавидовал. Мы поднялись с ним на четвертый этаж сухумской гостиницы «Абхазия», ко мне в номер. На третьем пролете я почувствовал сильное сердцебиение и остановился, чтобы отдышаться. Старик с увлечением продолжал говорить как всегда о чем-то занимательном. Не прерывая разговора, он опередил меня на несколько ступенек, оглянулся и, бросив взгляд на мое, очевидно побледневшее лицо, спросил не без тревоги:

— Что с тобой? Ты ушиб ногу?

— Нет, нет, — ответил я, проводя ладонью по груди.
— Сердце...

По его удивленному лицу я заключил, что он не понял меня. Ему, видимо, за всю свою долгую жизнь никогда не приходилось задумываться над тем, где у него находится сердце...

Когда мы вошли в номер, старик, по моему приглашению, опустился в кресло и, увидев на письменном столе грудку небрежно разбросанных книг, принялся их рассматривать.

— У тебя есть книги, написанные на нашем, абхазском языке? — спросил он с живым интересом.

— Ну, конечно же, — ответил я и разложил перед ним несколько книг абхазских писателей.

— Это очень хорошо! — одобрил он. Потом задумался и снова спросил: — Быть может, у тебя есть и первая абхазская книга? Та, которая была напечатана раньше всех других?

Я понял, о какой книге он спрашивает, и улыбнулся:

— Нет, дорогой Шхангерий, той редкостной книги у меня нет, мне даже никогда не пришлось и видеть ее...

— А я видел! — торжествующе произнес старик и протянул мне свои морщинистые руки. — И эти пальцы даже перелистывали ее!..

Я заволновался.

— Когда же это было, Шхангерий? Где? Расскажи!

Тогда-то в рассказе Шхангерия Бжаниа ожил достопамятный эпизод из прошлого нашего маленького, многострадального народа. Он невольно напомнил мне древнюю легенду о том, как некое государство, проигрывая войну, обратилось за помощью к соседнему дружественному государству. В ответ на эту просьбу вместо войск или хотя бы оружия соседи прислали на выруч-

ку какого-то хилого, невзрачного старичка. Посланца встретили недружелюбно, усмотрев в его появлении насмешку со стороны соседей. Но старичок не подал виду, что заметил это, и сразу же стал читать перед терпящим поражение войском стихи. Изумительные по яркости и силе убеждения, они влили в сердца слушателей чувство высокого патриотизма и волю к победе, и, вдохновленные волшебными стихами, отступавшие войска обрели смелость и отвагу, смяли и разбили вражеские полчища.

Легенда эта не имела прямого отношения к рассказу Шхангерия, но, когда он замолк, она вспомнилась мне, быть может, именно потому, что поведано в ней о могуществе слова...

— Когда это было? — задумчиво повторил Шхангерий мой вопрос и, полузакрыв глаза, помолчал минут-другую... — Думается мне, с тех пор прошло не меньше ста лет... — И, снова помолчав, продолжал: — Ты учился и, конечно, знаешь из книг о тех временах, когда наши князья обрекли свой народ на изгнание. Вот когда это было.

— Ты говоришь о махаджирах? — спросил я.

— Да... — Скорбь омрачила его лицо. — В числе махаджиров и я был обречен на изгнание в Турцию. И от этой беды нас спасла как раз та книга, о которой я спросил у тебя. Первая наша абхазская книга!.. Ведь в жизни часто бывает, когда неожиданный случай может изменить ход событий, твою судьбу...

С первых слов Шхангерия передо мной встали картины того страшного времени.

...Когда после трехсотлетнего владычества турки наконец были вынуждены оставить Абхазию, местные князья, сами и через подставных лиц, стали распространять лживые, нелепые слухи о том, будто порядки и законы русских еще ужаснее, чем турецкие, и убеждали абхазов переселиться в Турцию. Князьям это было нужно для того, чтобы нажиться на продаже крестьянских земель.

Но народ не желал оставлять родину добровольно и сопротивлялся, как только мог. Провоцируя «народные бунты», князья создавали банды наемников и, с одобрения царских властей, устраивали набеги на мирное население, разоряли его, поджигали дома, опустошали целые селения, вынуждая крестьян покидать родные места. Так оголились Гагра, Гумиста, Дал, в запустение пришла вся местность вдоль Военно-Сухумской дороги до самого Кавказского хребта. Махаджиры на турецких кораблях уплывали за море и гибли на чужбине...

Абхазский народ перенес тогда тяжелые испытания... Я навсегда запомнил встречу со старым Шхангерием Бжаниа. Вот его рассказ, рассказ очевидца и участника событий 60–80-х годов прошлого века, оставивших неизгладимые раны в сердце нашего народа.

...Была сырая, промозглая осень. Пятый день беспрестанно моросил дождь. Казалось, сама природа плачет, расставаясь с изгнанниками.

В этот день настал черед абжуйцев – жителей южной Абхазии. На отлогом морском берегу, у устья горной речки Меркулы, высоко над дубом реяло пурпурное по-

лотнище с золотым полумесяцем и кистями. Здесь было место сбора выселяющихся в Турцию крестьян. И люди сюда стекались отовсюду.

Вдали горели крестьянские пацхи. По непролазной грязи к морю двигались арбы с жалким скарбом, запряженные волами и буйволами.

А на качающихся неподалеку от берега фелюгах и баржах ветер надувал паруса и трепал одежду уже погрузившихся людей. Над суденышками вились стайки белокрылых чаек, и их несмолкаемые хриплые крики словно предупреждали махаджиров о предстоящих бедствиях...

Мутные от дождей воды Меркулы широко разлились. Людям стоило больших усилий перейти ее вброд и выбраться на поляну. Сотни людей скучились здесь. Многие были в лохмотьях, сквозь которые просвечивали исхудалые тела... С тоской вглядывались они в море, думая об одном: «Что нас ждет там, на чужбине?»

На поляне стояла зловещая тишина, прерываемая шумом набегавших морских волн и скрипом уключин в лодках перевозчиков.

— Великое горе всегда безмолвствует, дад, — сделал небольшое отступление Шхангерий. — Оно не разражается слезами, ложась на сердце тяжелым грузом... — И продолжал: — Мой приятель Хиб Шоудыд из села Гуп, человек доверчивый и неугомонный, стал утешать горемык. «Крепитесь, люди! Соберите мужество и силы! — увещевал он. — Взгляните на эти фелюги! Их прислал нам сам падишах. Наш славный князь Алыбей ездил к нему в Турцию, просил приютить нас, и падишах обещал

нам покой и мирный труд на своих землях. С Алыбеем был и Маф. Послушайте, что он говорит о махаджирах-гумистинцах!»

И в самом деле, перед нами объявился Маф. Мы тогда не догадывались, что он давно продан хитроумному и коварному князю Алыбею.

«Хиб Шоудыд сказал вам правду, братья, — подтвердил Маф. — Клянусь вам, что гумистинцы живут на турецких землях, как в раю! Падшах принял их как братьев».

Только произнес Маф эти слова, как в круг вошел князь Алыбей, окруженный своими людьми.

«Чего вы ждете? — строго обратился он к толпе, — Хотите, чтобы фелюги падишаха уплыли без вас?»

Хиб Шоудыд сделал к Алыбею решительный шаг.

«Выслушай нас, Алыбей, — начал он, глядя ему прямо в глаза. — Ты видишь, как все мы измучены. Лучшие сыны Апсны сложили свои головы в неравной борьбе. Селения наши сожгли дотла и гонят нас из родной страны. И кто делает это все? Наши же князья! Хотя и сам ты — князь, но тебя вскормили и воспитали мы, и ты не должен забывать об этом. Мы хотим верить тебе. Так ответь же по аламысу: правда ли, что падишах зовет нас к себе, как братьев-мусульман! И можно ли ему верить? Что ждет нас вдалеке от родной Апсны?»

Вновь воцарилась тяжелая, тревожная тишина.

Негромко и вкрадчиво зазвучал голос Алыбея.

«Мои родные, несчастные сородичи! — заговорил он. — Если бы только вы могли понять, как тяжело мне видеть вашу скорбь, слезы ваших жен, матерей, детей!.. Я не могу больше так жить! Я предвижу, что скоро

высохшие от горя и нищеты груди матерей не смогут больше давать детям молока. Поймите, я хорошо знаю урусов, их ненависть к нам, абхамам, их жестокие законы. Вы все погибнете здесь! А там, на берегах Турции, под покровительством великого падишаха, вы найдете новую родину! Я хочу вам только счастья. Спешите же, пока не поздно! Ни одного дня больше вы не должны оставаться здесь. Ведь и я буду там вместе с вами. Поручкой в этом мое княжеское слово!»

Хиб Шоудыд обернулся и прочел в глазах людей, что их сомнения начали рассеиваться...

«Мы верим тебе, Алыбей», — сказал он, стал собирать пожитки и звать за собой своих родных.

Зашевелились и остальные, следуя его примеру. Но вдруг откуда-то издалека раздался зычный голос:

«Остановитесь, люди! Куда вы? На позорное скитание в Турцию? К чужеземцам? Давно их не видели? Соскучились? Хотите оставить Апсны на произвол судьбы?»

Все повернули головы в сторону возвышавшегося на краю поляны бугорка и увидели там Тейба. Крестьяне знали его: Тейб был одним из тех, кто смело обличал князей и не раз обращал в бегство их наемников.

Голос Тейба зазвучал еще сильнее: «Не надейтесь найти мирного приюта на чужбине! И помните: нет для нас земли и неба прекраснее, чем земля и небо Апсны! Алыбей обманывает вас. Он — не белая ворона среди черных, а такой же князь, как и другие, и он погубит вас!»

«Не то говоришь, Тейб! — взвизгнул Маф. — Пойми, оставаться здесь бессмысленно! Иди и ты с нами! Знай, иначе тебе несдобровать...»

«Кто не боится смерти, тому не страшны угрозы», — ответил Тейб.

Люди снова замерли в нерешительности. Кто же прав? Тейб или Маф с Алыбеем? Обманщик или избавитель князь Алыбей?

«Маф! Адгур! Дамей! — вдруг позвал своих подручных князь. — Где моя старая мать? Где мои дети? Приведите их сюда!»

И когда князя обступила его семья во главе с седой княгиней, князь взял на руки детей и поднял их высоко над головой.

«Вы не верите мне? — воскликнул он. — Так пусть же моя мать и дети мои первыми укажут вам путь на новую родину!»

И он передал детей своим людям, а те на глазах у всех понесли их к лодкам. Туда же, опираясь на палку, направилась и старая княгиня.

Этот неожиданный поступок князя сломил колебания махаджиров, и они снова стали собирать свои пожитки.

Но когда люди подошли к морю, внезапно над толпой прозвенел пронзительный детский голосок, услышанный всеми:

«Не пойду! Пусти меня! Не хочу я! Не пойду!»

И все увидели мальчугана лет одиннадцати-двенадцати с котомкой за плечами. Его изо всех сил тянул за собой дряхлый старик, а мальчик, отчаянно упираясь, продолжал вопить: «Пусти! Не хочу я к туркам!»

«Почему не хочешь? — быстро приблизившись к мальчику, спросил Хиб Шоудыд и обратился к старику: — Это твой внук?»

«Нет, — сказал старик. — Этого непослушного мальчишку поручил моим заботам его отец перед тем, как умер. Совесть не позволяет мне оставить его здесь, а он ни за что не хочет плыть со мной в Турцию».

«А как звали его отца?»

«Арыш Камлат из села Ткварчал».

«Почему ты не хочешь ехать туда, куда все едут, мальчик?» — спросил Хиб Шоудыд.

«Не поеду! — упрямо ответил тот. — Я хочу учиться в школе урусов».

«Ты помешался, не иначе, — набросился на него старый опекун. — Ведь твою школу сожгли. Где же ты будешь учиться?»

«В Сухуме! — ответил мальчик. — Мне сказали, что урусы открыли там новую большую школу».

«Весь мир перевернулся вверх дном, наступил конец мира, а он хочет учиться! — рассмеялся старик злым отрывистым смехом. — Это совсем как в пословице: “Войска воевали, а Азамат землю пахал...”»

«Пусть он пахал, — хмуро уставившись в землю, пробурчал мальчик. — А я буду учиться!..»

«В гроб меня вгонит этот несносный мальчишка! — вскричал старик и схватил маленького упряма за плечо. — В последний раз говорю тебе, Шарах: на фелюгу! Без разговоров!»

«Не дам! Не трогай!» — Шарах отчаянно вцепился в свою котомку.

К спорящим приблизились Шоудыд и Тейб.

«Перестань, малыш, — ласково сказал Тейб. — Ну, кому нужно твое добро? Подумаешь, богатство!»

«Хо! Богатство! — усмехнулся старик. — Одна чоха в прорехах, дырявые чусты да книга!»

«Книга? — переспросил Шоудыд. — Зачем она ему?»

«А ты у него спроси! Этот упрямец только тем и занят, что от восхода и до захода солнца, уткнувшись в книгу, бормочет разные слова».

«На языке урусов?» — живо спросил Тейб.

«Да нет же, на нашем, абхазском...»

«На абхазском? — удивился Шоудыд. — Разве есть на свете книга на нашем языке?»

«Есть. Она у него здесь, в котомке».

Тейб заволновался: «Что же ты молчишь, Шарах? Покажи нам эту книгу!»

Мальчик исподлобья недоверчиво взглянул на Шоудыда, но не издал ни звука.

«Послушай, дружок, — сказал Тейб, все более волнуясь. — Ручаюсь своим словом, никто не посмеет отнять у тебя твоё сокровище. И разве ты не слышал? Я тоже не хочу в Турцию. Поверь, я, как и ты, не прочь учиться и сам с радостью пошел бы в школу урусов. Дай нам поглядеть на твою книгу!»

Почувствовав, что слова Тейба идут от сердца, мальчик стал развязывать котомку. Столпившиеся вокруг них люди с интересом наблюдали, как Шарах, вынув книгу, протянул ее Тейбу. Это была небольшая книжка с красивым рисунком на переплете.

Тейб осторожно взял ее, осмотрел с обеих сторон, раскрыл, бережно полистал, закрыл и снова открыл.

«Дай и мне посмотреть, Тейб!» — воскликнул Шоудыд, и книга перешла к нему в руки.

...Шхангерий Бжаниа прервал свой рассказ и с минуту пристально смотрел в пространство, словно вглядываясь в далекое прошлое.

— Вот тогда-то, — произнес он наконец, — эта первая абхазская книга и побывала в моих руках.

И с увлечением продолжал:

— Никогда, никогда мне ее забыть этого! Сам посудите: я был тогда моложе, чем ты сейчас, и о многом хотел узнать, многое понять... Тебе-то хорошо, ты родился в другое время и уже в молодые годы смог стать ученым. А мы тогда жили в потемках и тянулись к свету, как рыбаки в ненастную ночь к огням маяка. Но его закрывали от нас наши хозяева-князья. На нашей земле жили и турки, и персы, и греки, и армяне, и грузины, и урусы. Некоторые из них умели писать на своем родном языке и читать свои книги. А у нас не было ни письма, ни книг, ни единого грамотного человека. Подумай об этом, и ты лучше поймешь волнение несчастных махаджиров, когда они увидели первую книгу на их родном языке. Они все теснее обступали Шараха, толпа прибывала, и отовсюду слышались просьбы показать книгу, дать хотя бы прикоснуться к ней. Она переходила из рук в руки, а Тейб и Шоудыд, обращаясь к каждому, кто брал ее, предостерегали:

«Только осторожней, друзья!..»

«Не помните ни одного листочка!..»

«Не запачкайте!..»

«Не уроните!..»

Из толпы раздался возглас: «Красивая книга! Хорошо бы узнать, что в ней написано!»

«И мы хотим узнать! И мы! — закричали другие. — Что рассказано в этой книге?»

Тейб обратился к Шараху: «Ты можешь прочитать нам хоть несколько слов?»

«Могу!» — задорно ответил мальчик.

«Прочитай, дад!»

«Да, да! Хоть несколько слов!»

Мальчик приосанился. Гордясь тем, что приобрел значение в глазах взрослых мужчин и стариков, он с важностью повторил: «Могу! Всю книгу могу прочесть! Дайте ее мне!»

Гул одобрения пронесся в толпе. Еще бы! Никто из этих людей, окружавших мальчугана, не умел ни читать, ни писать. И только он один среди них был грамотным, только он, Шарах, сын убитого Арыша Камлата.

«Верните ему книгу!» — крикнул кто-то.

«Он прочтет нам напечатанные слова!»

«На нашем языке!»

И книга на ладонях людей поплыла к нему обратно. Шоудыд подхватил мальчика и поставил на пень, чтобы он был виден всем.

«Ап-суа ан-бан — абхазский букварь...» — громко и внятно вначале прочел по слогам Шарах.

«Дальше, дальше читай!» — слышались голоса.

«Раскрой книгу и читай дальше!»

И Шарах, листовая букварь, прочел, букву за буквой, всю абхазскую азбуку, а затем перешел к словам. Его слушали в напряженной тишине; давно знакомые, родные слова сейчас зазвучали по-новому, словно заговораживая людей.

Когда он остановился, какой-то старик взволнованно воскликнул: «Правду говорят: “Чего только не увидели бы на земле люди, если б не умирали...” — И, протиснувшись сквозь толпу к мальчику, спросил: — Кто написал эту книгу? Ты знаешь, дад?»

«Знаю, — сказал мальчик. — Один урус. Он генерал».

«Урус? Генерал?» — удивился Шоудыд.

«Сказки рассказываешь, дад!» — недоверчиво крикнул пожилой крестьянин.

«Не сказки! — загорячился мальчик. — Я сам видел этого генерала!»

«Ты? Своими глазами?»

«Да, да!»

«Где?»

«В окумской школе — до того, как ее сожгли... Он стоял так близко от меня, что я мог бы дотронуться до его золотых пуговиц!»

«Генерал? Урус?»

«Говорю вам — урус! — И мальчик, боясь, что снова перебьют, затараторил скороговоркой: — Он долго разговаривал с нами на нашем языке, как самый настоящий абхаз, он все знает, он воевал с турками, чтобы прогнать их с нашей земли и построить для детей школы. Вот он какой!»

«Подумать только, урус! — восклицали изумленные люди. — Значит, он настоящий афырхаца. Удивительно!»

Здесь Шхангерий Бжания снова прервал свой рассказ и, раскурив трубку, спросил меня:

— Ты, наверно, много знаешь об этом русском генерале?

Но я должен был разочаровать его. К сожалению, я слишком мало знал о человеке, к которому должен питать великую благодарность каждый абхаз. Знал только, что в народе он известен под именем генерала Бартоломея. Он был участником одной из русско-турецких войн, представителем русской военной прогрессивной интеллигенции, близким, очевидно, по своему образу мыслей к декабристам. Несомненно, это был одаренный лингвист, подлинный ученый-энтузиаст.

— Немного же ты знаешь об этом русском генерале, — усмехнулся Шхангерий Бжаниа. — Мальчик Шарах знал больше!

В его тоне прозвучала смутившая меня укоризна. Старик наблюдал за мной.

— Ну, а что ты знаешь о «последнем убыхе»?

Этот вопрос вновь озадачил меня. Я знал, что убыхи — одно из абхазских племен, говорившее на особом наречии, зачастую непонятном другим родственным племенам. Мне было также известно, что в XIX веке убыхи были поголовно выселены в Турцию и вымирали в жестокой нужде на чужбине. Но я решительно ничего не знал о «последнем убыхе».

— Так с него-то и началось самое важное в тот памятный день! — воскликнул Шхангерий. — После того как мы услышали о генерале-урусе, всем не терпелось узнать, о чем же он разговаривал с детьми в школе. На маленького Шараха, как из мешка, посыпались вопросы взбудораженных людей, и он, как умел, рассказал то, что запомнил. Оказывается, этот генерал, составляя для нас букварь, побывал среди всех наших племен, в селах, подолгу разговаривал с жителями и что-то записывал

на бумаге. Но он не мог найти ни одной живой души из племени убыхов. Не в Турцию же ему было ехать за ними! И вот он случайно узнал, что где-то в горах доживает свои дни один-единственный убых. Это был уже немолодой, больной человек, изрешеченный пулями в схватках с княжескими насильниками, достойный сын Апсны. К тому же природа наделила его мудростью и даром красивой речи. Когда генерал разыскал его и спросил, почему из всего племени он один решил остаться в Абхазии, убых ответил ему стихами. А генерал записал эти стихи, напечатал в букваре на отдельном, самом последнем листке...

«Так прочти нам эти стихи!» — пристал к мальчику Тейб.

«Да, да! Что ответил генералу этот достойный убых?» — заволновался и Шоудыд.

«Читай! Читай же! — неслось отовсюду. — Почему не читаешь?»

«Потому, что вы все время перебиваете меня», — ответил мальчик.

«Не упрямясь! Слушайся взрослых!» — прикрикнул на него старый опекун.

И в тишине снова зазвучал звонкий детский голос.

— Я не помню сейчас всех этих стихов, хотя они были короткими, — продолжал Шхангерий Бжаниа. — Но всем нам показалось, что мальчик не говорит, а поет... «Апсны! Апсны! — прочувствованно читал он. — Не думаешь сказки прекраснее, чем ты наяву. Родная моя страна! Никто никогда не заставит меня расстаться с тобой! Лучше гибель на твоей душистой, благодатной земле, но только не позорное изгнание. Чужбина — страшнее смерти!..»

Помнится, Шараха прервали рыдания одной из женщин. Вслед за ней разразились слезами многие другие женщины, захныкали дети. А затем... затем я увидел то, чего не видел за всю мою долгую жизнь и, знаю, не увижу никогда больше: глаза увлажнились у мужчин... И у Тейба, и у Шоудыда, и у старого опекуна Шараха... Можешь ли ты этому поверить?! Слезы на глазах у абхаза!..

В это время к толпе подошел князь Алыбей.

«Ну, чего вы замешкались?! — Он едва сдерживал злость. — До каких пор вас будут ожидать фелюги? Что там лопочет этот мальчишка?»

«Он читает нам книгу на нашем родном языке», — ответил Адлей Шьяаб из села Члоу.

«Хм! — усмехнулся князь. — Нашли время! Он дочитает ее вам в Турции».

«Пусть дочитает здесь!» — проговорил Шьяаб.

«Нет, нет! — скривился князь. — Сейчас не до забав! Торопитесь! Время не ждет».

«Подождет! — твердо сказал Шьяаб и добавил: — Ты сказал “забава”, князь? Первая абхазская книга? А для нас она — великая радость. Почему же ты не хочешь разделить с нами эту радость? Разве ты не абхаз?»

«Как ты смеешь?! — вспыхнул Алыбей. — Послушай, Адлей Шьяаб, я всегда принимал тебя за достойного, умного человека. Подай же пример неразумным, ступай к фелюгам, и тогда все последуют за тобой».

Но Шьяаб не двинулся с места: «Пусть сначала мальчик прочтет нам все до конца!»

«Не позволю!» — прогремел князь и шагнул к Шараху, чтобы вырвать книгу у него из рук. Но тотчас Тейб,

Шоудыд и другие мужчины заслонили мальчика, и князь увидел перед собой грозные лица.

«Так и быть, — процедил он сквозь зубы. — Уж если вы так этого хотите, пусть читает. Только поживей, щенок!» — прикрикнул он на Шараха.

И тот снова принялся читать гордый ответ «последнего убыха». Но князь напугал его, теперь звонкий голосок мальчика дрожал, и от этого стихи волновали еще сильнее. Повторяю, они были краткими, но слова их — красивые, благородные, смелые — звали к любви, к борьбе, вливали в наши сердца надежду. Они ударили в наши головы, как вино, прояснили мысли, сделали нас отважней. Они заканчивались теми же словами, какими начинались, и, когда Шарах повторил: «Чужбина страшнее смерти!» — воздух огласился восторженными криками:

«Молодец, дад!»

«Дад, спасибо тебе!»

Князь вдруг преобразился. Лицо его стало багровым, он стал истошно кричать: «На фелюги! На фелюги!» Отдышавшись, Алыбей угрожающе произнес: «Если останетесь, урусы перестреляют вас, как собак, вместе с мальчишкой! И я не стану им мешать!»

И тогда выступил вперед седой Адзин Есхак из села Джгерда. Тотчас водворилась тишина. Адзин Есхак славился по всей Абхазии мудростью, справедливостью и добротой, народ уважал и любил его.

«Неправда, князь, — начал он с величавым спокойствием, — урусы не перестреляют нас...»

«И ты?! — срывающимся голосом вскричал князь. — Ты, Адзин Есхак, перечишь своему князю?! Что же ты

молчал раньше? Я всегда верил твоей мудрости и сам слышал, что ты не противишься переселению на турецкие земли. Разве это не так?»

«Так, — сказал старик, глядя в глаза князю, — не противился... Это правда. — Он помолчал и вдруг, приложив руку к сердцу, склонил перед застывшей толпой свою седую голову. — Я очень виноват перед вами, друзья мои...»

Слова гордого старца удивили людей. Послышались возгласы:

«Нет, нет, Адзин Есхак!»

«Ты не можешь быть виновным перед нами!»

«Ни в чем и никогда!»

«Виновен! — повторил Адзин и выпрямился во весь свой высокий рост. — Моя совесть кровоточит, абхазы! Видно, несчастья трусливы — они никогда не приходят в одиночку. Они обрушились на нас одно за другим, притупили мой разум, обессилили сердце... Я почувствовал, что нет у нас больше сил бороться, и покорялся судьбе: что свершится, то свершится... А покорность, когда в сердце не остается ни одного желания, — первый вестник обреченности. Когда человек падает духом, его конь не может скакать... Так случилось и со мной. Но сегодня этот славный мальчик, книга, которую он показал, слова отважного убыха влили в меня новые силы, и моя кровь забурлила. И я говорю вам: оставайтесь дома. Чужбина страшнее смерти!»

Гул одобрительных возгласов пронесся над поляной.

«Замолчи, старик! — прокричал князь. — Не слушайте его, абхазы! Или вы не знаете, что к старости люди глупеют, как малые дети!»

«Это верно, князь, — сказал Адзин Есхак. — Бывает, что старики превращаются в детей. Но верно и то, что часто устами детей говорит правда. И эту правду принес нам сегодня маленький Шарах Камлат!»

Старик снял мальчика с пня, поставил его рядом с собой, взял у него книгу и опустил руку ему на голову.

«Вот эта великая правда! — сказал он, высоко поднимая книгу. — Она пробилась к нам, как луч солнца пробивается сквозь черные тучи. И повторяю, князь: урусы не будут в нас стрелять. Если они хотят нас уничтожить, то зачем тогда им печатать книги на нашем языке и строить школы для наших детей?! Горская школа в Сухуме — первый огонек. Ведь зажигает только то, что само горит, и она зажжет другие огоньки... Мы должны беречь эту школу как зеницу ока. Не то ее сожгут князя вместе с турками, как сожгли окумскую школу. Кто же сохранит ее, если мы покинем родину?! Ты, князь, сулишь нам рай на землях твоего падишаха, говоришь, что там будешь с нами. Как же ты позволил туркам насильничать, торговать простыми людьми, как скотом, угонять наших дочерей в гаремы Трапезунда, Самсуна, Стамбула?! Что принесли нам османы, кроме позора и бед на родной нашей земле? Что же будет с нами на их землях? Нищета и недостойная смерть. Нет, нет, держитесь урусов, абхазы! Крепко держитесь!»

Он смолк, чтобы перевести дыхание, и Тейб, воспользовавшись минутой общего молчания, вскочил на пень.

«Правду сказал вам Адзин Есхак! — воскликнул он. — В Абхазии есть люди, которые дрались на войне вместе с солдатами-урусами против турок. По их словам, урусы храбры, добры и великодушны. Есть у урусов и ученые, которые желают добра нашему народу. Это один из них составил первую абхазскую книгу. Прости, что я перебил тебя, Адзин Есхак...»

«Это ничего, — сказал Есхак, — ведь и ты высказал правду. И теперь мне нечего больше прибавить. Я остаюсь с урусами!»

«Тогда останусь и я!» — вскричал старый опекун Шараха.

«И мы тоже! И мы!» — закричали в толпе, и люди двинулись со своим скарбом прочь от берега.

Маленький Шарах потянул своего опекуна за полы черкески.

«Пойдем, скорей пойдем!» — заторопился он, озираясь на взбешенного князя. «Не бойся, малыш, — ласково сказал ему Адзин Есхак. — Я сам отведу тебя в горскую школу».

Мальчик просиял и стал бережно засовывать свою книгу в котомку.

Лицо Шхангерия озарила улыбка, и, взволнованный воспоминаниями, он замолчал.

Старик поднялся с кресла и в задумчивости снова стал перебирать книги на столе. Потом поднял взгляд на меня и сказал:

— Теперь ты должен постараться, чтобы все люди узнали, почему жители селений Тамыш, Кутол, Джгерда, Гуп, Тхина и Члоу не стали махаджирами вслед за це-

бельдинцами и гумистинцами и не погибли на чужбине жестокой, бесславной смертью. Нас спасла первая абхазская книга...

Когда почтенный друг ушел от меня, я все еще продолжал думать о книге, составленной русским генералом-ученым, о стихах «последнего убыха». Мне снова припомнилась древняя легенда о поэте, своими стихами остановившем дрогнувших воинов и воодушевившем их на победу, и я мысленно преклонился перед могуществом вдохновенного, правдивого слова.

ФАМИЛЬНАЯ РЕЛИКВИЯ

Пожилая женщина вошла в сельский клуб перед началом концерта самодеятельного музыкального кружка окумской молодежи и заняла место впереди нас, в первом ряду. Мой сосед, местный учитель, подтолкнул меня и прошептал:

— Эта старушка хранит интересные вещи, никому их не дает и очень неохотно показывает.

— А что именно? — спросил я.

— Старинную золотую медаль и грамоту.

— За какой подвиг? — поинтересовался я. — Что она совершила?

— Не она, а ее однофамилица... — тихо сказал он.

— Абхазская девушка Кесария Эмухвари получила эти награды.

— А за что?

— За спасение знамени Самурзаканского отряда.

— Когда это было?

— В прошлом столетии, во время русско-турецкой войны.

— Почему же хранит их эта женщина, а не государственный музей? — недоуменно спросил я.

— Дело в том, что эта старушка из той же фамилии — ее зовут Марта Эмухвари. Она говорит, что медаль и грамота — гордость их рода, и бережно хранит их, как семейную реликвию. Приезжали к ней из сухумского музея, предлагали за них деньги, но она категорически отказалась их продать...

Вот что мне удалось узнать о подвиге молодой Кесарии.

Известно, что Закавказье, в особенности побережье Каспийского и Черного морей, издавна привлекало хищные взоры многих грабителей-чужеземцев. Последним таким завоевателем Черноморского побережья была Османская империя. Еще в начале девятнадцатого века она продолжала жадно цепляться за захваченные на Кавказе земли. Страшным бичом для кавказских народов, в частности для прибрежной Абхазии, являлась работорговля, составлявшая одну из солидных статей доходов турецкого султана. Такие портовые города, как Анапа и Сухум-Кале, пользовались печальной известностью как главные пункты работорговли, откуда «живой товар» вывозился в Турцию.

В этих условиях народы Кавказа, естественно, видели свое спасение в тесном сближении с русским народом, надеясь найти у России защиту против чужеземных грабителей и работорговцев. Многие кавказские народы снаряжали отряды ополченцев, вливавшиеся в русскую армию, и совместно с ней вели бои с турецкими захватчиками. Они не раз показывали в сражениях примеры боевой доблести и героизма.

Среди отрядов абхазских ополченцев был и Самурзаканский отряд. За свои подвиги он получил от командования почетное боевое знамя.

В сражении на реке Ингур отряд был полностью уничтожен. И когда турки уже близко подобрались к убитому знаменосцу и лежавшему в крови и пыли рядом с ним знамени, из-за выступа скалы внезапно появилась молодая девушка-абхазка. Проворно, как серна, подбежала она к знамени, не обращая внимания на град пуль, схватила его и вмиг скрылась... Аскеры долго искали ее среди скал и пропастей, но так и не нашли. Это была шестнадцатилетняя Кесария Эмухвари.

Турки форсировали Ингур, прошли по всей Имеретии и осадили Кутаиси. Больше восьми лет подряд владычествовали они тогда и в Абхазии. Все эти годы девушка, пренебрегая опасностью, берегла знамя, никому не доверяя своей тайны.

В первый же день после изгнания турок Кесария принесла сохраненное ею знамя в распоряжение русских войск и, по представлению командования, была награждена золотой медалью и грамотой.

«Молодая 16-летняя абхазская девушка Кесария Эмухвари, рискуя жизнью и спасая знамя, овеванное славой Самурзаканского отряда, спасла честь всего самурзаканского народа», — говорилось в этой грамоте...

— Если бы турки обнаружили это знамя, — сказала мне Марта Эмухвари, с которой нас познакомили, — то все представители нашего рода были бы уничтожены, а всех самурзаканцев выслали бы в Турцию в рабство. Награды Кесарии — это драгоценные реликвии и всей

фамилии Эмухвари. Я горжусь ими. Горжусь тем, что в нашем роду была такая девушка...

— Гордиться предками, конечно, можно и должно, — медленно произнес, пряча хитринку в глазах, присутствовавший при нашем разговоре старый Махаз Кецба. — Пожалуй, можно даже хвастать ими, если и твои потомки смогут гордиться тобой...

— А я не хвастаю, — торопливо сказала Марта. — Потому-то редко и неохотно показываю эти вещи. Я даже отказала музею. Приезжали из Сухуми, просили... Но я и им не отдала.

— А вот это напрасно, — вмешался наконец в разговор я. — Ваша скромность делает вам честь. Недаром абхазская пословица говорит: «Пока можно хвастать своими заслугами, заслуг предков в ход не пускай». Но, здраво рассуждая, почему бы вам не передать грамоту и медаль государственному музею? Ведь там эти реликвии смогут посмотреть тысячи людей. И будут они гордостью не одной только вашей фамилии, а всего народа. Пусть знают все, какой славный подвиг совершила наша девушка!

Женщина задумалась. Потом лицо ее прояснилось, и она сказала:

— Вы меня убедили. Спасибо! Завтра же еду в Сухуми и сдам эти награды в музей.

ДАУР И СЕИД

В 1918 году по Грузии и Абхазии, власть захватили меньшевики. Их господство было столь ненавистно народу, что то и дело в разных местах вспыхивали восстания. Кучке узурпаторов не на кого было опереться, и потому они вначале обратились за покровительством к кайзеровской Германии, армии которой тогда хозяйничали в Закавказье.

Только при помощи кайзеровских вооруженных сил, и в особенности двух немецких крейсеров «Гебен» и «Бреслау», державших под дулами своих орудий Черноморское побережье, меньшевикам удалось подавить первую попытку установления советской власти в Абхазии, обагряв ее горы и долины кровью рабочих и крестьян.

По Приморскому бульвару и улицам Сухума шатались пьяные немецкие матросы, дебоширя и бесчинствуя, издеваясь над местным населением. С их появлением улицы города пустели, жители разбегались по домам.

Однажды в ту пору из горной деревни Ахуца приехал в Сухум молодой абхаз-крестьянин Даур Царба.

Проходя по городу, он неожиданно наткнулся на чужеземных матросов. Негодяи тащили схваченную на улице женщину... Она в отчаянье плакала, взывала к прохожим, умоляя ее выручить.

Не раздумывая, Даур вступился за женщину. Началась драка. Силы были неравны, и Даур поневоле выхватил револьвер. Двое насильников были убиты. Остальные разбежались. Спасенная им женщина оказалась работницей местной табачной фабрики, русской.

Юноша, воспитанный по аламысу, считал, что он действовал правильно, защищая честь женщины. И, конечно, ему теперь не оставалось ничего другого, как скрыться в горах.

Командование «Гебена» и «Бреслау» приказало городским властям немедленно найти убийцу и выдать его для расправы. Однако наместники меньшевистского правительства были бессильны выполнить этот приказ. Никогда народ не выдал бы смельчака, действовавшего по аламысу — неписаному закону чести.

Тщетно прождав два дня, командование крейсеров предъявило меньшевикам ультиматум: если до пяти часов вечера убийца не будет пойман, город обстреляют из орудий и на месте Сухума останется только груда развалин...

Поднялась паника. Жители стали уходить в горы, бросая имущество... Уже к полудню город опустел.

Местные верховоды — «чрезвычайный комиссар» Чхиквишвили и его помощник, начальник полиции белогвардейский офицер Корзая, держали наготове автомашину, чтобы удрать в последний момент, бросив обреченный на уничтожение город.

Абхазия — страна небольшая, многие жители ее быстро узнали о нависшей над Сухумом угрозе.

Узнал об этом и Даур.

Едва стрелки на часах показали четыре часа тридцать пять минут, меньшевистские «правители» сели в машину и укатили. Всем немецким морякам было предписано вернуться на корабли. Дула орудий с обоих крейсеров зловеще нацелились на город. Когда до истечения срока ультиматума оставалось лишь десять минут, у готовившейся отчалить от пирса последней лодки неожиданно появился юноша-абхаз и сказал офицеру.

— Ваших офицеров убил я. Судите меня, но не разрушайте нашего Сухума.

Немцы были удивлены.

— Кто ты такой? — спросил офицер.

— Я абхаз. Зовут меня Дауром. Даур Царба.

— За что ты убил наших матросов?

— Они собирались обесчестить женщину. Она кричала. Наш аламыс не позволяет пройти мимо такого преступления, и я вмешался. Завязалась драка... Спасая женщину и защищаясь, я убил двух насильников. Делайте со мной что хотите. Только, прошу вас, не трогайте города...

Дауру тут же связали руки. Он не сопротивлялся.

— Знаешь, что тебя ждет? — спросил офицер.

— Знаю — смерть, — ответил юноша.

— Если бы ты знал, какая тебя ждет смерть, то не стал бы так заботиться о Сухуме. Ха-ха! — показав гнилые зубы, визгливо расхохотался офицер.

— Пусть так, — спокойно и твердо сказал Даур. — Мне все равно, какая будет смерть. Но я отдался в руки

вам только для того, чтобы вы не трогали города. Вы же сами поставили такое условие... Прошу еще раз — не разрушайте Сухум, если в вас есть хоть капля аламыса!

— Алямис, алямис! — раздраженно передразнил его офицер. Он ткнул в грудь юноше дуло револьвера. — Пошел! Мы покажем тебе алямис!

Как ветер, облетела окрестные села весть о том, что Даур Царба добровольно сдался немецким властям, чтобы спасти родной город. Вначале одиночками, а затем и толпами стали возвращаться жители Сухума в свой город, в покинутые дома. Много пришло и крестьян. С крейсеров вновь высадились матросы. Вскоре они заполнили весь берег у бульвара и пристани. Одновременно местные жители запрудили ближайшие улицы, примыкающие к гостинице «Ориенталь», где происходил военный суд над Дауrom.

Напоказ всем собравшимся на балкон верхнего этажа гостиницы вывели под охраной связанного Даура.

Вскоре на этот же балкон вышли кайзеровские офицеры. Один из них огласил приговор: «...публично сжечь абхаза-злодея Даура Царба живьем, бросив его в топку крейсера “Гебен”, матросов которого он убил».

Глухой ропот прокатился вниз.

— Так же точно мы будем поступать и впредь с каждым, — выкрикнул офицер, — кто посмеет поднять руку на воинов великой германской империи!

Вдруг из толпы вышел юноша и громко сказал:

— Господин офицер! Ваших матросов убил я, а не Даур Царба. Это я убил их. Я!

Все обернулись в его сторону, и люди узнали в нем двадцатилетнего юношу Сеида Кове из села Герзеул.

— Ты с ума сошел, Сеид! — закричал с балкона связанный Даур и, повернувшись к немецким офицерам, сказал: — Не верьте ему! Он — мой друг и жертвует собой ради меня. Есть у нас такой обычай.

— Нет, нет! — прервал его Сеид. — Это Даур взял на себя вину, чтобы спасти меня. Ваших матросов убил я. Сожгите меня, а его освободите! — И Сеид стал пробираться вперед.

— А ну-ка, подойди сюда, парень! Сейчас мы разберемся, кто из вас виноват. Подойди ближе! — позвал Сеида офицер.

И когда Сеид подошел, он скомандовал:

— Взять его и связать!

Матросы вмиг скрутили Сеиду руки.

— Этот пес, — злобно сказал офицер, — тоже мог убить наших матросов. Пусть он сейчас возводит на себя напраслину, — захватим на корабль и его. — Офицер ехидно ухмыльнулся: — В топке они сами разберутся, кто из них убил наших людей...

В толпе слышались возмущенные голоса.

— Но ведь он никого не убивал! — продолжал кричать Даур. — Его даже тогда не было в городе. Отпустите Сеида! Разве вы сами не видите, что он из-за меня жертвует собой? Люди вы или не люди?

— Взять обоих на корабль! — приказал офицер конвою. Юношей повели к пристани.

Все были возмущены, но сознавали, что спасти смельчаков невозможно.

Крейсеры подошли ближе к пристани, чтобы собравшиеся на берегу могли видеть, как совершается казнь.

Из трубы «Гебена» вырвался густой клуб дыма. Черное дело свершилось...

Люди долго не расходились по домам.

Крейсеры отошли в море, и ни один из кайзеровских моряков больше не ступил на сухумскую землю, страшась народной мести.

Подвиг юношей не пропал даром. С каждым днем множились повстанческие силы, а меньшевики и интервенты чувствовали себя как на грозном вулкане.

Пришло время, и этот вулкан заговорил!

С ГОРСТКОЙ РОДНОЙ ЗЕМЛИ

— Горек чужой хлеб и тяжелы ступени чужой лестницы, — начал свой рассказ мой большой друг Кавью Аайса. — Было мне лет десять, когда нас — отца, мать, меня и малютку сестренку — посадили на одну из фелюг, отправлявшихся в Турцию. Мы стали махаджирами и с горечью покинули родные места, берега Апсны. Едва только фелюга вышла в открытое море, поднялся шторм. Мать и сестренка заболели от потрясений. Турки-моряки, заподозрив тиф, выбросили обеих за борт. Так безжалостно поступали они со всеми заболевшими махаджирами. Наши отчаянно протестовали, пытались сопротивляться, но что они могли поделать с сильными, сытыми, до зубов вооруженными убийцами, у которых были сердца, обросшие шерстью?.. Отец, обезумев от горя, пытался броситься в волны вслед за женой и дочерью, но люди удержали его.

Нас, более ста семей, высадили на турецком берегу, где-то неподалеку от Трапезунда. Раскинув шалаши и палатки, мы начали там прозябать, страдая от голода, холода и болезней. С утра до позднего вечера люди

бродили по улицам и площадям города, заглядывали во все дворы, надеясь заработать на кусок хлеба. Но, оборванные, изнуренные длительным голоданием, они только отпугивали от себя горожан: никто не решался доверить им какую-нибудь работу. Наведывались наши в окрестные селения, но также тщетно.

Не проходило дня, чтобы среди нас не умирал один или несколько человек от истощения и болезней. По ночам из нищенских жилищ разносились вокруг душераздирающие причитания женщин, стенания стариков.

До предела были истощены и мой отец, и я. Настал день, когда я так ослаб, что не мог уже подняться с отrepьев, служивших мне постелью. Видя рядом с собой смерть, я стал понимать, что скоро умру.

Однажды на рассвете, открыв глаза, я увидел склонившееся надо мной страдальческое лицо отца. Он долго молча смотрел на меня и вдруг, обхватив меня обеими руками, поднял и поставил на ноги.

— Крепись, дад! Крепись! — сказал он. — Будь мужчиной, собери последние свои силенки! Мы пойдем с тобой в город, там я разыщу лекаря и предложу работать на него от зари до зари. А за это он подлечит тебя, и ты когда-нибудь вернешься в Апсны, вновь увидишь родные места... Ты будешь жить, сынок...

Пошатываясь, я поплелся вслед за отцом, цепляясь за его одежду, чтобы не упасть. Много черных дней видел я уже тогда в своей жизни, но ничего не помню тяжелее этого пути. Мы шли долго, а когда я падал, отец поднимал меня и нес на руках. Только к полудню добрались мы наконец до города. Но надежды отца не сбылись: мы не нашли там ни доброго лекаря, ни работы.

Помню, присели мы на ступеньках у входа в какой-то большой дом, и отец с тоской произнес:

— Горе мне! Ведь причина твоей болезни — только голод... — Он замолчал и застыл в глубоком раздумье, потом стал горестно разводить руками и что-то шептать про себя; впервые я увидел на глазах отца слезы. Подумай только, слезы на глазах абхаза! Я с трудом расслышал слова: «Нет, нет... Я не решусь на это. Я... не смогу...» Низко опустив голову, отец продолжал думать о чем-то. Вдруг он схватил меня за руку и увлек за собой в переулок. Усадив меня здесь, он сурово сказал:

— Вот что, дад! Сиди здесь и не смей вставать и глядеть в мою сторону. Я сам приду за тобой. — И скрылся за углом.

Некоторое время я послушно сидел в одиночестве, глядя на прохожих. Но с каждой минутой во мне росло беспокойство — на что решился отец? Почему так сердито разговаривал со мной, как никогда раньше? Почему оставил здесь одного? А вдруг он не вернется?.. Я не мог, не в силах был подавить в себе тревогу, прошел к углу переулка и стал подсматривать, что там происходит.

Я увидел отца у подъезда, на ступеньках которого мы недавно сидели. Только теперь он уже не сидел, а стоял, вглядываясь в снующих мимо прохожих. То он как-то униженно улыбался, то вдруг сурово сдвигал брови и беззвучно шевелил губами.

Высокая женщина медленно приближалась к отцу. За ней шла служанка, держа большую сумку с продуктами. Когда они подошли к подъезду, отец попытался протянуть к ним руку. Но с рукой что-то случилось. Он силился поднять ее, а она опускалась, словно отяжелела.

Важная госпожа сделала шаг к нему, а отец вдруг отвернулся. Она пожала плечами и отошла. И тогда я понял: мой отец решился просить милостыню и хочет скрыть это от меня... Как ни был я мал, мое сердце сжалось от боли и к горлу подкатил комок...

Я видел, как отец пропустил еще несколько прохожих, столь же неудачно пытаясь протянуть к ним непослушную руку, опускавшуюся, как только они приближались. На лбу его выступили капли пота, бледное лицо поминутно искажалось. Мне стало страшно. То хотелось броситься к нему, то бежать прочь, но я не мог ни двинуться, ни оторвать от него глаз. Неожиданно его заслонила от меня тучная фигура нарядного турка в красной феске.

Поравнявшись с подъездом, турок остановился и стал пристально разглядывать отца. Он словно чего-то выжидал, перебирая толстыми пальцами четки. Отец опустил глаза, рука его сделала едва уловимое движение и замерла. Турок, не спеша достав из кармана бархатный мешочек, встряхнул его. Раздался звон монет.

Я увидел, как лицо отца вдруг искривилось, потом побагровело, и рука его, будто преодолевая неимоверную тяжесть, медленно поднялась и потянулась было к турку, но снова опустилась, словно под какой-то невидимой стопудовой тяжестью. Не сводя глаз с отца, турок высыпал на свою ладонь несколько золотых монет и ухмыльнулся, обнажив крупные белые зубы.

Лицо отца стало белым, словно его осыпали мукой. Издав слабый крик, он схватился за сердце и всем телом рухнул на землю.

Турок пошел дальше. Появился полицейский и, чтобы тело отца не мешало прохожим, столкнул его с тротуара в канаву...

Помню запущенное старое кладбище — там какие-то люди предали земле прах моего несчастного отца, так и не протянувшего руки за милостыней. Перед тем, как опустить отца в могилу, кто-то обратил внимание на висящий на груди покойного тщательно обшитый мешочек. Его вскрыли. В мешочке оказалась горсточка земли, драгоценной земли нашей родной Апсны...

Голос старого Аайсы прервался. Прошло несколько минут молчания, прежде чем он закончил свое скорбное повествование:

— Наши махаджиры, покидая родную землю и оставляя здесь все, что было дорого их сердцу, все же захватили с собой из Апсны два сокровища, отнять которые у них не мог никто на свете. Этими сокровищами были достоинство и любовь к родине.

АМРА

— Самое лучшее в жизни — хорошая жена, а самое плохое — плохая жена, — начал свой рассказ Дамей Арлан, стодвадцатилетний колхозный пастух.

Дамей любил поговорить о женщинах и горячо спорил, если кто-нибудь отзывался о них не совсем почитительно. Вот какую историю поведал он нам на этот раз.

В горном селе Отхара жила очень красивая, трудолюбивая и скромная девушка по имени Амра. К ней сваталось множество женихов со всех концов Бзыбской Абхазии — смелых, самостоятельных, богатых. Девушке же нравился только Тейб из села Джирхва. Лихой он был джигит, стройный, красивый. Но шла о нем молва как о бездельнике, тратившем свою жизнь попусту. Не имея своей земли, юноша не желал батрачить на князей и богатеев. «Уж больно горд и заносчив этот Тейб», — говорили одни. «Пустое! Просто лентяй», — отвечали другие. Но все сходились во мнении: прожил Тейб уже больше двадцати лет, а еще ничего хорошего не успел дать людям...

Однажды к Амре приехал свататься юноша Шьяаб из села Эшера. Был он из богатой семьи.

— Я слышал о тебе много похвал, — сказал он девушке. — Слава о твоей красоте и добродетели идет по всей Бзыби. Выходи за меня замуж!

— Я не спешу с замужеством, — уклончиво ответила Амра.

— Может, как мне говорили, хотя я и не верил, тебе нравится какой-то бездельник из Джирхвы?

Она промолчала.

— О нем мне сказали, — продолжал Шьяаб, — что живет он в самой что ни на есть дырявой пацхе на краю села, оставленной ему в наследство отцом, таким же бедняком. Верно это?

Амра продолжала молчать.

— Там, говорят, даже очаг давно потух, — добавил он с насмешкой. — Если выйдешь за него, погибнешь от холода и голода! А у меня в Эшере стоит новенький дом на высоких столбах. Каштановые доски не скрипят, а поют, когда по ним ходишь. Не успеет гость войти в дом, как сразу по этой песне узнает, что он — каштановый. Хозяйство налаженное. Будешь жить припеваючи. Ну, как? Согласна?

— В чем же будет моя заслуга, если дома у тебя все уже так налажено? — ответила она вопросом на вопрос. — Что касается меня, то я предпочитаю выйти замуж за бездельника и сделать из него достойного, всеми уважаемого человека. Тебя же, если хочешь, познакомлю со своей соседкой, очень привлекательной девушкой, но, по правде говоря, с ленцой. А ты постарайся сделать ее хорошей, хозяйственной женой. Это будет твоей заслугой.

Вечером она повела гостя к соседям, познакомила молодых, и все вышло как по-писаному: соседская девушка и гость понравились друг другу. Шьяаб сделал предложение. Спустя несколько месяцев в Эшере справили богатую свадьбу.

Вскоре и Амра вышла замуж за Тейба. Она сразу же взялась за перевоспитание мужа. Трудясь не покладая рук, она уговорила и его усердно работать. Молодожены, прежде всего, привели в порядок пацху. Стало в ней уютно и празднично. Вскоре Амра и Тейб обзавелись приличным хозяйством и могли уже, не краснея, принимать гостей.

Тейб стал неузнаваем — до того изменился этот человек, прежде слывший первостатейным бездельником. Но верно говорят, что старый ярлык на человеке может держаться и сотню лет, если его не снимет что-либо необычное. Дальние, да и многие близкие соседи продолжали считать Тейба безнадежным лодырем и неуважительно отзываться о нем. Амра решила рассеять эти заблуждения.

Своими руками она выкатала бурку, приобрела отличного коня и седло к нему. Затем уговорила Тейба поехать с ней в гости ко всеми уважаемому старику Сеиду Абжноу, в село Ачандара, с подарками — оседланным конем, буркой и теплой персидской шалью для его жены. Старый Сеид славился по всей Бзыби как мудрый и справедливый человек. Бзыбцы всегда прислушивались к его словам, когда решали какой-нибудь сложный и спорный вопрос.

Старец принял молодоженов радушно, А когда они стали собираться домой, сказал им:

— Я хотел бы отблагодарить вас за такие замечательные подарки, но не знаю, что вам было бы больше по душе. Может, скажете?

— Почтенный Сеид! — ответила Амра. — Мы хотим лишь одного, чтобы ты стал нашим а́уа — названным братом. Твое слово и доброе отношение для нас дороже самых больших подарков. О моем муже ходит в народе дурная слава. Да, он не хотел гнуть спину на богачей, но и для себя, для своих родных не очень старался. Теперь он переменился, трудится наравне со мной и, пожалуй, больше меня, но все еще не пользуется уважением односельчан. Пожалуйста, помоги ему приобрести доброе имя.

— Я понял вас, — молвил Сеид. — Мы с моей старухой в молодости тоже побывали в вашем положении... И нам помогли добрые люди. Хорошая ты жена, доченька! — А затем обратился к Тейбу: — Тебе могут позавидовать многие мужья, дорогой Тейб, мой новый а́уа! Только сумей ценить такую жену. Береги ее и уважай. Запомни мои слова: нет в жизни ничего лучше, чем хорошая жена, и нет ничего хуже плохой жены. А теперь к делу. Завтра у нас будет большой сход в Лыхнах со всей Бзыби — вы, наверно, об этом слышали. Так вот, приходи, Тейб, на этот сход и, где бы я ни сидел, подойди ко мне, я тебе там что-то скажу.

— Могу я спросить, для чего собирают сход? — любопытствовал Тейб.

— Предстоит решить важное и трудное дело, — ответил Сеид. — Семьи из двух фамилий — Чичба и Базба никак не уймутся. Кровная вражда между ними длится больше десяти лет и истребила добрую половину их ро-

дов. Нужно что-то придумать, чтобы примирить их, иначе они перебьют друг друга до последнего человека... Так ты приходи и постарайся показаться мне, а там я сделаю все, что нужно.

— Хорошо, обязательно приду, — сказал Тейб, и гости стали прощаться с почтенным хозяином дома.

— Нет, подождите! — остановил их старый Сеид и, подозвав старуху жену, сказал ей: — Знай, моя дорогая, что эти молодые люди с сегодняшнего дня — наши с тобой новые áуа. Они вместе только начинают строить свою жизнь, как и мы с тобой когда-то начинали, и с таким же трудом... Мы с тобой живем уже почти полвека, а у них идет пока только первый год. Они привели и подарили нам чудесного коня с седлом и буркой. Мы принимаем эти подарки, как принято по аламысу, с великой благодарностью. И теперь, со своей стороны, попросим их принять подарки от нас, как полагается у áуа. Думаю подарить им нашу недавно отелившуюся корову. Она им наверняка пригодится. И еще подарим им их же дары — оседланного коня и бурку. Им, молодым, они теперь больше нужны, чем нам.

Амра и Тейб стали возражать, но Сеид был непреклонен.

— Мне семьдесят лет, и за всю свою жизнь я никогда своего слова не брал обратно. Не возьму и сейчас! Если вы откажетесь от подарков, то не рассчитывайте на мою дружбу!..

И гостям пришлось взять свои подарки обратно и в придачу — корову.

Вернувшись домой, всю ночь проговорили Амра и Тейб о том, как он явится на сход, как покажется Сеиду,

что тот скажет, что сделает... Строили всякие предположения.

— Знаешь, что я вспомнила? — сказала вдруг Амра.

— Что же?

— Я ведь знаю одну тайну, которая известна немногим... Услышала о ней совершенно случайно... Девушка из рода Чичба и юноша из фамилии Базба очень любят друг друга и оба страдают.

— Ну и что же?

— Они ведь не могут соединиться: мешает кровная вражда... В прошлом месяце моя тетя под большим секретом рассказала мне, что чичбовцы, догадавшись об этом, избили девушку до полусмерти, заперли ее дома, как в тюрьме, и никуда не выпускают. А юноша Базба, говорят, красавец джигит и души в ней не чает.

— Если все, что ты сказала, правда, — задумчиво произнес Тейб, — то у меня возникла интересная мысль...

— Какая?

— Я попрошу на сходе дать мне слово и выскажу предложение: просить всем народом родных и однофамильцев поженить молодых людей и, устроив большую свадьбу, примирить враждующих.

— Это будет чудесно, милый! — воскликнула Амра и обняла мужа. — Посмотришь, людям такое предложение не может не понравиться. Только не стесняйся, говори смелей. Ты ведь у меня умница!

Назавтра жители всей округи сошлись и съехались на просторной поляне в Лыхнах. Сеид Абжноу уже сидел в кругу самых почетных людей. Тейб подошел к нему и произнес приветствие, обращенное ко всем собравшимся.

Ему сдержанно ответили, но Сеид, увидев молодого человека, встал и пригласил его сесть около себя. Его собеседники были поражены, однако рассудили, что раз всеми почитаемый старик оказывает такое уважение Тейбу, стало быть, так же следует поступить и им. Они тоже встали и не садились до тех пор, пока не сели Сеид и — рядом с ним — Тейб.

Сход начался. Выступило немало людей из разных сел с предложениями о способах прекращения кровной междоусобицы. Но все они были трудно осуществимыми пожеланиями. Большинство только порицали кровную месть, толковали в самых общих выражениях о ее вреде.

— Позвольте мне сказать, — попросил Тейб.

— О, конечно, скажи, дад! — разрешил за всех Сеид Абжноу.

Тейб, прежде всего, извинился за то, что посмел привлечь внимание таких почетных людей. Но он считает своим долгом предложить то, что, по его скромному разумению, может оказаться небесполезным.

Когда Тейб закончил свою речь, по поляне прошел гул одобрения. А Сеид Абжноу встал, обнял его и торжественно произнес:

— Я полностью разделяю предложение, высказанное здесь моим áуа — молодым Тейбом. Если он прав и молодые люди так крепко любят друг друга, то лучшего выхода и не придумать!

Предложение Тейба было дружно принято сходом.

Забегая вперед, скажу, что немного погодя был заключен союз двух горячо любящих сердец, устроена свадьба, ставшая днем примирения семей Базба и

Чичба и положившая начало их дружбе и согласию. С этого дня и новая репутация Тейба утвердилась не менее прочно. Всюду ему оказывали уважение.

Спустя некоторое время счастливая Амра решила навестить вместе с мужем и друзьями свою приятельницу-соседку, вышедшую замуж за богача из Эшеры.

Зайдя в хваленый каштановый дом, Амра ужаснулась: все здесь было так запущено и грязно, будто никогда не знало мыла и метлы.

Хозяина в этот момент не оказалось дома. Амра засучила рукава и стала прибирать, понукая неряшливую хозяйку. А тем временем вернулся домой и Шьяаб, небритый, осунувшийся. Невеселая вышла у них встреча...

— Я прожил больше ста двадцати лет, — стал заключать свой рассказ Дамей Арлан. — Много видел. Поистине бессмертна народная пословица: «Домашний очаг, потушенный мужем, можно восстановить. Но домашний очаг, потушенный женой, восстановить невозможно».

Затем старый Дамей подумал еще и закончил как начал:

— Самое лучшее в жизни — это хорошая жена. И самое плохое — плохая жена.

УДАВ

— Ты прав! — подтвердил один из стариков, когда Дамей Арлан закончил свой рассказ. — Я согласен, что самое лучшее в жизни — это хорошая жена и самое плохое — плохая жена. Вот ты рассказал о хорошей жене, расскажу теперь я о плохой. Хотите?

Мы согласились, и Джансух Смыр начал так:

— Мой рассказ будет маленькой сказкой, но думаю, что она — не плод праздной выдумки. Бывают жены, одержимые страстью обязательно перечить мужу во всем. Даже без всякой пользы для себя и, конечно, без какого-либо смысла. Они упрямятся, спорят — лишь бы противоречить. Несчастны их мужья, но им трудно помочь. Сами взвалили на себя такую ношу...

Жили-были в одном селе муж и жена. Они часто спорили и всегда из-за ее своенравного характера.

Однажды муж, звали его Керим, пошел к известному в селе цирюльнику и обрил догола голову. Вернувшись домой, он сказал жене:

«Смотри, как хорошо побрил меня наш Шьябан!»

Жена взглянула на его бритую голову и насмешливо произнесла:

«Фи! Он тебя не побрил, а просто постриг. Как барана. И притом очень небрежно. Взгляни в зеркало, волосы у тебя торчат клочьями, совсем как у барана. Просто смешно! Да он совсем тебя изуродовал...»

Муж изумился таким речам и погладил обеими руками свою гладкую, как тыква, голову.

«Я видел сам — Шьябан орудовал бритвой», — сказал он.

Но жена упорно твердила свое.

«Ну, хватит! Я устал спорить с тобой, перестань, наконец, — взмолился он. — Лучше пойду погуляю на свежем воздухе». И, набросив на голову башлык, вышел из дома.

«Зачем идешь гулять один? — спросила жена. — Пойдем вместе!»

«Только с одним условием, — предупредил он. — Не будем спорить. Хорошо? А то я устал от этих споров».

«Ты устал спорить, а я не устала», — бодро ответила она и пошла рядом.

Когда они шли по мосту над глубокой трясинной, она снова взялась за свое:

«Разве я виновата в том, что тебя так скверно постригли?»

Он молчал, а жена продолжала трещать:

«Наверно, ты чем-нибудь обидел цирюльника, и потому он остриг тебя так, чтобы все люди смеялись над тобой...»

Муж стоически продолжал хранить молчание.

«Он ведь сделал тебя настоящим посмешищем! Какой-то цирюльник посмел нанести тебе такое оскорбление, а ты терпишь и молчишь!..»

«Не цирюльник, а ты глумишься надо мной все время. Прекрати наконец! Меня побрили. Понимаешь — побри-ли!..»

«Нет не побрили, а постригли!»

«Побрили!» — сказал Керим, останавливаясь и хватаясь за сердце.

«А вот и нет! Постригли!» — не унималась жена.

«Побрили!»

«Постригли!»

«Побрили!»

«Постригли!»

— Если сильно накалить камень, то и он лопнет, — сделал маленькое отступление Джансук. — Не выдержало и сердце Керима. Схватил он завязтую спорщицу и бросил ее в самую середину болота...

Сначала она было скрылась в трясине, но вскоре вынырнула оттуда, крикнула: «Постригли!» — и показала ему пальцами нос. Но долго держаться на поверхности ей не удалось. Болото поглотило ее вновь, и на этот раз как будто окончательно.

Керим все еще стоял на берегу и, полный жалости и раскаяния, глядел на трясину. Вдруг он увидел выползавшего из болота огромного удава. Удав подполз к нему и проговорил: «Что ты сделал, человек! Я не могу находиться с такой женщиной в одном болоте, она и там продолжает спорить. Мне даже съесть ее противно, я оставил ее живой...» Охая и стеная, удав уполз в ближайший лес.

Спустя неделю Керим услышал на улице отчаянный женский крик, а затем нестройный шум. Выйдя из дому, он увидел, как крестьяне, вооружившись топорами и вилами, окружили удава и собираются его убить.

Подбежав к ним, Керим крикнул: «Оставьте его, не убивайте! Отпустите удава, прошу вас: он однажды сделал доброе дело». Люди послушались Керима и отпустили удава.

Когда все разошлись, удав сказал Кериму: «В благодарность за спасение я окажу тебе услугу, когда она тебе понадобится. Только знай: просьбу я могу выполнить только один раз. Второй раз и не проси». Затем удав снова уполз в лес...

Прошло около месяца. Как-то, в середине дня, на сельской околице снова раздался душераздирающий женский крик. Сбежавшимся представилась страшная картина: сжимая в кольцах какую-то девушку, удав собирался ее проглотить. К нему подбежал Керим и стал просить его отпустить девушку. Удав сразу разжал кольца, нисколько не повредив своей жертвы, и тут же скрылся из виду. Родители девушки и все свидетели происшествия горячо поблагодарили Керима, обнаружившего такую власть над змеем.

Миновало еще немного времени, и однажды в дом к Кериму прибежали люди с вестью, что удав опять появился в селе и, схватив одну из девушек, собирается ее съесть. «Ты имеешь власть над удавом, заставь его отпустить девушку», — просили они.

«Я уже больше не имею над ним власти и не смогу вам помочь», — объяснил Керим. Но ему никто не поверил. Озлобленные его отказом, люди схватили Керима и потащили к удаву.

Увидев Керима, удав злобно прошипел: «Ты что, пришел просить меня второй раз? Забыл о моем условии?»

«Нет, нет, помню! — сразу ответил ему Керим. — Сейчас я прибежал к тебе вовсе не поэтому. Спаси меня! За мной гонится жена... Она вылезла из болота и бежит сюда!»

«Сюда?! — прошипел удав со страхом. — Эта женщина направляется сюда? — От ужаса глаза у него еще пуще вылезли на лоб. — Она видела, как ты побежал сюда?»

«Ну, да, конечно! Она сейчас будет здесь... Куда же нам скрыться?» — с деланным страхом вскричал Керим.

«Проклятье! — прошипел удав, освобождая девушку. — Я уползаю... А ты как знаешь. Черт с вами, с обоими. Если последуешь за мной, сразу же проглочу», — пригрозил он и быстро уполз.

— Как видите, даже удав не мог выдержать характера этой женщины! — заключил рассказчик.

Все рассмеялись.

— А я так рассуждаю, — сказал Коташь Асадз, — если уж обрекла тебя судьба на жизнь с глупой и говорливой женой, — не спорь с ней! Ведь без толку... А когда она что-нибудь посоветует, выслушай ее спокойно и поступи наоборот. Пусть себе болтает...

— В мире много всяких болтунов, — продолжил разговор Абзагу Аджыр. — Один мелет про все, что знает, а другой не знает, что и говорит.

В беседу вступил молчавший до тех пор самый старший из стариков мудрый Шхангерий Бжания.

— Не будем зря спорить, — сказал он. — Жизненный опыт помог мне установить точно: для того чтобы выучиться говорить, нужно полтора-два года. А для того чтобы научиться держать язык за зубами, — не менее шестидесяти лет!

ЗАВЕЩАНИЕ

У старика Кумфа была большая семья. Заботливо растил он своих детей, отдавая им все свои силы. Три сына его поженились, но со своими семьями продолжали жить в отцовском доме. В последнее время Кумф сильно одряхлел. Часто он не мог встать, чтобы поесть, и оставался голодным. Но сыновья этого словно не замечали, а невестки пробежали мимо, не откликаясь на его зов.

Неблагодарность сыновей сильно удручала больного старика. Однажды, почувствовав приближение смерти, он позвал младшего сына и на ухо шепнул ему:

— Дорогой сын! Мне кажется, что ты единственный из братьев меня действительно любишь и жалеешь. Поэтому я решил завещать тебе одному все свое имущество. После поминок по мне выйди незаметно для других в сад, выкопай под большим корнем дуба яму, и там найдешь кувшин с золотом и моим завещанием. Но помни: сделать это можно только на сорок первый день после моей смерти. Таково обязательное условие...

Слова отца возымели действие: младший сын и его семья начали усиленно ухаживать за стариком, не оставляя без внимания малейшее его желание.

На другой день старик подозвал к себе среднего сына и также по секрету сообщил ему о завещании, согласно которому будто бы все наследство отписывалось ему одному. А на третий день то же самое было тайно сказано стариком старшему сыну...

Сыновья стали наперебой ухаживать за больным отцом, стараясь опередить друг друга в выполнении его просьб.

Но, конечно, старому Кумфу уже ничего не могло помочь. Болезнь его была так запущена, что вскоре он умер.

Выполнив, как подобает, церемонию похорон, а затем и поминок, обычно свершаемых на сороковой день после смерти, все три сына отдали запоздалые почести отцу.

Ночью, когда гости, прибывшие на поминки, разошлись и разъехались, младший сын взял лопату и стал осторожно пробираться к заветному дубу. Каково же было его изумление, когда он застал там своих братьев, и тоже с лопатами. Все трое были очень смущены и наконец объяснились. Стали вместе рыть под корнями дерева яму. В яме действительно оказался кувшин. Он был пуст, а на дне его лежала записка. Она гласила: «Дети мои! Я всю жизнь души в вас не чаял, помогал вам, но, оказывается, не сумел воспитать в ваших сердцах уважения и любви к родителям, доброты и жалости к людям. Поэтому не забывайте о воспитании в своих детях чувства долга по отношению к вам, чтобы не остаться одинокими в старости, не испытать той горечи, которую испытываю сейчас я...»

АДЖИКА

У немолодых уже супругов Джегима и Аримсады Шлар долго не было детей. Немало печалились они по этому поводу. Но наконец родилась у них дочь, которую назвали Анифой. Отец и мать лелеяли свою дочурку и не могли налюбоваться ею. И то сказать, была она очень красива. Девочку оберегали от малейших забот. Целыми днями она только танцевала и пела песенки, но делать что-нибудь в доме и не думала.

Когда Анифа подросла, родители с ужасом убедились, что их дочь ничего не умеет делать. Незаметно прошли годы и настало время подумать о ее замужестве. Но как Анифе выйти замуж? Все в округе знали, что дочь Джегима на редкость красива, но ничего не умеет делать в доме и, несомненно, будет никудышной хозяйкой. Никто из юношей даже не решался сделать ей предложение.

Родители судили-рядили как быть и все же отыскали в дальней местности, в другом конце Абхазии, жениха для своей дочери. Быстро сыграли свадьбу и отослали дочь в семью мужа.

Но, выдав Анифу замуж, Джегим и Аримсада продолжали с замиранием сердца думать о ее будущем. Ведь она наверняка не управится с хозяйством. Как бы не вернули им ленивицу дочь со скандалом...

Наконец отец решил отправиться проводить Анифу. Приехал он без предупреждения. Случилось так, что при его приезде во дворе никого не оказалось. Джегим тихонько, с трудом преодолев мрачные предчувствия, вошел в дом. Представившаяся глазам картина приятно изумила его: в доме все было в полнейшем порядке. Анифа горячо приветствовала отца и тут же пустилась в хлопоты по хозяйству. Она так расторопно вела дело, что это буквально потрясло Джегима. Как преобразилась его ленивая дочь! Словно подменили ее. Но спрашивать, как произошла такая перемена, он никого не хотел, решив, что разгадка не заставит себя ждать.

И вот, когда родные мужа вышли из комнаты, Анифа подбежала к отцу, протянула ему ступку с насыпанными в нее солью, стручками перца и всяческими травами и тихо, как сообщнику, шепнула:

— Отец, родной мой, толки все это, да поживее и погромче, делай аджику. В этом доме не дают есть тому, кто не трудится. Толки, отец!

И Джегим покорно начал толочь в ступке аджику, поняв наконец весь смысл этой премудрости.

ЧАНАГВ

В годы гражданской войны линия фронта на Кавказе часто проходила так: с одной стороны скалы — белые, а с другой — красные. У входа в ущелье — белые, у выхода — красные. Война осложнялась еще и тем, что не существовало формы, определяющей принадлежность бойца к той или другой стороне.

...Сергей Миронович Киров направил с очень важным поручением к Орджоникидзе бесстрашного и стойкого коммуниста-абхазца Чанагва. Путь его был крайне опасен, дорога лежала через гору, а единственная горная тропа занята белыми.

В Абхазии тогда правили меньшевики. Киров просил о помощи. И Чанагв решился.

Он шел козьей тропой, взбираясь по уступам скал. Слабо светила сквозь тучи луна. Каждую минуту он мог сорваться в пропасть. Не успел Чанагв спуститься с уступа скалы, как вдруг услышал:

— Стой, руки вверх!

В упор на него глядели дула винтовок.

Чанагв остановился. Он готов был к встрече с врагом, но не знал, кто его остановил: свои или чужие? На ломаном русском языке он сказал:

— Осетин я... крестьян...

— Что тут делаешь?

— Коза пропал. Искал ее...

— Знаю, знаю, какую козу ты ищешь! Шпион ты, вот кто!

— Говори: не коза пропала, а твоя башка пропала, — съязвил кто-то.

Все засмеялись.

Чанагв внимательно рассматривал людей, стараясь определить — свои они или чужие. Но так и не мог ответить на этот вопрос.

— Ну, становись на край! — скомандовал старший. Чанагв не двинулся с места.

— Что ж не идешь? Иди, говорю! — крикнул конвоир и вскинул винтовку.

Чанагв не имел права ошибиться. Нужно было точно узнать, кто его задержал. Он снова начал бормотать:

— Я осетин... я — крестьян... коза искал.

— Стреляй его на месте, — равнодушно сказал старший.

Вдруг кто-то из конвоя сказал:

— Мить, а может, он и в самом деле крестьянин, осетин?

— Да что ты! — возразил Митя. — Разве тут ищут пропавшую козу? Ясно — шпион, кончай с ним без разговоров.

Чанагв не чувствовал страха перед лицом неминуемой смерти. Нет! Ему было больно от мысли, что не

удастся выполнить поручение Кирова и участвовать в освобождении родного абхазского народа от меньшевистского ига. Сердце его заныло.

— А что скажет Федя? — услышал он голос одного из конвоиров. — Ведь приказано никого не расстреливать без него. Рассердится, когда узнает...

— Ну хорошо, поведем его к Феде. Десять дней не спал, жаль будить. Да что делать! Сам велел без его приказа никого не расстреливать.

Чанагва повели к начальнику. Ночь темная-темная... В пустой сакле на лавке лежал командир. Грудь его крест-накрест была обвязана патронташами, за поясом — гранаты. Он крепко спал.

Тщетно искал пленник глазами красную звездочку. Ее не было ни на шапке, ни на груди. И Чанагв решил, что он находится в плену врага. Понял, что минуты его сочтены.

Митя — старший, должно быть, — начал будить того, кого они называли Федей. Но тот спал так крепко, что его не могли добудиться. Тогда Митя выстрелил над его головой. Человек на лавке шевельнулся, сел и начал протирать глаза.

— Что случилось?

— Шпиона поймали. Притворяется, лиса, что крестьянин, осетин. Вот привели к тебе.

Человек посмотрел и, одолеваемый сном, махнул рукой:

— Расстрелять!

— Ну, выходи! Теперь — все. Командир приказал! — грозно сказал конвоир.

Чанагв выпрямился и уже не на ломаном, а на чистом русском языке крикнул:

— Я — коммунист и умру как коммунист. Стреляй, белогвардейская сволочь!

Он рванул ворот и обнажил грудь.

Командир сразу проснулся. Он вскочил и подбежал к Чанагву.

Отряд оказался красным.

ДЕВОЧКА ИЗ ОТХАРЫ

В штаб истребительного батальона прибежала девочка.

— Возьмите меня в ополчение, — взмолилась она, — возьмите, товарищ командир!

— Постой, — удивленно сказал один из бойцов, отхарец Кязим. — Ведь ты же Шасия, внучка Шааба? Ты ведь школьница?

— Школьница, — подтвердила девочка. — Прошу, возьмите меня в ополчение.

— А сколько тебе лет? — спросил командир батальона, внимательно разглядывая ее.

— Двенадцать, — ответила Шасия. — Я уже большая.

— А ты помнишь, — медленно произнес командир, — что написано на плакате, который висит на дверях вашей школы?

— Помню, — сказала она упавшим голосом.

— Так что там написано?

— «Героизм школьника — в его отличной учебе», — робко выговорила девочка.

— А ты знаешь, чьи это слова?

— Знаю, — сказала она. — Великого Ленина. Но, товарищ командир, — твердо отчеканила она, — я не могу оставаться дома. В нашей семье нет мужчин, которые могли бы пойти воевать. Дедушка стар. Прошу вас, примите меня.

— Нет, — решительно ответил командир. — У нас и без тебя найдутся воины, чтобы защищать родину. Ты иди и учись. Учись отлично. В этом и будет твой героизм.

Тут к командиру обратились ожидавшие его люди, и все забыли про девочку. Она постояла еще немного и, опустив голову, незаметно ушла.

...Ранним утром Шасия несла еду своему дедушке — колхозному пастуху Шаабу: он пас скот в горах.

За выступом скалы она вдруг столкнулась с тремя незнакомыми людьми: все они были в солдатских шинелях.

— Ты куда, девочка? — спросил старший, загордив ей путь. Он говорил по-русски. Выражение тревоги скользнуло по его лицу, и Шасия это заметила.

— К дедушке, — ответила она. — В горы.

— А где дед? Зачем он там?

— Он пастух, — сказала Шасия. — Пасет колхозный скот.

— А где ваш колхоз? — спросил ее старший — Ты не бойся, мы из Красной Армии. Наша часть стоит далеко отсюда, эти места нам не знакомы.

Девочка насторожилась. «Не бойся», — повторила она про себя и подумала: «Тут что-то неладное».

— Село наше там... — указала она рукой в сторону гор. — Там все люди. А дедушка в горах один.

— Один? — недоверчиво переспросил старший.

— Совсем один! — зазвенел ее голос.
— Ты нас к нему проведи. Он любит хороший табак?
— Любит, — сказала Шасия. — У него как раз табак кончился.

— Мы его угостим, показывай дорогу, идем!

— Идемте. — И Шасия двинулась вперед. Быстрым шагом шла она в сторону села. Ее худенькие ноги мелькали на поворотах тропинки, и трое взрослых едва поспевали за ней. Девочка выбирала узкие, окольные тропы, стараясь подойти к селу с той стороны, где к нему примыкал густой лес.

Около двух километров прошли они молча. Но когда на опушке снова показались скалы, люди явно забеспокоились.

— Подожди, девочка, стой! — крикнул один из них.
— Ведь вон же видно село! — Мы обойдем его сейчас, — сказала Шасия. — Здесь плешь, а дальше дорога пойдет опять лесом.

— Ну посмотрим! — успокоился солдат.

Но за одним из поворотов Шасия метнулась в сторону и бросилась бежать. Ее не остановил раздавшийся позади выстрел: пуля только слегка задела плечо. В несколько минут девочка достигла здания сельсовета.

— Скорей, скорей! — торопила она командира. — Привела, привела! Там, в лесу! — И она указывала рукой в ту сторону, где оставила незнакомых людей.

Бойцы истребительного батальона задержали вражеских разведчиков.

ГОВОРЯТ, ТЫ СТАР

Только один перевал отделял гитлеровцев от абхазского селения, расположенного высоко в горах.

На маленькой площадке у сельсовета группами сидели люди, пришедшие сюда, чтобы вступить в народное ополчение. Среди них был стотридцатилетний старик Абгадж Сми́л, высокий, сухой, весь обвешанный патронташами, с кинжалом за поясом, в руках он держал старинное охотничье ружье.

— Ты куда, Сми́л, собрался? Тоже на войну? — посмеивалась молодежь.

Старик молча обвел всех взглядом.

— Туда же, куда и вы, — сказал он. — Думаете, не гожусь? Не попаду в цель?

— Не в том дело, Сми́л! Тебя врачебная комиссия не пропустит.

— А почему, думаете, не пропустит? Из-за моих лет? Стар, мол, я?

— Не-ет! — засмеялся один из шутников. — Кто говорит, что ты стар? Только скажут, что грудь у тебя узка. Узкогрудых врачи не берут!

— Как — грудь узка? — насторожено переспросил Смил и всерьез ощупал свою грудь. — Ну и пусть узка! — решительно сказал он. — Ничего! Хватит места и для пули, и для наград.

И он пошел в сельсовет, где был штаб ополчения.

Старого Смила так и не зачислили в истребительный батальон. Ему вежливо разъяснили, что в его годы воевать трудно.

Печальный стоял он на террасе сельсовета.

— Что, Смил, не приняли? — пряча улыбку, спрашивали его знакомые.

— Да... стар! Говорят, сиди дома. Ни к чему не годен.

— Почему ни к чему? Ты наш лучший певец, лучший игрок на апхярце. Сиди на солнышке, грей старые кости и славь героев! На войне ты будешь только мешать.

— Мешать? — переспросил Смил. — Ну посмотрим. И, не проронив больше ни слова, он пошел по дороге и скрылся за ближней скалой.

Вскоре в штаб истребительного батальона прибежали разведчики и донесли, что какой-то старик прошел по узкой тропе меж скал и был замечен за водопадом. Водопад служил рубежом, за ним начиналась территория, занятая врагом. Наблюдатели видели, как к старику подошли трое немцев, о чем-то с ним поговорили и увели с собой.

В тот же день вечером истребительные отряды штурмовали горный проход. В рядах врага чувствовалось замешательство. Удалось захватить почти весь штаб части.

Пленные рассказали следующее:

— Из-за горного перевала к нам явился какой-то старик. Он сказал, что принес важное сообщение, и просил провести его к командиру. Того на месте не оказалось. А старик все твердил, что ему нужно видеть самого главного. Пришли к начальнику штаба — обер-лейтенанту Краммеру. Когда ему доложили о перебежчике, он обрадовался. Увидев, что это глубокий старик, обер-лейтенант подошел к нему близко. Старик выхватил кинжал и всадил по самую рукоятку в грудь Краммера. Тот даже крикнуть не успел. Старика тут же убили. Вон лежит его изуродованный труп.

Односельчане узнали старого Абгаджа Смила.

ЛУЧШАЯ РОЛЬ

Труппа абхазского театра гордилась молодым талантливым актером Чичико.

Мать Чичико была родом из Карачая, и родственники ее жили в маленьком абазинском поселке Ахуца.

Предгорья Карачая были заняты врагом, и в Ахуце стоял штаб одной из фашистских частей.

Жители угнали в горы свой скот, чтобы он не достался врагу, часть населения ушла с ним, а часть осталась в поселке, чтобы следить, не спустился ли с гор скот; если это случалось, его незаметно угоняли обратно.

Старуха Хьфаф Абухба выглянула как-то со двора и увидела вдали женщину, которая спускалась с гор и гнала перед собой телку.

— Смотри, смотри! — сказала старуха мужу, указывая маленькой высохшей рукой в сторону гор. — Телку гонит!

— Где? — спросил старик и, заслонившись рукой от солнца, начал вглядываться. — Да, действительно телку гонит. Подлая! Неужели помогает врагам?

— Должно быть, заставили ее! — сказала старуха. — Иначе кто по доброй воле станет шататься под огнем.

Тем временем незнакомая женщина приближалась прямо к их двору. Она открыла калитку, загнала телку и, подойдя вплотную к старикам, тихо проговорила:

— Зайдите со мной в дом. Я вам что-то скажу. И, к их удивлению, первой вошла в дом.

Старики шли за ней. И тут женщина скинула с себя платок, сорвала парик — перед ними был их внук Чичико.

— Чичико, нан! — горячо обняли его старики. Чичико узнал все, что его интересовало: в Ахуце действительно разместился штаб немецкой дивизии, а в доме Абухбы поселился штабной офицер.

— К вечеру он придет обедать, — шепнула старуха. — Сегодня велел приготовить литр водки.

...Стукнула дверь, и в комнату вошел офицер. Это был высокого роста толстяк. Он заметил в прихожей молодую женщину.

— Кто ист этот женчин? — спросил он.

— Внучка! — ответил старик. — Дочь убитого брата. Совсем сирота!

— О-о, корош, очень корош! — сказал немец. — А шнапс ист?

— Есть, есть, — ответил старик. — Вот, достали!

Немец сел за стол.

Изрядно выпив, он позвал жавшуюся в углу молодую женщину и заставил ее сесть возле себя. Затем налил ей стакан водки и приказал:

— Пить! Зер шен, очин, очин красив! — и притянул ее к себе.

Но женщина, мягко отстранив его, потянулась к водке.

— О-о! — закричал приятно удивленный офицер. — Зер гут!

Он налил свой стакан и, высоко запрокинув голову, выпил. Женщина воспользовалась этим и незаметно выплеснула водку под стол. Потом поставила на стол пустой стакан и знаками дала понять офицеру, что хочет еще. Тот охотно снова наполнил два стакана.

Скоро немец уткнулся носом в тарелку и захрапел.

Тогда женщина насыпала в стакан мелко истолченного табаку, залила водкой и, приподняв за подбородок голову офицера, влила ему в рот.

Затем Чичико быстро сбросил с себя женскую одежду, втиснул офицера в длинный мешок, туго прихватил его веревкой, взвалил на спину и скрылся во мраке ночи...

Но самое смешное произошло позже, в селе Отхара, где стоял абхазский истребительный батальон.

Командир батальона Мамия, закончив допрос офицера, спросил его:

— Ну, а как же вы сюда попали?

— Никак не знаю! — пожал тот плечами.

Позвали разведчика Чичико.

— Вы его узнаете? Где-нибудь встречали?

Немец смотрел и отрицательно мотал головой. Командир шепнул что-то Чичико. Тот выскользнул и через мгновение появился в женской одежде.

Офицер в испуге отшатнулся.

— Я знаю этот женчин! — воскликнул он.

Тогда Чичико снял платок и сорвал парик. Под общий хохот пленный залопотал что-то бессвязное. Но его уже подталкивали к выходу...

— Чичико, — сказал командир, когда увели немца, — я видел тебя во многих ролях, но эта, по-моему, была самой трудной.

— И самой лучшей! — добавил Чичико.

ЦАРКВАКВА

Как-то я встретил друга, которого давно не видел. Он благодушно улыбался. Я же был хмур и невесел. Он обратил на это внимание. — Что с тобой?

— Плохое настроение, — ответил я.

Он сказал:

— Пойдем ко мне, оно у тебя сразу исправится.

— Вряд ли мне станет у тебя веселее, настроение по заказу не меняется, — возразил я и нехотя все же поплелся за ним.

Мы вышли на окраину Сухуми, за так называемый Красный мост, где начинаются маленькие домики, утопающие в зелени, где так тихо и уютно. Вот и домик моего друга. Оттуда доносились звонкие голоса детей.

— У тебя именины сегодня? — спросил я. — Столько ребят: тринадцать. Да, тринадцать детей.

— Нет никаких именин, — ответил он. — Это все мои дети.

Я впервые улыбнулся в тот день.

Глядя на щуплую фигуру друга, трудно было представить его отцом такого большого семейства.

Жена друга радушно пригласила меня к столу. Мы сели обедать. В конце стола я увидел глубокую миску, наполненную царкваквой — кислым молоком с мамалыгой. Чудесное детское блюдо у абхазов. Кто знает, может быть, царкваква — одна из главных причин абхазского долголетия. Сколько людей помнят свою детскую манную кашу! А у нас все начинали с царкваквы. Я улыбнулся, вспомнив свое детство.

Друг сказал:

— Считаю: ты улыбаешься уже второй раз. — Он обратился к жене: — Расскажи ему про царквакву. Он будет хохотать. Жаль, что я не поспорил с ним, когда обещал исправить ему настроение.

Хозяйка подвинула к себе миску с царкваквой и начала кормить тринадцатого ребенка.

— Это было в годы войны, — сказала она. — Мы коротали вечера при свете очага. Было уже совсем темно, я купала детей и волновалась, почему так долго нет мужа. Что его задержало в городе? Наконец он входит, ведя за руку ребенка, и начинает кричать: «Что ты за мать? Не можешь собрать своих детей на ночь! Я иду домой, смотрю, в канавке у самой калитки копошится ребенок! Мать оставляет ребенка на улице! Поскорей накорми его и купай!» Меня очень обидели слова мужа. Я — плохая мать? Я начала на него кричать, что он — плохой отец! Ребенок во время нашей перебранки рвался к дверям. «Что, снова к своим камням в канаве? — прикрикнул на него муж. — Я их разбросал. Если ты сейчас же не станешь кушать свою царквакву, тебе достанется. Где моя плеть?» — «Не надо, обойдемся без твоей плети», — сказала я, подвела ребенка к столу и дала ему

царкваквы. Малыш с аппетитом съел миску царкваквы, но когда я потащила его купать, он стал кричать и вырываться из рук: «Я хочу домой... к маме!..» — «Что-о? — Я подвела малыша к очагу. — Унан! — крикнула я мужу. — Это не наш! Это соседский!»

Муж посмотрел и сказал: «Да, это не наш. Это какой-то чужой. Первый раз вижу его».

«Тебе своих детей мало? — набросилась я на мужа. — Чужих стал таскать домой? А царкваква? Что теперь дадим нашему малышу?»

Я хохотал до слез: «Царкваква! Царкваква!»

Мой друг и хозяйка ласково смотрели на меня, довольные тем, что их гость развеселился.

АЛАМЫС

Жарким июльским днем я как-то проходил по главной улице Гудауты. В цветущем садике на зеленой скамье сидел старик. Он провожал взглядом каждую курортницу и хмуро смотрел им вслед. Он злобно кривил губы, глядя на женщин, медленно шагающих в своих летних нарядах, подчас слишком фривольных для центра города. Я сел на скамью рядом с ним. Что-то в облике старика заинтересовало меня.

Вдруг, повернувшись в мою сторону, он глухо сказал:

— Бесстыдство!

Я рассмеялся.

— Отец, — сказал я ему, — полезно для здоровья так ходить.

Он упрямо повторил:

— Бесстыдство!..

Я понял, что спор с ним бессмыслен.

Никакими доводами его нельзя было переубедить. Я хотел было уйти, но слеза, блеснувшая на щеке старика поразила меня.

— Ты плачешь? — в испуге спросил я.

Он тихо сказал:

— Это было сорок лет тому назад... Моя младшая сестренка — красавица Чимса повредила себе глаза. Мы жили тогда в Очамчире. Ей было только шестнадцать лет. Куда только и к кому только ни возил я ее; но вылечить глаза уже нельзя было. С каждым днем все больше тускнели краски мира, все хуже она видела... И когда совершенно убедилась, что полная слепота — ее удел, она воспользовалась моим отсутствием и бросилась под поезд. Это было в Одессе, куда я возил ее к известному глазному врачу. Я вернулся уже тогда, когда чужие наполнили наш дом. Люди узнали ее, принесли растерзанное тело и положили на кровать. Я услышал их разговор:

«Почему она в мужских брюках?»

«Неужели на ней нет белья?»

Я узнал свои брюки. Женщины раздели сестру, на ней было белоснежное, тонкое белье.

«В чем же дело? Зачем она надела мужские брюки?» — недоумевали люди. Только я один понял, почему сестра так сделала.

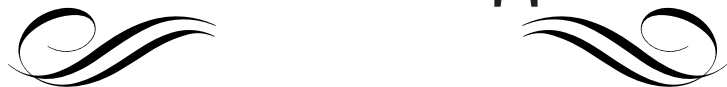
— Аламыс! Думая о том, что поезд, раздавив ее, откроет ее наготу, она надела мои брюки...

Старик замолчал, потом повернулся ко мне и сказал:

— Тебя удивляет, что, идя на такой шаг, она думала о своей наготе? Аламыс — сильнее смерти.

Я не удивлялся... Я смотрел на старика с глубоким почтением и сочувствием к его горю.

СЫН НАРОДА

Это было в первые годы советской власти в Абхазии. Приехал в Сухум старик крестьянин — с ним случилась какая-то беда. Вот он и приехал, чтобы подать жалобу «самому главному начальнику». Таким человеком в Абхазии был Чанагв, его в народе любовно называли «наш Чанагв».

Старик разузнал, где живет «самый главный начальник», и отправился к нему, но не застал дома. Пришлось ждать на улице.

Так прошло несколько часов. А когда к дому подъехал Чанагв, старик, недолго думая, упал перед ним на колени и протянул сложенный лист бумаги:

— О!.. О!.. Прошу тебя, наш главный начальник Чанагв! Прочти эту бумагу и помоги мне, несчастному.

Чанагв опешил:

— Зачем же на коленях? Встань сейчас же! Немедленно встань!

— Нет, нет, патени Чанагв, — ответил старик. — Я стою на коленях... Так лучше дойдет мое прошение.

— Я такой же крестьянин, как ты! — рассердился Чанагв. — К тому же ты — старый, почтенный человек, а я моложе тебя. Встань и расскажи: в чем дело?

— Нет, я не встану, пока ты не прочтешь бумагу, — упорствовал старик.

Все это происходило днем на одной из самых людных улиц Сухума. Собралась толпа любопытных: что же будет дальше?

Тогда Чанагв, видя, что ему не удастся переубедить старика, сам опустился на колени и сказал:

— Ну что ж, теперь и я в равном с тобой положении. Давай прошение и рассказывай, что приключилось.

Люди, наблюдавшие это, начали кричать старику:

— Встань, что ты делаешь? Ты заставил нашего Чанагва стать на колени. Вставай же!

Старик смущенно поднялся и вместе с Чанагвом вошел в дом.

А люди долго обсуждали случившееся.

— Наш Чанагв — настоящий сын народа, — говорили они с гордостью. — Ему чуждо тщеславие.

ДЖОН ПРИСТЛИ И ШХАНГЕРИЙ БЖАНИЯ

Известный английский писатель Джон Пристли приехал в 1946 году в Советский Союз. Он побывал в Абхазии и пожелал встретиться с местными стариками, о которых наслышался еще у себя на родине. И вот его — в сопровождении жены, переводчика и двух грузинских писателей — привезли к стосорокасемилетнему Шхангерию Бжания, проживавшему в селе Тамшь, в сорока километрах от Сухуми.

Когда машина с гостями подъехала к домику Шхангерия, оказалось, что хозяина нет дома: он собирал колхозный виноград.

— Хочу повидать его на работе, — сказал Пристли.

Желание гостя было, разумеется, удовлетворено. И вот Пристли подвели к могучему дереву грецкого ореха, высотой метров пятнадцать, вокруг которого, как удав, обвилась толстая виноградная лоза. Обычная картина здешних мест. В абхазских селах, утопающих в зелени, нет дерева без такой «виноградной нагрузки». Лоза до того оплела ветви этого великана, что невозможно было определить, чего на нем больше — ореха или виногра-

да? Орех и виноград! Не нужно было делать чурчелы: сидя на дереве, вы могли есть ее в естественно-натуральном виде.

Председатель сельсовета, приведший сюда гостей, поднял голову и крикнул:

— Слезай, Шхангерий! К тебе гости приехали! — И, будучи уверен, что никто из гостей не знает абхазского языка, добавил: — Много гостей к тебе приезжает. Отрывают от дела. Надоели мне и они и ты сам!

Тогда, к удивлению гостей, откуда-то сверху, с макушки дерева, донесся бодрый и приветливый голос:

— Добро пожаловать! Я всегда рад гостям. Но где же этот непоседа мальчишка? Опять убежал куда-то! Прими ты, Тарашь, этот виноград, а я сейчас спущусь.

И все увидели, как на длинной веревке стала медленно спускаться корзинка, полная черного сочного винограда «изабелла». Когда корзинка коснулась земли, председатель сельсовета поднял ее и высыпал в большой желоб, выдолбленный в бревне. Пустая корзина ушла вверх и больше не опускалась. Вместо нее спустился человек. Обхватив обеими руками ствол дерева, он полз вниз. Когда до земли оставалось около двух метров, он легко прыгнул.

Это и был стосорокасемилетний Шхангерий Бжаниа.

Он изумил всех своим видом: высокий худой, подтянутый. Одет он был в короткий рабочий архалук. Открытое лицо. Глаза голубые, острые, умные. Добродушная улыбка.

Обменявшись приветствиями и познакомившись с гостями, хозяин радушно пригласил их к себе в дом.

— Я приехал в вашу страну, — обратился Пристли через переводчика к Шхангерию, — чтобы познакомиться с вашим абхазским народом.

— Ну и как понравился тебе мой народ? — спросил Шхангерий.

— Не могу еще судить о нем, — ответил Пристли. — Я ведь здесь недавно: всего четыре дня.

— Но одну черту характера моего народа ты мог бы уже оценить, — заметил хозяин.

Гость смутился и, переглянувшись со спутниками, спросил озадаченно:

— Какую черту?

Старик лукаво улыбнулся.

— Вкус! — ответил он. — Неплохую страну избрал мой народ для своего жительства? Не правда ли?! Много солнца, плодов, цветов!

Шхангерий испытующе посмотрел на гостя:

— Ты — человек ученый. Не скажешь ли мне, каково расстояние между правдой и ложью?

Пристли пожал плечами:

— Я полагаю, что расстояние это очень большое. А вы как думаете?

Старик отрицательно качнул головой:

— Нет, всего в четыре пальца!

И в подтверждение своих слов он приложил к виску, между глазом и ухом, четыре пальца.

— То, что видишь глазами, — правда, а то, что слышишь, часто бывает ложью. Не всякому слуху можно верить. Согласен?

— Да, это правильно! — сказал Пристли.

— И еще один вопрос, — продолжал Шхангерий. — Почему природа дала человеку два глаза, два уха, две ноги, две руки, а рот — один?

— Интересно послушать вас, — сказал Пристли.

— Я отвечу, — с достоинством произнес Шхангерий. — Человек должен много видеть, много слышать, много ходить и работать, а говорить мало. Этого мнения и я придерживаюсь уже более ста лет.

Пристли был восхищен стариком.

— Скажите, а в чем, по вашему мнению, секрет долголетия? Я тоже хочу долго жить.

— А ты не укорачивай свою жизнь, она и будет долгой! — не задумываясь, ответил Шхангерий.

СПОР

Вокруг демобилизованного из армии сразу после великой победы молодого эшерца Нури Шларба собрались жители села. Были среди них столетний высокий и худощавый Ханашв Пилиа и восьмидесятилетний тучный Маф Арстаа. Случилось так, что между Ханашвом и Мафом разгорелся спор. Но об этом — после.

Нури только что вернулся в родное село. На груди его красовались ордена и медали, ходил он еще в военном обмундировании. Все село пришло на него поглядеть. С большим почтением смотрели на него даже старики. А Нури все рассказывал и рассказывал о войне, не забывая при случае ввернуть в повествование несколько слов о своей собственной доблести. Поведал он тогда и о следующем примечательном эпизоде.

Было это на Украине, в одном из сел, куда наша часть ворвалась так стремительно, что фашисты побросали не только награбленное добро, но даже оружие, и удрали, кто в чем мог. А ведь поустраивались они здесь основательно. Некоторые, по сведениям разведчиков, даже выписали жен и детей...

Заняли мы село и видим: бегут со всех сторон оборванные, отощавшие люди с плачем и причитаниями в одном направлении. Женщины и старики. Молодежь, как нам рассказали, давно ушла в партизаны.

«Куда это они, дедушка?» — спросил я старого колхозника из партизан, бывшего у нас в проводниках.

«В садик, где фашисты детей сжигали, — объяснил старик. — Когда наши войска стали подходить, фашисты собрали детей со всего села, вырыли большую яму в том садике, сбросили туда детей, облили бензином и сожгли...»

С группой бойцов я побежал вслед за жителями села.

В садике, вокруг большой ямы, люди стояли плотной стеной. Многие плакали навзрыд. Нам едва удалось протиснуться вперед. Бойцы стали руками разгребать мерзлую землю.

Вскоре на земле, вокруг ямы, уже лежали рядками обугленные детские трупки...

— Не надо продолжать, дад, не надо, — прервал Нури старый Ханашв. — Надо иметь сердце, обросшее шерстью, чтобы слушать все это. Дикие звери и те бывают добрее...

— А фашисты себя называли сверхлюдьми, — заметил, сдвинув брови, Нури. — Но все-таки разрешите, я доскажу... Стоим мы так, к горлу у всех подступает ком, теснит дыхание. Вдруг видим, бежит человек, под мышкой у него кто-то барахтается. Подбежал, а на руках у него ребенок, светлый такой, упитанный, ему могло быть годика два, не больше.

«Фашисты моего внучонка сожгли!.. — крикнул старик. — Неужто ихнего змееныша оставим на белом свете?»

«Давай-ка его сюда», — твердо и повелительно сказал наш командир и, взяв ребенка на руки, задумался.

«Бросай! — вскричал чей-то женский голос. Совсем женщина, видно, не в себе была. — Куда наших бросали гады, туда и его бросай!»

«Нет, так советские люди не поступают! — решительно сказал командир. — Мы воспитаем его не зверем, а человеком. Не будет он таким, как его отец. Возьмите ребенка, товарищ сержант, — обратился он к одному из наших. — Пусть пошлют его в медсанбат, а оттуда эвакуируют в тыл».

Сержант бережно взял на руки ребенка и отнес его в медсанбат. Позже мне рассказывали, что там его отогрели, накормили и отправили в один из детских садов Харькова...

Вот тут-то и разгорелся между стариками спор.

— И напрасно! — кипятился Маф. — Напрасно не бросили змееныша в яму: вырастет — тоже будет сжигать людей. Недаром говорится в пословице — река всегда течет по своему руслу.

А Ханашв в ответ сказал:

— Нет, Маф, ты сейчас не от души говоришь. И забываешь: ребенок, воспитанный нашими людьми, никогда не станет зверем.

— Ты прав, дедушка, — подтвердил Нури и затем обратился к Мафу: — А пословица о реке и ее русле уже устарела, почтенный отец. У нас и реки меняют русло, если это полезно народу.

ПРОДАВЕЦ ВИНОГРАДА

В рейсовой машине, курсирующей между Гагрой и Сухуми, ехало несколько человек. Это были курортники, отдыхающие здесь, и муж с женой — иностранные туристы. Дорога делала зигзаги, огибая живописные абхазские села. На одном из поворотов машина остановилась у небольшого прилавка под навесом. Здесь абхаз-крестьянин продавал виноград. Виноград был крупный, красивый — и нельзя было им не залюбоваться. Все пассажиры подошли к прилавку. Муж и жена — интуристы — плохо владели русским языком, но все же смогли объясниться с продавцом. Купив у него шесть килограммов винограда, уплатив за него и за корзину, иностранец повелительно сказал продавцу:

— Отнеси в машину!

Абхаз-крестьянин даже не повернул головы в его сторону.

— Ты что, не слышишь меня? Я же сказал — отнеси виноград в машину!

Продавец участливо спросил его:

— Вы больны?

Тот удивленно ответил:

— Нет, я здоров. А почему ты спрашиваешь?

Абхаз рассмеялся:

— Если бы ты был болен или твоя спутница одна покупала виноград, я охотно отнес бы корзину. Но ты здоров, отнеси сам.

— Вы обязаны отнести то, что я купил! — возмутился иностранец.

Крестьянин спокойно ответил:

— Ты как князь хочешь приказывать мне. Но эти времена давно прошли. Мы с тобой одного возраста. Возьми и неси сам.

...Мы сели в машину и поехали дальше. В пути разгорелся спор. Интуристы возмущались неужливно-стью продавца.

Курортник, рабочий с Урала, твердо сказал:

— А мне нравится этот крестьянин. Он держится гордо, с достоинством.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ САИДЫ

Хорошо жили молодожены Саида и Кинтуш. Одно только омрачало мужа: Саида была скупой и негостеприимной. Как ни старался Кинтуш повлиять на свою жену, ничего не выходило. Каждый раз, после того как у них бывали гости, возникали ссоры. «Что делать? — думал Кинтуш. — Как повлиять на Саиду?..»

И он вспомнил, что в далеком Самурзаканском районе живет его тетка Хамжважв, которая столь же скупа и негостеприимна, как и его жена. И тогда созрел план: Кинтушу нужно было ехать с экспедицией в Самурзаканский район, в горы, на разведку целебных источников. Он уговорил жену погостить у его тетушки Хамжважв: «Ведь дома тебе одной будет скучно».

— Моя дорогая тетушка, — обратился к ней Кинтуш, когда они приехали к ней. — У меня в этих местах серьезные дела. Я пробуду в горах около месяца. Пусть Саида погостит это время у вас. Здесь ей, надеюсь, будет веселее, чем дома.

— Конечно, конечно, дорогой мой племянник, — притворно заулыбалась тетушка. — Ты хорошо сделал,

что привез ко мне милую Саиду. Я очень ей рада. Пусть гостит у меня хоть целый год. — Но тут же Хамжважв не преминула добавить: — Не очень, однако, задерживайся там, в горах. Молодые жены не любят подолгу ждать своих мужей. Разлука, как известно, гасит слабое чувство, как ветер костер.

Все рассмеялись.

Потом Кинтуш распрощался с женой, с тетушкой и ушел...

Когда он вернулся, Саида встретила его руганью:

— Хоть бы ты сломал там себе обе ноги! Где ты пропадаешь столько времени? Сейчас же едем домой! Сию минуту!

— Чего ты так торопишься? — недоумевала тетушка. — Кинтуш может подумать, что тебе у меня не понравилось.

— Да нет же, милая тетушка, — слукавила Саида. — Мне у вас понравилось. Но я ведь пробыла у вас уже целый месяц.

— Месяц и три дня, — поправила ее Хамжважв. — Но какое это имеет значение? Оставайтесь еще хоть на несколько дней.

— Спасибо, тетушка! Большое спасибо! — искренне произнес Кинтуш. — От всего сердца благодарю. Но нам и в самом деле пора домой.

Кинтуш понял, что цель достигнута, и он может спокойно возвращаться с женой домой.

С тех пор Саиду точно подменили. Она стала доброй, щедрой и гостеприимной.

ВЕДЬМА

Цаба училась в городе Очамчире. Летом, на каникулы, девушка поехала в свое родное село, к бабушке.

К бабушке часто приходили такие же старухи, как и она, и рассказывали разные небылицы о чертях и ведьмах. Цаба не зря училась в городе, она знала, что нет ни чертей, ни ведьм, что старухи в них верят, потому, что они неграмотные, темные. Девушка пускалась с ними в споры, старалась их просветить. Ее горячо поддерживала подруга Шесия.

Старухи не поддавались. Они качали обычно головами и говорили: «Не спорьте со старшими! У нас в селе жила проклятая ведьма Хамжважв. Она прожила сто пять лет. Ее не раз видели верхом на волке. Она была страшна, и у нее был дурной глаз: стоило ей посмотреть на джигита, скачущего на коне, и он обязательно разбивался. Скольких людей она погубила! К ее могиле и сейчас нельзя подойти ночью: кто подойдет, того она утащит к себе».

Девушки смеялись: «И как это не стыдно старухам верить в такую чушь?..»

Цаба сказала:

— Хотите, я сегодня ночью пойду к ней на могилу и оттуда крикну вам?

— Что ты, что ты! — ответили старухи. — Мы и близко не подойдем к ней. И тебе не советуем. Она обязательно затащит тебя в свою могилу. Но если ты уж твердо решила идти, то возьми с собой колышек и вбей его в могилу. Мы утром пойдем и проверим, была ты там или не была.

Цаба училась в Очамчире. Могла ли она испугаться ведьмы?!

Девушка взяла колышек и пошла ночью на кладбище. Шесия хотела ее сопровождать, но Цаба настояла на том, что пойдет одна: пусть никто не заподозрит ее в трусости.

Она уже приближалась к могиле Хамжважв и вдруг почувствовала, что в груди что-то екнуло. «А что, если, — мелькнула у нее мысль, — а что, если Хамжважв действительно была ведьмой?» Девушка гнала от себя эту мысль, но она все назойливее сверлила мозг. Страшно стало Цабе. Но все же она подошла к могиле...

Цаба не вернулась домой. О том, что произошло с нею, узнали только утром, когда ее бабушка и другие старухи пошли на кладбище, к могиле «ведьмы». Распластав на могиле руки, неподвижно лежала Цаба. Старухи ее окликнули — Цаба не отозвалась. Заголосили, что проклятая ведьма погубила несчастную. Бросились в село, собрали людей... Оказалось, что, вбивая в могилу колышек, Цаба нечаянно прихватила им и свою одежду. Она хотела подняться, но почувствовала, что что-то тянет ее к земле. Девушку охватил ужас, она умерла от разрыва сердца.

Но старухи стояли на своем. Они кричали, что в смерти Цабы виновата проклятая старуха Хамжважв.

Тогда-то из толпы вышла Шесия и, вскинув голову, сказала:

— Ведьма тут ни при чем. Ведьмы нет. Наша незабвенная Цаба была права, когда спорила с вами. Но ее подвел страх. Если бы не страх, она вбила бы колышек, не зацепив своей одежды. А если бы и зацепила, то спокойно высвободила бы ее. Завтра ночью я пойду на могилу Хамжважв и докажу, что наша Цаба была права.

И Шесия сдержала свое слово. Она вбила колышек в могилу Хамжважв и вернулась домой.

Старухи впервые за свою долгую жизнь усомнились тогда в существовании ведьм.

КЬЯХЬ ХАДЖАРАТ

Писатель работал за столом. Вдруг открылась дверь, и в комнату вошла женщина. Черные глаза ее смотрели смело, но все ее лицо выражало смущение. Писатель поднялся навстречу и предложил ей стул. Он не знал, кто она и зачем пришла.

— Я сестра Кьяхь Хаджарата, — сказала она. — Ты воскресил его имя...

О народном герое Кьяхь Хаджарате пели повсюду в Абхазии песни. Но время шло и сглаживало, конечно, в памяти людей его образ. Писатель создал о нем пьесу, которая была поставлена во всех театрах и клубах Абхазии. Она всколыхнула людскую память, и благодарный народ решил зримо увековечить имя героя. В Сухуми воздвигли ему памятник, и одна из лучших улиц города была названа именем Хаджарата. То же самое сделали и в Гудауте. А в родном его селе Эшыре односельчане назвали его именем колхоз. И на борту нового теплохода, курсирующего между Сухуми и Сочи, появилась надпись: «Кьяхь Хаджарат». Доброе дело сделал писатель.

— Издавна у нас был хороший, к сожалению, теперь забытый обычай, — сказала гостя. — Когда кто-нибудь умирал и оставались дети, то ближайший друг умершего публично объявлял себя отцом или матерью сирот. Это было делом аламыса. Ты воскресил память о моем брате, и я считаю себя в неоплатном долгу перед тобой. Если ты не против этого обычая, то я была бы счастлива назвать тебя своим братом! Из нашей семьи никого не осталось. Хаджарат был моим единственным братом. Теперь я хочу, чтобы ты стал моим названным братом.

Смущенный и растроганный писатель познакомил женщину со всей своей родней, соседями и, собрав гостей, радостно объявил о «названном братстве».

После этого он вместе с семьей поехал к сестре Хаджарата в ее село и там снова объявил о своем новом родстве.

На торжественный обед собрался народ. Здесь были друзья и сверстники Хаджарата, его бывшие соседи и знакомые. Возник, естественно, разговор о подвигах и судьбе Кяхь Хаджарата.

— Хаджарат был моим другом, — сказал седой как лушь Смыр Белал. — С юношеских лет он стоял за бедняков. Князя недаром обещали много денег за его голову. Как волки, рыскали по его следам черные сотни карателей. А больше всех старался самый коварный и злобный — князь Татластан, на груди которого было много медалей. Но Хаджарат не давался им в руки.

— Его любил и надежно прятал народ, — добавил другой старик, Накопи Смиль.

— Да, да... ты сказал верно, — подтвердил Белал. — Народ был благодарен Хаджарату и потому берег его.

Но все же однажды, идя козьей тропой среди скал, Хаджарат неожиданно попал в засаду. Его окружила сотня вооруженных слуг князя Татластана.

В последние минуты Хаджарат, как рассказывали люди, держался героем. Он погиб как настоящий афыр-хаца.

— Святая правда! — подтвердил третий старик, Баз Шьяхан. — О смерти Хаджарата я слышал в Гудауте от стражника Пила Лолуа, который сам участвовал в то утро в засаде.

— Расскажи! Расскажи, Шьяхан, — раздались голоса.

— Когда Хаджарат был окружен, князь Татластан очень обрадовался, — продолжил рассказ Баз Шьяхан. — «Наконец-то ты у меня в руках!» — злорадствовал он.

И сразу со всех сторон загрели выстрелы, Хаджарат понял, что он действительно находится в мертвом кольце, что спасения нет.

«Как видишь, пришел тебе конец! — орал Татластан. — Давно от тебя нет нам покоя. Наконец-то теперь он наступит!»

«Не от меня, князь, а от тебя нет покоя народу, — отвечал Хаджарат. — А я защищаю народ от притеснителей».

«Я мог бы заткнуть твой поганый рот свинцом, — злился Татластан, — но хочу сделать ценный подарок начальству: доставить тебя в Сухум живым! Я обещал это. Хватайте же его! Скрутите ему руки!» — приказывал Татластан карателям.

Точно змеи, поползли со всех сторон стражники. Но метко разили их пули Хаджарата. Враги попятились назад.

«Я знал, что ты не отличаешься храбростью, князь Татластан, — крикнул ему Хаджарат, — но я не думал, что ты так ничтожен. Тебе носить бы не папаху, а женскую косынку!»

«Это почему же?» — опешил Татластан.

«Да потому, что даже сейчас, когда ты хитро и подло набросил мне на шею петлю и я в окружении твоих псов, даже тут ты прячешься от меня, — отвечал Хаджарат. — Выходи из своей норы, князь! Не будь хорьком! Давай сразимся один на один, как подобает мужчинам. Мне доставило бы удовольствие в эту последнюю минуту моей жизни избавить народ от тебя».

Татластан рассвирепел.

«Хватайте его, сучьи дети! — закричал он в бешенстве стражникам. — Смелей подходите! Заткните ему рот!»

Снова и снова выползали каратели из своих укрытий, и опять меткие пули Хаджарата заставляли их прятаться.

Наконец наступил момент, на который рассчитывал Татластан: кончились патроны у Хаджарата. Не было их ни в патронташах, ни в газырях. В пистолете осталась лишь одна, последняя пуля.

«Не думай взять меня живым, князь! — крикнул Хаджарат. — Не рассчитывай получить за меня медаль». Он приставил пистолет к виску и выстрелил. Струйка горячей крови пролилась на скалу.

Баз Шьахан замолк. Он достал из бокового кармана кисетик и начал забивать табаком трубку.

— И странно, — снова заговорил Смыр Белал, — словно сама скала первой запела о славной смерти

Хаджарата, и ветер сразу разнес эту песню во все концы Апсны. С того дня повсюду стали играть на апхярце и петь песню о Кяхь Хаджарате. Так и зовется по сей день в народе эта песня «Песней скалы».

— Разрешите теперь нам спеть ее, — обратился к старикам комсомолец Меджид.

— Просим! Просим! — раздались голоса, и Меджид, взяв в руки апхярцу, начал играть на ней и запел вместе со всеми:

Кто соколом летел вперед
Туда, где ждал его народ?
Кто жил в горах среди орлов
И слышал стон людской и зов?
Отважный, смелый Хаджарат,
Всем беднякам и друг и брат!
Кто жизни не щадил своей
Для счастья бедных всех людей?
Кто защищал простой народ
От многочисленных невзгод?
Отважный, смелый Хаджарат,
Всем беднякам и друг и брат!
Кто сам себя убил в бою,
Обняв последнюю зарю?
Кто среди гор и белых скал
Бессмертной, вечной песней стал?
Отважный, смелый Хаджарат,
Всем беднякам и друг и брат!

ПОМИНКИ

Была горячая весенняя пора. В полях пахали, борошили...

Автобус шел из Гагры в Гудауту.

В полдень мы проезжали какое-то большое село. В одном из его дворов я увидел толпу. Женщины, одетые в черное, неистово кричали и царапали себе лица.

— Что здесь происходит? — спросил я соседа по автобусу.

— По-видимому, кто-то умер, и его оплакивают. А быть может, поминки, — спокойно ответил он.

— И это в разгар рабочего дня? — удивился я. — Ведь тут собралось, вероятно, все село.

— Да, вы правы, — вздохнул сосед. — Но что поделаешь, таков обычай. Это, конечно, мешает работе. Всех нужно накормить и напоить...

Потом он вдруг рассмеялся и рассказал забавную историю. Она заслуживает внимания.

— Прошлым летом у нас в Сухуми стояла нестерпимая жара, и я решил провести отпуск у родственников, в маленьком высокогорном поселке Ахуце. Туда же прие-

хал из Очамчиры — районного центра — и мой приятель Джансух: когда-то мы вместе учились в школе.

Мы целыми днями бродили по лесу, наблюдая за жизнью зверей — белок и куниц, собирали виноград, инжир, кизил и лавровишню. В дуплах лип добывали мед. Мы наслаждались свежим горным воздухом, любовались хрустально-прозрачными ледниковыми источниками, водопадами.

И все-таки я и Джансух заскучали. На собственном опыте мы убедились в справедливости народной поговорки: «Человек может обойтись без всего, только не без людей».

— Знаешь что, — сказал мне как-то приятель, — давай спустимся к людям! Сегодня, я слышал, в селе Ашта кто-то умер, и туда, конечно, соберется народ, чтобы оплакать покойника.

В Абхазии люди живут, как известно, долго — сто, а то и полтора ста лет. Смерть человека — событие не только для родных и близких, но для каждого, кто узнал об этой смерти. Потому-то и собирается так много народу. Ритуал оплакивания и поминок напоминает своеобразное театральное представление, с обязательным участием всех присутствующих.

Джансух не раз участвовал в поминках. Я же, увы, не имел еще никакого представления об этом обряде.

— Народу соберется много, — уговаривал меня Джансух. — Посмотрим, с девушками познакомимся. Аштинские девушки славятся своей красотой...

И вот мы нарядились в старые черкески, которые одолжили у родственников, и торжественно отправились в Ашту. По дороге приятель спросил меня:

— А ты умеешь плакать?

— Как это так — плакать? Я больше привык смеяться.

— А я умею! — не без гордости заметил он и укоризненно посмотрел на меня.

— Чего не умею, того не умею, — признался я.

— Я спрашиваю тебя серьезно, — сказал он. — Ты умеешь оплакивать покойников?

— Нет, не умею. — Как же так? — удивился он.

— Да так. Никто из моих родных и близких не умирал, и мне некого было оплакивать...

— Все мои родные и друзья тоже живы, — возразил мне Джансук, — но я оплакивал покойников, о которых даже ничего не знал.

— Как же так? — недоумевал я. — Ведь это кощунство, оскорбительно и для живых и для мертвых?..

— Но так делают все, кто приходит на поминки, — возразил Джансук.

Я посмотрел на него и подумал: «Такое искусство не по мне. Здесь нужно быть артистом». Приятель как бы угадал мои мысли:

— Я научу тебя, как надо плакать. Внимание! — воскликнул он и жалобно завыл. Он принялся колотить себя в грудь и по голове и начал неистово выкрикивать какие-то скорбные слова, выражая тем самым свое горе.

На земле валялось сгнившее дерево. Джансук запричитал над ним, как над покойником:

— А... а... а! Я несчастный! Почему умер ты, а не я?! А... а... а!

Я был поражен тем, что видел и слышал. А он орал все громче. Голос его отдавался в лесу мощным эхом.

— А теперь надо поднять вот так руки. И даже еще выше! — И Джансук поднял к небу руки и пуще прежнего заревел: — А...а.. а..!

— Ну а теперь, — сказал он, — ударь вот так руками по голове. — И он безжалостно хлопнул себя по голове и снова воздел руки к небу.

И вдруг застыл на месте, растерянно уставившись глазами куда-то поверх меня. Я обернулся: по лесной тропинке шли двое — старик и старуха.

Приблизившись к нам, они учтиво спросили:

— Что случилось? Кто умер? — Они стали озираться по сторонам.

Мы растерялись. Сказать правду — значило оскорбить обычай, которого они придерживались.

Но Джансух нашелся.

— Умер наш дед, наш добрый, милый дедушка! А... а... а!.. — принялся он снова выть.

— Дед, говоришь? Чей? Какой дед? — допытывался старик.

— Да, дед. Хороший наш дед! — притворно вздохнул Джансух.

— Он умер? — обратился старик ко мне.

— Да, умер, — подтвердил я.

— У... у... у...мер? — переспросил старик и надрывно прокричал: — О... о... о!.. — Он сделал при этом такие большие и страшные глаза, словно это известие поразило его, как гром в ясный день. Затем он с силой воткнул в землю свою алабашу — палку с острым железным наконечником, повесил на нее башлык, поднял обе руки к небу и, ударяя себя по голове и груди, принялся оплакивать нашего деда...

Продельывая все это, он бросал укоризненные взгляды на свою старуху. Тогда завывала и она. Ее душераздирающий крик можно было бы, конечно, услышать и в

Ахуце и в Аште, если бы не окружавшая нас густая чаща леса. Старуха так старательно царапала себе лицо, что на ее щеках выступила кровь. И странное дело из глаз ее обильно текли настоящие слезы. Правильно говорит абхазская пословица: «Бывают слезы, которые обманывают не только других, но и того, кто плачет».

— А где он? — спросил меня старик.

— Он поехал в Ахуцу, — озорно ответил я.

— Как поехал?

— Так вот и поехал. Не сидеть же ему здесь с нами, — еще более усугубил я свою ошибку.

— Постой, постой, возьми себя в руки, не теряйся от горя, это тоже бывает, — многозначительно произнес старик и принялся успокаивать меня, решив, что я рехнулся. — Твой дед, говоришь, поехал в Ахуцу?

Тут меня выручил Джансух.

— Да нет, не дед, а этот, как его... посланец, — сказал он заплетающимся языком.

— А я спрашиваю про деда, — сказал старик, все еще стоя с поднятыми руками. — Где лежит ваш дед?

— В Очамчире, — твердо ответил Джансух.

— В О-чам-чи-ре? — произнес старик. — Дед в Очамчире, а вы оплакиваете его здесь, в лесу? — В прищуре его глаз мелькнула улыбка.

«Неужели догадался?» — с ужасом подумал я.

Но и здесь Джансух нашел что сказать:

— Нам и в лесу жалко деда.

Я облегченно вздохнул.

— Это похвально, — одобрил старик. — Сколько же лет было вашему деду?

— Сто двадцать три года, — бойко ответил Джансух.

— Рановато, конечно, он умер, — посочувствовал старик. — Но что поделаешь, сколько день ни длится, а все равно настанет ночь.

— Каждый рожденный обязательно умрет, — подтвердила старушка.

— Не надо так горевать, — утешал нас старик.

— Как же не горевать? — плаксивым голосом возразил Джансух. — Наш дедушка был таким добрым, таким хорошим. — Он осторожно толкнул меня в бок.

Я понял его. Воздев руки к небу, и шлепая себя ладонями по голове, я заревел:

— А... а... а... а, я несчастный!

— Мой брат очень любил деда и страшно горюет, — сказал, глядя на меня, Джансух.

Старик подошел ко мне и стал утешать. Из многих его добрых слов я запомнил следующее:

— Когда на тебя навалилась беда и ты сильно горюешь, вспомни, что ты умрешь. И тогда то, что раньше казалось тебе большим несчастьем, станет лишь маленькой, не заслуживающей внимания неприятностью. Так поступают умные люди. А те, кто не придерживается этого мудрого правила и дает волю своему сердцу, недолго живут на свете.

Когда старики в конце концов оставили нас, мы от души посмеялись.

— Ты прекрасно сыграл свою роль, — похвалил меня Джансух. — Теперь можешь участвовать и в настоящих поминках.

И вот мы подошли к дому умершего.

Большой и ровный двор, зеленым ковром раскинувшийся перед стоящим в глубине домиком на высо-

ких сваях, был полон народу. Люди стояли двумя рядами. Они внимательно смотрели на каждого «выступающего», взыскательно и придирчиво оценивая его искусство оплакивания. У калитки стоял столик, на который следовало положить шапку, а затем чинно пройти к дому умершего для свершения обряда оплакивания.

Я был подавлен торжественностью церемонии. Улучив момент, я шмыгнул в толпу. А Джансух пошел с кем-то в паре. Они благополучно проплакали весь путь от столика до покойника и вернулись обратно.

Приятель разыскал меня и стал корить:

— Напрасно ты прячешься. Смелее иди с кем-нибудь в паре.

Я отказался. Тогда Джансух сказал:

— Да пойми, что более удобного случая научиться этому обычаю тебе не найти. Здесь тебя никто не знает и никто не осудит.

Я пытался сослаться на то, что все, мол, уже проплакали и мне не с кем идти.

— Вы чего не идете в ашьапу? — обратился в это время к нам какой-то явно подвыпивший человек. — Вино чудесное!

— Да, я уже пробовал, — подтвердил знакомый Джансуха, стоявший рядом с нами. — Из Кутаиси привезли шестьдесят ведер прекрасной «Хванчкары». Молодец Астан!

— Астан был бы действительно молодцом, если бы больше думал о лечении больного дяди и меньше о вине, — перебил его другой голос. — Ведь у старика было воспаление легких. Врачи вылечили бы его. Астан бросил старика, занял у всех соседей деньги и отправился в

Кутаиси за вином. А ведь, когда он выезжал, старик был еще жив.

— Почему же вы не посоветовали ему лечить больного? — спросил Джансух.

— Советовали! Но Астан сказал: «Я опозорюсь, если соберутся плакальщики и не будет вина». И вместо того, чтобы спасти больного, он поехал за вином.

Из ашьяпы уже доносились пьяные голоса. — Ну, чего же вы не идете в ашьяпу? Идемте! — не отставал от нас подвыпивший человек. — Наш гость еще не плакал, — сказал Джансух, показывая на меня.

— Почему? — недоуменно спросил тот.

— Видите ли, — стал объяснять ему Джансух, — он только сегодня прилетел из Блабырхуа, пришел сюда с опозданием, все уже проплакали, и он остался один. Молод, неопытен еще, стесняется...

— Ну, это поправимо. Я сейчас найду ему напарника.

— Здесь все уже проплакали, — попылся остановить его Джансух. — Это не важно! Можно еще поплакать.

— Как так? — удивился Джансух. — Разве можно плакать несколько раз?

— Конечно, можно! — подтвердил знакомый Джансуха. — Можно «расчувствоваться» и поплакать второй раз. С хорошим приятелем можно пройтись — так сказать, за компанию — и в третий раз. А с дальним гостем не грех поплакать вместе пусть даже и в четвертый и в пятый раз.

В это самое время открылась калитка и вошел какой-то запыленный старик. По всему было видно, что он издалека.

— А вот и напарник! — сказал знакомый Джансуха. — Я его знаю. Это Махмед из Гудаутского района. Не пропустит ни одних поминок в любом конце Абхазии.

— Кто не знает Махмеда-болтуна?! — выкрикнул какой-то полупьяный. — Он как ворон: где поминки, там и он. Очень любит болтать за вином в ашьапе. Его так и прозвали Махмед-болтун.

— Но он бо-о-ольшой мастер! — откликнулся кто-то.

— Мастер? Чего? — заинтересовался я.

— Как чего? Плаксивания! — пояснили мне.

И вот я увидел, как новый гость подошел к столику, снял с головы башлык, положил его аккуратно на стол и стал готовиться к выступлению. А рядом с ним уже стоял наш полупьяный знакомый и что-то тихо говорил ему, показывая в сторону ашьапы, очевидно, о «Хванчкаре».

Джансук подтолкнул меня и зашептал:

— Это самый подходящий для тебя напарник: он устал с дороги и долго плакать не сможет. Иди с ним и делай все, что он будет делать. Не пропускай удобного случая.

«Эх, пропади все пропадом», — мысленно произнес я и решительно направился к столику. Сняв башлык, я стал рядом со стариком. «Вероятно, даже на эшафоте человеку легче, если он не один, а с кем-нибудь в паре», — подумал я в эту минуту.

К нам подошли два человека, так называемые «направляющие». Они стали позади нас, взяв каждого за талию, и повели вперед. Эти люди, как я узнал потом, трудились весь день: они указывали путь к покойнику.

Мы пошли, вернее сказать — выступили...

— А-а-а-а!! — с места взял мой напарник.

Я последовал его примеру и в тон ему завопил:

— А-а-а-а!!

Старик бил себя в грудь и в голову. Я делал то же. Мы медленно двигались меж рядами зрителей. Вдруг мой напарник чуть замедлил шаги и, посмотрев сквозь пальцы в сторону, бросил кому-то на ходу.

— Ты мне очень нужен. Подожди, я скоро вернусь! И мы двинулись дальше, подошли к домику на сваях, поднялись по лесенке на балкон. Нас направили в комнату, где лежал покойник.

Я стремительно копировал каждое слово и каждое движение моего напарника: ревел, бил себя в грудь и по голове...

Мы уже вдоволь наплакались, накричались, и я полагал, что можно уйти. Я стал сквозь растопыренные пальцы наблюдать за напарником, подошел поближе и хотел шепнуть: «Хватит, отец, пора отходить!» Но не тут-то было! Старик мой, расчувствовавшись, опустился вдруг на колени и стал целовать покойника, правда, через простыню, которой было закрыто его лицо. При этом он запричитал еще громче и бил себя еще неистовей. Что мне оставалось делать? Пришлось тоже опуститься на колени. Но целовать покойника я все-таки не стал. Признаюсь, мне не раз приходилось притворяться, но только в тот день я понял: легко скрывать ненависть, труднее — любовь и еще труднее — равнодушие.

Машинально, как это случается у актеров, я допустил «отсебятину», уткнулся головой в грудь покойника, стал перебирать его газыри и «зарыдал» еще безутешней... Этому помогло то, что я начинал уже злиться. Я злился на себя за то, что так легко поддался уговорам

Джансуха, злился на него за то, что он втравил меня в эту нелепую историю. Злился и на неутомимого моего напарника.

Плакальщицы, стоявшие вокруг покойника, все в черном, с распущенными волосами и расцарапанными до крови щеками, были очень растроганы моим «горем». И, как положено в таких случаях, принялись выражать мне свое сочувствие. Вскочив со своих мест, они начали кружиться вокруг меня и обнимать. Одна из женщин в экстазе ударила своей головой о мою голову с такой силой, что у меня из глаз посыпались искры. Я утешил себя тем, что моя голова этого заслужила. А плакальщицы всё кружились и кружились вокруг меня. Среди них были красивые молодые женщины. И это, скажу по секрету, несколько примирило меня с тем жалким положением, в каком я очутился. Такая карусель вокруг меня, как мне потом объяснили, была выражением особого почета, которого удостоиваются лишь лучшие плакальщики. У умершего, оказывается, не было более близких людей, нежели я и мой напарник. Вот почему окружающие с таким интересом следили за каждым нашим шагом.

Все шло, как я уже говорил, хорошо, но мой старик никак не унимался. И он держал меня как бы на привязи.

Наконец мы вышли из домика на балкон. Я облегченно вздохнул. Мы направились к столику у калитки. Но, пройдя по двору, мой напарник вдруг повернул налево. А я решил идти прямо к столику у калитки. И вдруг почувствовал на своих боках твердые руки направляющего: мне дали понять, что нельзя кончать игру без напарника. Пришлось последовать за ним.

Старик подошел к оседланному коню, привязанному к коновязи в углу двора. С хребта невзрачной лошаденки свисала большая попона с длинной бахромой. Я понял, что это конь умершего. Старик стал гладить седло и причитать над конем, оставшимся без хозяина. Я гладил седло с другой стороны... Я устал, обливался потом, но продолжал игру, ставшую для меня уже невыносимой. Будь поблизости другая калитка, я бы сбежал.

Оплакав коня, мы направились к заветному столику. О радость! Можно, оказывается, быть счастливым, ничем не наслаждаясь, а только перестав страдать.

Итак, церемония оплакивания окончена, и теперь моим единственным желанием было поскорее убраться отсюда.

— Очень доволен твоим дебютом! — сказал появившийся возле меня Джансух. — Но что это вы так долго не выходили из комнаты покойника?

— Репетировали следующую сцену, — ответил я с серьезным видом. И зло добавил: — Отойди! Не то я за себя не ручаюсь.

— Зря сердишься. Все прошло как нельзя лучше.

— Уйдем отсюда, — взмолился я.

— Никуда мы не пойдем, — отрезал Джансух.

— Как хочешь, — сказал я. — Можешь оставаться здесь, а я сейчас же уйду.

— Не глупи! — остановил меня Джансух. — Во-первых, нельзя уходить, не посидев в ашьапе: обязательно надо покушать и выпить. А во-вторых, ты теперь здесь в центре внимания. Многие спрашивали меня — кто ты? Я сказал, что ты любимый племянник умершего и что он был для тебя самым любимым дядей, что ты специально

прилетел сегодня на самолете из Блабырхуа... Смотри же не подведи!..

— Ты с ума сошел?!

— Пока еще нет, но сойду, — если ты сбежишь и разыграется скандал. Слушай, теперь к тебе начнут подходить и выражать соболезнование... Делай печальное лицо и чаще прикладывай платочек к глазам. А главное, молчи. Нет ничего лучше молчания. Это, друг мой, прекрасное правило, которым руководствуются умные люди. Я часто раскаивался в том, что говорил, но никогда не раскаивался в том, что молчал. Итак, молчи! В твоём положении — это спасение. Оглядевшись, я заметил, что все присутствующие и в самом деле смотрят на меня. Вокруг нас стали собираться люди. Сюда шел и мой напарник. Я в страхе подумал: «А что, если он начнет спрашивать меня об умершем? Что я скажу ему?»

Но тут случилось нечто непредвиденное. Во двор вбежал какой-то человек и закричал:

— Бригада по табаку! О чем вы думаете? Поднимите головы и посмотрите, какие надвигаются тучи...

Люди с разных концов двора опрометью бросились к калитке.

Мне бы, конечно, воспользоваться суматохой и скрыться.

Какой-то человек поднял руку.

— Уважаемые гости и хозяева! — произнес он громко. — Не взыщите с тех, кто оставил вас. Если дождь опередит нас — погибнет колхозный табак. Наш почтенный Сагяса всю свою долгую жизнь провел в труде и, как всем вам известно, не любил лодырей и вообще нердивых людей. Если бы Сагяса сейчас воскрес, он одо-

брил бы наш поступок и простил бы нас. Простите нас и вы! Не считайте наш уход неуважением к покойнику.

И человек быстро направился к калитке, чтобы догнать ушедших товарищей.

— Скажи, — по-заговорщицки тихо спросил меня старик напарник, — кого это мы с тобой оплакивали?

Вопрос ошеломил меня. И тут я решил прекратить недостойную игру.

— Не знаю, — пожав плечами, ответил я.

— Как не знаешь? — не понял старик. — О каком это Сагясе сейчас говорили?

Я повторил, что не знаю.

Старик был крайне озадачен.

Кто же здесь, в конце концов, умер? Не Кове Аайса, а какой-то Сагяса?

— Не знаю ни того, ни другого! — сказал я, чем поразил его еще больше.

— Может быть, ты меня не понял? — не отставал старик. — Ты хоть назови имя умершего: Аайса или Сагяса?

— Чего не знаю, того не знаю, — сказал я, разведя руками.

Старик сделал большие глаза.

— Если ты не знал никого из них, почему ты ревел так неистово? — спросил он.

— Потому что ты так ревел, — ответил я.

— Но ведь ты так усердствовал... А я лишь следовал твоему примеру, — сказал он.

— Моему примеру — вспыхнул я. — А кто из нас первым опустился на колени и даже начал целовать покойника? Не ты ли?!

— Это когда ты треснул себя по голове и стал ее беспощадно колотить. Тогда, милый мой, все решили, что ты кончаешь с собой. Даже женщины, как ты видел, сорвались со своих мест и стали тебя успокаивать.

Тут я понял, что переиграл.

— Я не мог колотить себя так же, как ты, — продолжал старик. — Поэтому я и опустился на колени...

— А зачем ты пошел оплакивать... коня? — напирал я на него. — Я ведь только повторял то, что делал ты.

Старик смерил меня презрительным взглядом и, махнув рукой, отошел.

Спустя минуту я увидел, как он неожиданно бросился в объятия какого-то человека и обрадовано воскликнул:

— О!.. О!.. О!.. Аайса, ты... жив?

— Ну да, конечно, жив. А что? — удивленно спросил тот.

— Понимаешь, я был на поминках в Члоу. Возвращаюсь оттуда, смотрю — и здесь идут поминки. Как же мне проехать мимо, не поплакав? А когда стал подходить к этой калитке, вспомнил: мне в Гудауте рассказывали, что ты был тяжело ранен на охоте...

— Это верно, — ответил тот, кого старик назвал Аайса. — Медведь помял меня здорово, но я уже поправился. И что же?

— Ведь ваши дворы рядом, и я спутал...

— Ах вот оно что! — догадался Аайса. — Ты решил, что умер я?

— Ну да. — Старик виновато склонил голову. — Я оплакивал тебя. Будешь, значит, теперь долго жить.

Все стали поздравлять Аайсу. Поздравил его и я.

— Ну пусть так, я ошибся и оплакивал тебя, Аайса, — сказал старик, посмотрев на меня. — Но интересно знать, кого так усердно оплакивал этот молодой человек? Он признался мне (мой бывший напарник обратился ко всем, кто нас окружал), что не знает ни Аайсы, ни того — умершего.

Я опустил отяжелевшую от стыда голову.

— И вот что удивительно, — он повысил голос, — я столько плакал на своем веку на поминках, как велит наш адат, а такого искреннего плакальщика, как этот, встречаю первый раз! Я всерьез сегодня боялся, что он расшибет себе голову.

Взгляды всех обратились ко мне. И я не выдержал.

— Да, я плакал действительно искренне, — произнес я твердо. — Плакал с досады, что так много фальшивого, нелепого и оскорбительного в этом старом ритуале поминок. Бросать надо все это! Давно пора!

Мои слова были подобны разорвавшейся бомбе. Все кругом пришло в движение, все заволновались... Одни порицали меня, обвиняли в кощунстве, другие горячо поддерживали, одобряли.

Ко мне подлетел Джансух.

— «Мавр сделал свое дело — мавр может уходить», — весело бросил он.

И мы ушли. Если несколько минут назад я был готов скрыться отсюда тайком, то теперь я уходил открыто, высоко подняв голову. Совесть моя была чиста. Я сказал то, что думал, что думают многие другие и — увы! — не говорят.

Мой спутник умолк. Его рассказ намного сократил нам дорогу от Гагры в Гудауту.

ШАРФ НАЗИРЫ

Лучезарная эта любовь возникла между Нури и самой красивой девушкой в колхозе — юной Назирой. Кто знает, в какое мгновение зародилось это чувство? Возможно, в ту самую минуту, когда они впервые увидели друг друга, а может быть, в тот день, когда Нури подарил Назире легкий, как пух, голубой шарф и заглянул в ее черные, окаймленные длинными ресницами глаза. Его пылкий взгляд засверкал каким-то особенным светом и вызвал ответные искры в прекрасных глазах Назиры.

Нури и Назира выделялись не только своей красотой. Оба они были трудолюбивы и искусны в работе. Нури возглавлял одну из лучших бригад по виноградарству, а Назира занималась цитрусами. Колхоз гордился обоими.

Влюбленными еще не было сказано последнее, решающее слово, однако люди, зная об их любви и желая им счастья, относились к ним как к жениху и невесте.

Но вот однажды в колхозе появилась русская девушка. Звали ее Ириной, и приехала она в солнечную

Абхазию с далекого Урала. Она приехала к своему дяде, столяру Никанору Ивановичу. Судьба забросила его в Абхазию уже давно, обосновался здесь и вскоре завоевал любовь и уважение абхазов своим добрым, благородным нравом и прославился как непревзойденный в этих краях мастер столярного дела.

Никанор Иванович обрадовался приезду племянницы. Он еще больше обрадовался, когда узнал, что она хочет здесь остаться.

— Там, на Урале, у меня родных нет, — сказала девушка. — Хочу остаться у тебя. Но я не привыкла сидеть сложа руки, поэтому и прошу — найди мне какую-нибудь работу.

В тот же день Никанор Иванович повел Ирину в правление колхоза. Там ее встретили с искренним радушием.

— Колхоз наш большой и богатый, — сказал ей председатель. — Дел много. Рабочие руки нам нужны.

Он посмотрел на ее руки.

— Мы выращиваем чай, цитрусы, виноград, кукурузу. Есть у нас плантации табака, цветов, тунга... Во всем районе славятся наши фермы: животноводческая, конеферма, птицеферма... Где хочешь работать?

— На любом участке! — весело ответила девушка. Председатель одобрительно улыбнулся и задумался.

— А что если направить ее в бригаду Сельмы? — подсказал ему счетовод. — Они в последнее время очень отстают.

— Пожалуй, так, — согласился председатель и обратился к Ирине, — Пошлем тебя в самую отстающую женскую бригаду. Их участок сейчас в большом прорыве.

Вот и помоги. — И добродушно добавил: — Мне нравится твой задор, девушка. Если тебе удастся заразить им свою бригаду, то я уверен, она добьется успеха, и все мы будем тебе благодарны.

Ирина приступила к работе. Она и в самом деле оказалась энергичной и настойчивой. Ее быстрые пальчики научились так проворно обирать чайный куст, что можно было подумать, будто она всю жизнь занималась этой работой. Вскоре отстававшая раньше бригада стала подтягиваться.

Да, дело у Ирины спорилось, и окружающие не могли ею налюбоваться. Она казалась красавицей Гундой из абхазской легенды или Снегурочкой из русской сказки. Синие глаза северянки отражали небо, а длинные, густые, золотистые волосы казались сотканными из солнечных лучей...

Она нравилась юношам колхоза, и каждый из них был бы счастлив назвать ее своей женой. Но лишь один из них тревожил ее сердце. Это был... Нури. Ирина пыталась побороть нахлынувшее на нее чувство, но ведь сердцу не прикажешь. Оно неистово бьется, когда Нури подходит к ней, и томится, когда она долго его не видит... Вскоре и Нури стал засматриваться на синеокую Снегурочку с золотыми волосами. Он думал: «Ни с каким золотом их нельзя сравнить...» И работала она так, что залюбуешься.

Охватившая Нури страсть к этой девушке все усиливалась. И бедняжка Назира вскоре поняла, что синеокая русская девушка отняла у нее сердце Нури. К Назире неожиданно пришло первое горе. Его нельзя было скрыть

от посторонних глаз, особенно от близких подружек. И как-то раз одна из них, совсем еще молоденькая Куейза, сказала ей:

— Так, значит, правду говорит народная пословица, которую часто повторяет мой дедушка: «Судьба никому не приносит счастья, не отняв его у другого».

Глаза Назиры наполнились слезами, она прошептала:

— Да, это правда... — и, чтобы скрыть слезы, закрыла лицо голубым шарфом подаренным ей Нури.

О, она верила, что любовь приносит людям счастье, а на деле выходит, что убивает своей жестокостью! Она думала, что на измену способны лишь самые недостойные люди. И что же? Страдания принес ей самый близкий, самый родной человек! Чем ответил Нури на ее любовь и преданность? Он опозорил ее! Да, да! Нет больше позора для девушки, чем оказаться покинутой.

...Этой ночью она заливалась слезами и все звала: «Нури! Милый, любимый! Где ты? Неужели со своей си-неокой Снегурочкой?..» Потом замолкла. Казалось, она выплакала все слезы, отпущенные ей природой. В тоске она вышла из дому. Уже светало. Она решила направиться к протекавшей неподалеку реке. Девушка миновала узкую тропинку и, выйдя на лужайку, замерла: там, обнявшись, спали крепким сном ее Нури и Ирина.

Не помня себя, она подошла ближе и склонилась над ними. Спящие не пошевелились. Противоречивые чувства терзали сердце Назиры. Она смотрела на свою соперницу и, словно загипнотизированная, не могла отвести взгляда от ее золотых волос, разметававшихся по земле.

И тогда ей на ум пришла легенда «Ажвейпшаа». И Назира сказала себе: «Я должна поступить так же!»

Девушка сняла со своей головы голубой шарф, который подарил ей Нури, и, осторожно склонившись над спящей Ириной, обвязала им ее волосы.

Она не разбудила тех, кто отнял у нее веру в счастье, нет! Их разбудило солнце, щебетанье птиц и шорохи просыпающегося леса.

Ирина хотела подобрать свои тяжелые волосы. Она нащупала шарф Назиры и спросонья не поняла, чего коснулись ее пальцы.

— Нури! Нури! Посмотри! Откуда взялся этот шарф? Сон отлетел от него.

— Шарф Назиры! Это я подарил его ей.

— Ты?

— Да. Ты знаешь... она была... моей... невестой.

Ирина вскочила. Вскочил и Нури. Взгляды их встретились. Секунду-другую, они неотрывно смотрели друг другу в глаза, потом, не выдержав, долго стояли потупившись...

Вернувшись домой, Ирина принялась укладывать свой чемодан. Сердце ее тревожно билось. Она думала: «Уж лучше бы Назира набросилась на меня, избилась. Мне было бы тогда легче, чем сейчас. На благородство нужно ответить благородством. Я найду в себе силы, чтобы вернуть ей ее любовь».

Она уехала на Урал.

...Шло время. Не раз сердце девушки сжималось от тоски, не раз ею овладевало желание вернуться. Но стоило ей взглянуть на голубой шарф Назиры — и она слышала голос своей совести: «Нельзя строить свое счастье на несчастье другого».

САМШИТОВАЯ ПАЛОЧКА

Тому, кто бывает надолго оторван от родных мест, хорошо знакомо чувство особого волнения, когда снова возвращаешься к ним.

Не так давно я испытал такое чувство в поезде, приближавшем меня к родной Абхазии. Глядя из окна вагона на раскинувшееся внизу море, всматриваясь в снежные вершины гор, сверкающие в лучах солнца, восхищаясь сказочным великолепием пышной субтропической флоры там, где раньше расстилались болота, я невольно задумался о прошлом моего родного края и предвкушал радость встречи с близкими и друзьями.

Приехав в Сухуми и сняв номер в гостинице «Абхазия», я наскоро переоделся и с радостным чувством отправился бродить по городу, как-то по-новому воспринимая все, что видел здесь прежде. Мое внимание привлекла многолюдная толпа перед ярко освещенным новым зданием летнего театра Абхазской государственной филармонии. Я узнал, что сегодня здесь состоится концерт в ознаменование 150-летия со дня рождения

композитора Шумана, праздновавшегося по всей стране, и решил побывать на этом концерте.

Просторный зал был переполнен. Симфонический оркестр в составе шестидесяти музыкантов занял всю сцену. После вступительного слова музыковеда — чернобровой абхазской девушки, рассказавшей о жизни и творчестве великого композитора, на сцене появился дирижер. Его встретили шумными аплодисментами, долго не смолкавшими и после того, как он взял с пюпитра свою дирижерскую палочку. Он был совсем молод, этот дирижер. Его стройную юношескую фигуру ловко облегал черный фрак. Он сразу располагал к себе одухотворенным смуглым лицом с сияющими черными глазами. Мне показалось, что я где-то видел его раньше.

Молодой дирижер вел оркестр мастерски, обнаруживая тонкое толкование музыки и талантливую нюансировку, а я напряженно старался припомнить, где и когда встречался с ним.

Оркестр смолк. Снова раздались аплодисменты. Когда дирижер повернулся лицом к публике, чтобы раскланяться, я наконец вспомнил... Передо мной всплыло другое лицо — лицо человека, которого я хорошо знал и посещал всякий раз, приезжая в Сухуми. Это был венгр по национальности — Константин Ковач, собиратель абхазского музыкального фольклора, энтузиаст, записавший на ноты более двухсот народных мелодий. Его имя неразрывно связано с искусством моего народа.

Навестив Ковача в последний раз, я застал у него художавого мальчика с живыми черными глазами. При моем появлении он тотчас же хотел уйти, но хозяин, остановив его, сказал:

— Познакомьтесь, этот мальчик — мой юный дружок Нури. Еще в позапрошлом году он пас овец за Рицей, потом был в детдоме, а теперь учится в музыкальной школе и мечтает посвятить себя музыке. Мальчик весьма одаренный!..

— На каком инструменте ты учишься играть, Нури? — спросил я.

— Пока на скрипке...

— О-о! — громко рассмеявшись, воскликнул Ковач. — Вы еще не знаете, как далеко заходят его мечты! — И привел известный афоризм: «Далеко ходят корабли афинян, а еще дальше их мысли».

Ковач продолжал:

— Когда я встретился с Нури в первый раз, он сразу же заявил, что хочет научиться играть решительно на всех инструментах для того, чтобы, как он сказал, махать палочкой, стоя перед музыкантами...

Я сдержанно улыбнулся:

— Значит, ты хочешь стать дирижером?

Нури, смутившись, помолчал, а потом негромко ответил:

— Мечтаю...

С тем мы и расстались.

...Вспомнив все это, во время антракта я прошел за кулисы и, найдя молодого дирижера, спросил его:

— Вас зовут Нури, не так ли?

— Да, — сказал он, пожав мою руку. — Я Нури Дженя. Я сразу узнал вас, увидев в первом ряду: нас много лет тому назад познакомил Ковач — мой первый учитель.

Он пригласил меня отужинать с ним после концерта у него дома.

Перед тем как сесть за стол, Нури бережно провел фланелью по дирижерской палочке и положил ее на этажерку. Я обратил внимание на то, что она немного длиннее обычных дирижерских палочек, и сказал ему об этом.

— Вы правы, — ответил он, улыбаясь, — она действительно чуть подлиннее. Ее выстругал мой дед-пастух, и я оставил ее такой, какой она была. — И добавил: — Эта самшитовая палочка сыграла большую роль в моей судьбе.

Вот что за ужином он рассказал о себе...

Родился Нури в высокогорном селе, неподалеку от красивейшего в Абхазии и на всем Кавказе озера Рица. Словно в венке цветов, искрится под солнцем его зеркальная поверхность, отражая заснеженные вершушки гор и обступивших берега величественных пихт.

Мальчик рано лишился родителей. Старый пастух Харун Джения взял к себе в подпаски осиротевшего внука. Харун славился по всей округе своими незатейливыми песнями и искусной игрой на ачарпане — пастушеской свирели. Сидя на пне у шалаша, он умудрялся одним уголком губ наигрывать на ачарпане мелодию, а другим петь, внятно произнося слова песни. Говорят, что такое диковинное искусство переходит к умельцам из поколения в поколение.

Много песен знал старый Харун, но одну из них он любил больше всех других и часто исполнял ее. Это была песня об озере Рица. Нури хорошо запомнил эту песню:

Было когда-то селенье в горах
С чудо-поляной в душистых цветах.
Радостной жизнью жил здесь народ,
Солнцем сверкал голубой небосвод.
Годы летели, как белые сны.
Счастьем крылатым сияла Апсны...
Вдруг с перевалов ворвались враги,
Все погубили, срубили, сожгли,
В злобе своей растоптали цветы,
Юных влюбленных разбили мечты.
Все здесь смешалось... И в грохоте гор
Чудо-поляна исчезла с тех пор,
В черный провал опустилась на дно,
Лицею-озером стала давно.

Маленькому Нури пришлось по сердцу и песня «Ауаса-рхюга», что в переводе с абхазского буквально означает: «Вызывающая аппетит у баранов». Удивительное дело! Здешные пастухи утверждают, что эта песня гипнотически действует на овец. При ее звуках совсем было засыпающая отара поднимается и снова начинает пастись. Овцы щиплют траву с таким аппетитом, будто сутки не ели...

Видя, что внук полюбил ачарпан, Харун вырезал из горного тростника для мальчика маленькую свирель, и теперь подпасок сам научился песней «Ауаса-рхюга» поднимать отдыхающее стадо. Но, насвистывая будоражащую овец мелодию, Нури меньше всего помышлял о пользе для стада. Он делал это для собственной забавы. А еще ему нравилось устраивать «бараний бой», натравливать одного круторогого барана на другого.

Часто такие проказы заканчивались тем, что, услышав шум и кутерьму, дед прибегал разнимать ожесточенно дравшихся баранов и задавал внуку изрядную взбучку.

— Нет, нет, — твердил старик, — вижу я, что из тебя никогда не выйдет настоящего пастуха!

Старик дружил с другими пастухами. Часто они усаживались у костра и, выставив дозор против медведей и волков, вели длинные беседы.

Немало интересных рассказов слышал от них маленький Нури, но один из них, услышанный из уст деда, особенно запал в его душу и затем сыграл в его жизни немаловажную роль.

Как-то — это случилось за несколько лет до революции — в шалаш к старому Харуну вбежал незнакомый юноша и воскликнул:

— За мной гонятся стражники. Спрячь меня, если в тебе жив аламыс!

В углу стояла большая бочка, приготовленная для кизилового кваса. Старик велел юноше присесть на корточки и опрокинул на него бочку вверх дном. Не прошло и минуты, как в шалаш вбежали стражники.

— Ты не видел молодого беглеца? — спросил один из них.

Старик шагнул за порог и спокойно ответил:

— Видел. Он пробежал здесь и скрылся вон за той скалой!

Стражники, торопясь, направились туда. Когда они ушли достаточно далеко, юноша сбросил бочку и, поблагодарив старика, исчез.

Уже после того, как власть перешла в руки народа, пастух узнал, что спасенный им юноша — его звали Чанагв — возглавил правительство Северной Абхазии.

И вторая их встреча произошла в горах. Однажды утром, когда Харун сидел в кругу друзей и беседовал с ними, перед ним неожиданно вновь появился Чанагв.

— Узнаешь меня, дорогой дед? — спросил он пастуха.

Пытливо всматривался Харун в лицо гостя, подняв ладонь над глазами, и, наконец, обрадовано сказал:

— Добро пожаловать, дад! — А затем, лукаво улыбаясь, с деланой озабоченностью спросил:

— А что, может, снова надо прятать тебя?

— Нет, Харун! — ответил, рассмеявшись, Чанагв. — Теперь власть наша, народная. Прятаться нам не от кого... А это тебе на память за то, что выручил... — И он протянул Харуну сверток с буркой, сапогами, папахой и охотничьим ружьем.

Харун поблагодарил гостя, пригласил его сесть у костра.

Чанагв с живым интересом вступил в беседу, которую вели пастухи, ответил на их вопросы о советской власти, о Ленине, а затем сказал Харуну:

— Знаешь, что я думаю? Тебе уже сто семнадцать лет, говоришь... Не пора ли на отдых? Получишь пенсию за свой долгий труд. Согласен?

— Зачем же торопиться с отдыхом? — встревожено спросил Харун.

— Как хочешь... Посмотри...

Чанагв пригласил старика в Сухум, к себе в гости.

— Это интересно! — подумав, молвил Харун. — Попробовать разве и в городе пожить. Никогда там и не ночевал. Он добрался до Сухума и поселился у Чанагва. Вскоре, однако, старику прискучило безделье, и он стал просить какой-нибудь работы, объяснив, что без дела больше устает.

— Ты слышал, дад, нашу старую пословицу? — спросил Харун. — Когда дятел не долбит дерево, у него болит голова. Так и я: когда не работаю, голова словно трещит. Не могу жить, ничего не делая!

— Ладно, — сказал Чанагв. — Я помогу тебе. Но сначала сам походи по городу, присмотришься, чем здесь занимаются люди, сам попробуй найти себе дело по сердцу. А уж пристроить тебя туда — моя забота.

В тот же день старик до заката бродил по городу, приглядываясь к людям и заговаривая с ними. Но ни в этот, ни в следующие дни он не нашел себе работы по плечу. Всюду что-то надо было знать: сапожничать, малярничать, шить, а то и просто читать и писать... Харун совсем было приуныл, решив, что ни к какому городскому занятию так и не сможет приспособиться.

На четвертый день вечером, возвращаясь домой, он услышал музыку и, подойдя к бульвару, увидел там множество музыкантов, сидевших рядом и игравших на разных инструментах. Перед ними на возвышении, спиной к публике, стоял высокий военный и махал белой палочкой в такт музыке. Восхищенный старик, прослушав вальс, сказал себе: «Вот еще какая работа есть! Наконец-то я нашел то, что нужно. Махать палочкой я сумею наверняка...»

Он сразу определил, что палочка эта из кизилового дерева. «Не годится! — сказал он сам себе. — Палочку я выстругаю лучше — из самшита...»

Зайдя к старику утром, Чанагв увидел, как тот сосредоточенно выстругивает какую-то палочку. Он улыбнулся.

— Я вижу, дорогой Харун, что ты наконец нашел себе работу.

— Да, сынок, — восторгался старик, — теперь дело только за тобой. Ведь ты обещал пристроить меня... — И он рассказал о том, что видел и слышал вчера на бульваре.

Немало пришлось Чанагву потратить сил и времени, чтобы убедить старика, как сложны обязанности дирижера.

— Ни тебе, ни мне не осилить такой работы, — заключил Чанагв.

Окончательно разочаровавшись в городе, старик снова вернулся в горы, прихватив с собой самшитовую палочку.

— Так закончилась моя городская жизнь! — заключил Харун свой рассказ, как всегда, вызывая смех у слушателей. Не смеялся только он один, погрузившись в грустные размышления. — Да, — продолжал он, помолчав, — того человека, что размахивал палочкой, наверно, учили музыке и игре на всех инструментах. А кто мог научить меня?..

Нури слушал деда, затаив дыхание. Его воображению представлялись люди, игравшие на разных инструментах, и над ними — человек, командовавший с помощью палочки всеми музыкантами.

Когда Харун брался за свой ачарпан, маленький Нури вставал перед ним и вторил ему, размахивая самшитовой палочкой перед самым носом деда.

Прошли годы и настал день, когда Харун, прожив больше ста двадцати лет, однажды заснул и не проснулся. Нури остался один-одинешенек на всем свете. Рассказы старика продолжали занимать его воображение. Однажды, захватив с собой узелок со своими немудреными вещичками и оставшейся в наследство от деда самшитовой палочкой, он спустился с гор в Сухум.

Нури Джения отпил глоток вина и продолжил:

— В Сухуме я попал в детский дом. Воспитатели заметили мое тяготение к музыке и решили проверить, есть ли у меня музыкальные способности. Вскоре на городском бульваре мы впервые встретились с Ковачом. Наверно, его внимание привлек мальчишка, который восхищенно глядел на музыкантов, на дирижера, казавшегося ему сказочным повелителем музыки... Новый знакомый заставил меня разговориться, а на другой день пришел в детский дом и переговорил обо мне с воспитателями. Я сыграл ему на ачарпане и спел любимую песенку деда об озере Рица. А когда он похвалил меня, я, осмелев, показал ему выструганную дедом самшитовую палочку. Ковач сказал, что поможет мне поступить в музыкальную школу, позвал меня к себе домой. Вот тогда-то мы с вами познакомились.

— И вы признались тогда, — перебил я его, — что мечтаете стать дирижером.

— Да, моя мечта сбылась...

Мы помолчали. Мой взгляд невольно обратился к самшитовой палочке, оставленной старым пастухом своему внуку. Эта простая деревянная, совсем не волшебная, палочка принесла внуку пастуха счастье.

ХЛЕБ-СОЛЬ

С некоторых пор Давиду стал попадаться на глаза небольшого роста толстенький человек, не имевший никакого отношения к стройке. Незнакомец вежливо ему кланялся, заискивающе улыбался, всячески выказывал свое уважение молодому начальнику строительства. Инженер сначала делал вид, что не замечает его, потом из почтения к возрасту человека, который был далеко не молод, стал отвечать ему на приветствия. Давид заметил, что человек этот живет недалеко в маленьком скромном домике, окруженном садом. «Сосед, интересуется», — подумал инженер и перестал считать его посторонним.

Однажды толстячок подошел к Давиду, когда тот наблюдал за разгрузкой цемента.

— Скажите, что здесь строится?.. Простите, я не помешал вам?

— Ничего, ничего, — пробормотал Давид, продолжая считать в уме бумажные кули с цементом. Когда попадался рваный мешок, инженер морщился, словно у него болел зуб. Покончив со счетом, он сказал:

— Здесь будет большой санаторий со всем комплексом лечебных и хозяйственных зданий.

— Меня зовут Силованом. Вас я уже знаю. Очень приятно, знаете, такой молодой — и уже начальник большого строительства. Давайте познакомимся поближе... Мы ведь соседи. Мой дом рядом. Заходите, буду очень рад. Отдохнете в саду. Вы весь день на ногах...

— Спасибо, но, извините, я очень занят... Потом как-нибудь.

— «Потом» и «как-нибудь» — это значит никогда, — не отставал Силован.

У Давида не было ни времени, ни желания заходить к незнакомому человеку, и потому он, сославшись на занятость, ушел в свою конторку. Но Силован не отставал. При каждой встрече он, уже не стесняясь, настойчиво приглашал Давида.

— Вы же обещали. Моя семья вас ждет. Пожалуйста, прошу, осчастливьте мой дом, — приставал Силован.

Чтобы отвязаться, Давид обещал зайти в ближайшее воскресенье. Силован принял его с большим радушием и представил жену и дочь, совсем еще юную, довольно привлекательную девушку. В саду под тенистой шелковицей, как по волшебству, появился стол, а на нем сациви, мамалыга с сыром, вино, графинчик с коньяком. Вопреки ожиданиям Давида, обед прошел очень непринужденно, даже весело. Силован и его жена оказались хлебосольными и неназойливыми людьми, а их дочь — премилой и стеснительной. Словом, Давид уходил от них без сожаления о потраченном времени.

— Большое спасибо за то, что не переступил нашу хлеб-соль, — говорил Силован, провожая Давида. — Те-

перь ты знаешь дорогу к нам. Приходи запросто, когда позволит время.

С этого дня Силован стал появляться на стройке чаще, чем прежде. Он радостно подбегал к Давиду, тряс ему руку, передавал привет от жены и, особенно, от дочери, приглашал снова посетить его дом, — словом, вел себя как закадычный друг. Давиду хотя и претила навязчивость Силована, но он относился к этому терпимо. «Пожилой человек, что с него возьмешь», — думал инженер. Но временами, когда Силован был особенно назойлив, Давид ловил себя на том, что ему не хочется видеть толстяка. Тогда он еле воздерживался от резких слов, стараясь, хотя бы внешне, оставаться любезным.

Как-то раз, когда Давид был особенно занят и работал в своей конторке, перед ним появилась круглая лоснящаяся физиономия Силована.

— Прости меня, дорогой Давид, но у меня к тебе важное дело...

Давид поднял голову. По его лицу пробежала тень досады. Он отер пот со лба и повесил платок на мокрую шею. Густые брови его вопросительно изогнулись.

— Знаешь, дорогой, я решил для моей девочки построить дом. Красивый дом, чтобы издали видно было. Моя Цицино достойна такого дома, не так ли?

— А зачем ей отдельный дом? — машинально спросил Давид.

— Будет дом, женихи сразу найдутся, — быстро сказал Силован. — А почему бы тебе самому не стать моим зятем и обладателем большого красивого дома? — И он фамильярно толкнул локтем Давида в бок.

Давид смутился. В нем все больше закипала досада. Но он вспомнил «хлеб-соль» и сдержался. А Силован, ничуть не смущаясь, продолжал:

— Гравия и песка я привезу сколько угодно — море, вот оно, рядом, а цемента, леса и шифера у меня нет.

— Совсем, как в пословице, — улыбнулся Давид.

— В какой?

— Для свадьбы все было готово, за исключением согласия невесты... Как же вы затеваете строить дом, не имея строительных материалов?

— На тебя надеюсь, — сказал Силован, доверительно склонившись к уху инженера.

— На меня?..

— У тебя здесь столько стройматериалов, что целый город можно построить.

Только теперь понял Давид какой липкой паутиной опутывает его Силован.

— Материалы эти не мои, а государственные...

— Мне совсем немного надо, мелочь. Никто и не заметит, а государство не обеднеет... Сделай это, как друга прошу, мы ведь с тобой хлеб-соль вместе делили. Давид передернуло. Он едва удержался, чтобы не вытолкать Силована в шею. «Ну, хорошо же, я тебе покажу», — со злостью подумал инженер, а вслух сказал:

— Сейчас я очень занят. Приходите ко мне завтра в это время, я постараюсь что-нибудь сделать.

— Вот хорошо! — обрадовался Силован. — Значит, завтра? Это точно?

— Совершенно точно, а теперь извините, мне некогда...

Всю ночь Силован и его жена мечтали вслух о том, как сам начальник строительства женится на их дочери,

поселится в новом красивом доме и как им будут завидовать все соседи.

— Представляешь, дом наших детей будет виден и с моря и с шоссе, кто ни посмотрит, скажет: здесь, должно быть, живут счастливые люди. А рядом — санаторий... Курортников пускать будем, — мечтал Силован.

— Да, хорошее приданое подготовим мы своей девочке, — поддакивала дородная супруга.

На другой день Силован в назначенное время появился в конторке. Давид встретил его приветливо.

— Ну что ж, пойдемте! — И он повел Силована в ресторан.

— Здесь нам никто не помешает, — сказал он. — Присаживайтесь. Отдохнем, позавтракаем, потом обо всем поговорим. Не возражаете?

— Ну, что вы, конечно, не возражаю! — воскликнул Силован, знавший толк в таких застольных беседах. Давид подозвал официанта, и тот почтительно стал записывать в маленький блокнотик заказ: сациви, мамалыгу с сыром, вино, графинчик коньяка, салат. В этом деле Силован знал толк и стал есть с большим аппетитом.

Когда обед был съеден, а вино выпито, пришла пора говорить о деле. Силован мысленно подсчитывал, сколько попросить цемента, леса, шифера, а Давид мучительно думал о том, как начать неприятный разговор.

— Нравишься ты мне, Давид. Люблю людей, уважающих хлеб-соль. С удовольствием назвал бы тебя своим зятем, — сказал Силован, откидываясь на спинку стула и блаженно поглаживая объемистое брюхо.

Давид рассмеялся.

— Что смеешься, не веришь? Ты лучше скажи, когда дашь строительные материалы?

— Я уже дал вам их. — В глазах Давида плясали искорки смеха.

— Когда, где? — Силован озадаченно вытаращил глаза.

— А вот! — Давид невозмутимо начал переставлять пустые тарелки, стаканы, бутылки. — Это вот лес, это — цемент, это — арматурное железо, а вот это — шифер. А все вместе — мой ответ на вашу хлеб-соль. Видите, я умею ценить наш добрый старый обычай хлебосољства. А что касается строительных материалов, то... — Взгляд Давида стал жестким. — Если вы еще хоть раз заикнетесь мне о них, я вышвырну вас со стройки и прикажу не подпускать на пушечный выстрел. Поняли?

Силован тяжело поднялся и медленно поплелся домой.

ЗА ЧАШКОЙ КОФЕ

В Сухуми на набережной, неподалеку от морского вокзала, в тенистом дворике приютилось небольшое кафе.

Над ним нет ни крыши, ни полотняного тента. Но зато широкие веера пальмовых листьев и ветви цветущих олеандров спасают посетителей от палящих лучей южного солнца, а порой и укрывают от морящего дождя.

Здесь не найти обычных для такого рода заведений столов с белыми скатертями. Не видно и услужливых официанток в накрахмаленных фартуках и резных чепчиках на головах. Никогда вы не услышите здесь грохота джаза и охрипших голосов певцов. Даже радио не будет мешать вам, как ни навязчиво оно на Приморском бульваре.

Удивительно, но в этом неприметном кафе всегда полным-полно народа. Его посетители — большей частью люди с сединой, с морщинистыми лицами, свидетельствующими, что они много перевидали на своем веку. И они очень любят это уютное местечко. Их не отпугивают колченогие столики и старые, подчас про-

давленные стулья. А все это — ради одной чашечки удивительно ароматного кофе. Все знают, что этот напиток готовит самый лучший кофевар Сухуми — черноглазый, уже немолодой армянин Акоп, человек с большой душой. Попросите у него вторую чашечку его изумительного кофе, он низко склонит голову и мягко скажет:

— Не можно, понимать надо. Дохтур говорит: один чашка полезна, а два — уже вредна. Нельзя!

Но это не обижает посетителей. Они покорно соглашаются с Акопом. И ради одной крохотной чашечки кофе люди готовы сидеть в этом приглянувшемся им кафе целый день. Разве что обеденное время заставит кое-кого вернуться домой. Однако потом многие опять придут к радушному Акопу.

По просьбе одного из сидевших за нашим столиком, Акоп подсел к нам и рассказал второпях историю кофе. Она занимательна.

Оказывается, все началось с... козы! Бесчисленные любители кофе со всех пяти континентов должны быть благодарны той легендарной абиссинской козе, которая тысячу лет назад первой из живых существ испытала на себе великолепное действие кофе. Правда, это животное из легенды употребляло кофе отнюдь не в виде ароматного напитка. Дело обстояло гораздо проще. Коза просто обгладывала кофейный кустарник. Но по ее сверхъестественным прыжкам люди догадались о чудесных свойствах этого растения. «Кахва», то есть «возбуждающий», — так называли они черный душистый эликсир, прогоняющий сон и усталость.

В 1554 году в Константинополе была открыта первая в мире кофейня. А спустя почти сто лет, в 1652 году,

некая гречанка открыла в Лондоне вторую кофейню. Вместе с кофе появились на свет и первые представители шумного племени завсегдатаев кафе.

В кафе Акопа все давным-давно знают друг друга, все друг с другом старые приятели. Но, что всего удивительнее, рассказы здесь не переводятся. И всегда они новые, занимательные и льются один за другим, словно морские бурливые волны.

Бывает и так, что под вечер продолжается разговор, начатый еще при золотом утреннем солнце.

Как ни странно, очень любили старики поговорить и о спорте, и, надо сказать, были тут знатоки баскетбола, шахмат и, конечно, футбола. Самый заядлый болельщик мог не огорчиться, что пропустил последнюю спортивную радиопередачу. Здесь, у почти достигших столетнего возраста пенсионеров, он мог услышать самые последние новости!

Часто встречал я в этом кафе очень интересных рассказчиков. Признаюсь, в каждый свой приезд в Сухуми не могу удержаться, чтобы не заглянуть сюда. Я люблю это кафе не только за неповторимый ароматный кофе. Ведь как приятно посидеть в кругу таких собеседников и услышать что-нибудь интересное.

Знакомство или представление в этом обществе вовсе не обязательны. Смело присаживайтесь к любому столику, за которым уже сидят тесным кругом любители кофе, конечно, если вам посчастливилось и оказался свободный стул. Сразу же просите Акопа подать чашечку кофе. После того как ваши новые соседи подтвердят, что вы еще не пили, Акоп вам не откажет. И тут-то вы сразу включаетесь в общую беседу.

В недавний свой приезд в Сухуми я вновь посетил это кафе и очутился за столиком среди вековых старцев, все еще удивительно бодрых и стройных, одетых в красочные абхазские черкески. В те дни в Сухуми проходил республиканский фестиваль самодеятельности, и эти мои соседи оказались участниками хора стариков. Разговор зашел о прошлом.

— Много мы прожили, но только сейчас узнали, что такое жизнь! — сказал столетилетний Кавью Аайса, руководитель хора. — Какие дела творятся у нас в Абхазии! — продолжал он, вынимая из-за пояса газету. — В человеке теперь ценятся не фамилия, не связи или положение, а только его собственные качества. Вот, например, что я прочел в газете: заведующего птицефермой ругают за плохую работу, а маленькая простая птичница получила от правительства высокую награду.

— Прежде правительство мы и в глаза не видели ни разу, а если и приезжал кто из чиновников, то только для того, чтобы вконец разорить или увести в тюрьму, — поддержал столетний Шоудыд, солист и запевала хора.

— Э-эх, пожить бы в этой новой жизни еще сотенку лет! — воскликнул постановщик танцев Шоуа Сарлып и, вдруг о чем-то вспомнив, обратился к солисту: — А ты, дад, вчера сплоховал с танцем медведя. Как это у тебя получилось?

— Пора, пошли на репетицию! — прервал его руководитель хора, взглянув на часы. — Сегодня снова концерт.

Старики расплатились за кофе и, по-молодецки одернув черкески, направились в сторону театра.

За соседним столиком другая компания окружила какого-то досужего рассказчика. Прислушаюсь-ка к нему! Право, это кафе — неиссякаемый источник всяческих занятных историй!..

ДИК

Однажды, когда я с друзьями устроился за столиком в кафе, к нам подошел мужчина с крупной и статной восточноевропейской овчаркой в наморднике. Шею и широкую грудь собаки украшали медали.

— Здравствуй, Анастас! — приветствовал его один из моих соседей по столику. — Говорят, твоя собака получила первый приз. Поздравляю! Присаживайся к нам.

— Спасибо, спасибо! — ответил тот, кого называли Анастасом, и с улыбкой погладил призера по холке. — Да, Дик не подвел меня...

— Вы, наверно, не знаете, как эта собака предана своему хозяину, — повернувшись ко мне, сказал мой сосед. — Анастас! — обратился он к пришельцу. — Расскажи, пожалуйста, историю своего Дика. Ведь о ней здесь почти никто не знает.

Мы все наперебой стали упрашивать Анастаса, и он согласился рассказать о своем четвероногом друге. Вот что мы узнали из его рассказа.

В горной Абхазии, в одной из глубоких котловин, затерялся крохотный поселок Ахуца, считающийся

окраиной большого села Амзара. С этим селом и со всей страной его связывала одна-единственная козья тропа. Она вилась узкой лентой у подножья отвесных скал, как бы врезаясь в них. Вид с этой тропинки на зияющую бездну захватывал дух. А в зимние месяцы тропу заносило глубоким снегом.

Вместе с абхазами в Ахуце издавна жили греки. Жили в горном поселке дружно и выращивали отменный по своему аромату табак. «Самсуны» из Ахуцы славились по всей Абхазии и за ее пределами.

Когда глубокой осенью 1942 года фашистские захватчики пытались прорваться через перевал к этому поселку, его населению предложили эвакуироваться. Люди волей-неволей ушли в долину — до их слуха уже доносились раскаты горной артиллерии.

В суматохе не все успели захватить с собой имущество, а некоторые даже оставили в хлевах домашний скот.

Еще раньше ушел в народное ополчение молодой грек Анастас Ионида, один из лучших колхозных табаководов. Уже спустя несколько лет, демобилизовавшись с наградами из армии, Анастас узнал, что его родной поселок стал тем рубежом, где выдохлись фашисты, откуда они были отброшены далеко назад героическими защитниками Кавказа. Ахуцы больше не существовало, в ходе боев поселок был выжжен дотла... Анастас, как и другие ахуцинцы, остался в долине и продолжал заниматься любимым делом — возделыванием табака.

Но душа его тосковала по родным местам, где он родился, где прошли его лучшие годы.

Как-то раз, не предупредив родных, он ушел в горы по знакомой узкой тропе. Уже темнело, когда он добрался до Ахуцы. Анастас остановился, припал плечом к скале и не мог узнать родного очага. Повсюду было тихо и пусто. Лишь вдали чернели два одиноких домика, в которых, как ему сказали еще в Амзаре, жили сваны, переселившиеся из-за перевала. Охваченный глубокой грустью, он долго стоял, углубившись в далекие воспоминания... Внезапно раздался громкий лай, и из-за скалы выскочила огромная собака. За ней спешил пожилой сван. Собака набросилась на пришельца, сразу же сбила его с ног и, обнажив зловещие клыки, казалось, готовилась вцепиться в горло... Сван хотел было оттащить собаку, но тут же замер в изумлении: пес, положив свои тяжелые лапы на плечи лежащего человека, лизал его лицо и тихо, совсем по-щенячьи взвизгивал. Сван хорошо знал нрав своего пса — собака явно была чем-то обрадована. А незнакомец, уже поднявшись на ноги, как-то особенно нежно гладил собаку, прижав к груди ее голову.

«Дик! Дикунька! Родной мой Дикунчик! Дик!..», — и целовал собачью морду. Сван сообразил, что произошла встреча давних друзей. Он облегченно вздохнул и вежливо отряхнул пыль с одежды незнакомца.

«Добро пожаловать, уважаемый гость! — приветствовал он Анастаса. — Кто вы? Откуда к нам пожаловали? Что привело вас сюда в такую позднюю пору?»

Анастас стал сбивчиво отвечать на вопросы свана.

«Шесть лет назад, — рассказал он, — я взял у своего сухумского друга щенка. Он был еще совсем маленьким, слабым, еле открывал глаза. Я выходил его, поил све-

жим молоком, всюду водил с собой. Щенок привязался ко мне. Когда я ушел в ополчение, мне с трудом удалось оставить его в поселке. А когда моя семья в спешке покидала родные места, он остался в закрытом хлеву... Дик, милый, а я-то думал, что тебя давно не существует!...»

— Вот так я снова встретился с Диком, — отхлебнув глоток кофе, сказал нам Анастас. — И с тех пор мы с ним неразлучны. Много раз он доказывал мне свою преданность. Об одном таком случае я вам сейчас расскажу.

Уже несколько лет я заведу почтой в Адзгаре. Наше село, вы знаете, расположено в горах. Работа у меня, я бы сказал, не очень трудная, но опасная... Скалы не любят трусов, а почту надо доставлять людям в любую погоду — ведь всегда приятно радовать односельчан хорошими вестями...

В прошлом году в адрес нашего колхоза поступила большая сумма денег. Доставить их мне пришлось самому. Сел я на коня, крепко привязал к седлу брезентовую почтовую сумку с деньгами и поехал. Рядом со мной побежал мой верный Дик. Узкая дорога вилась змеей, а чуть в стороне, на дне ущелья, грозно гремела река. Зарядил сильный дождь. Часто приходилось спешиваться и вести коня на поводу. Непогода усиливалась. Дик стал жаться к моим ногам.

Позднее я узнал, что кто-то проведал о деньгах, поступивших на почту. Подлецы проследили за мной и устроили среди скал засаду...

Ничего не подозревая, я тянул лошадь за повод. Дик, чем-то отвлеченный, несколько отстал. В этот момент из-за выступа скалы на дорогу выскочили двое.

Один из бандитов схватил уздечку, а другой с размаху ударил меня чем-то тяжелым по голове. В глазах потемнело, я упал и просто чудом не свалился в пропасть.

Сколько я пролежал без сознания, не знаю, но, придя в себя, сразу подумал о деньгах. Огляделся — ни сумки, ни коня... Издалека донесся ожесточенный лай Дика. Немного погодя послышался крик: «Стреляй, еще осталась пуля! Стреляй же!..» Крик перешел в стон. А лай становился все яростнее. Раздался револьверный выстрел. Затем все стихло. «Значит, конечно, — подумал я, — убили Дика и забрали деньги...» С большим трудом я поднялся, но тут же опустился на каменистую тропу и прижался спиной к скользкой скале. Ущелье, и горы, и деревья вдали — все заходило кругом, как на карусели...

Так я просидел минут пять, а может быть, больше, и стало мне легче. Вдруг до моего слуха снова долетел далекий собачий лай. О, радость! Дик жив — значит, есть еще надежда... Силы стали возвращаться быстрее. Я поднялся и, держась за скалу, направился в сторону, откуда раздался лай. За поворотом увидел поразительную картину: один из бандитов исчез, а другой лежал, обхватив голову, прямо на дороге; поодаль валялась моя сумка, и, стоя на ней передними лапами, звонко лаял Дик.

«Тебя ударил не я, а другой, — с трудом произнес бандит, заметив мое появление. — Возьми свою сумку и удержи проклятую собаку...» Вид его был жалок.

Прежде всего я бросился к сумке и ощупал ее — деньги оказались в целости, бандиты не успели поживиться. Конь куда-то ускакал, потом мы разыскали его.

Конвоируя по всем правилам захваченного бандита, мы с Диком привели его в сельсовет и сдали милиции.

— Но бандиты стреляли в Дика? — спросил кто-то за столиком.

— Да, — ответил Анастас. — Одна из пуль пробила ему лапу, не задев, к счастью, кости. Дик спас тогда много денег колхозникам, а мне сохранил доброе имя. Вскоре лапу мы вылечили, и Дик снова стал меня сопровождать. Так мы и не расстаемся с ним. Куда я — туда и он. А медалей у него стало побольше, чем у меня. Но я не завидую...

ЛЕДА

Как-то, проходя через лес, Джесиб услышал в кустах жалобное повизгивание. Раздвинув ветви, он увидел собаку. Вид у нее был ужасен: шерсть висела клочьями, на лапах и спине проступали пятна крови.

Джесиб сообразил, что собака ранена; по-видимому, кто-то пытался ее пристрелить. Он любил животных, и ему стало жаль несчастного пса. Собака перестала скулить, уставившись на человека взглядом, исполненным скорби и мольбы.

Джесиб осторожно поднял собаку и понес ее домой. Обмыв раны, он стал лечить ее травами. Не прошло и недели, как, к общему удивлению, собака стала быстро поправляться. Она покрылась блестящей светло-серой шерстью, стала бодрой и веселой, повсюду сопровождала своего нового хозяина.

Однажды Джесиб отправился по делам в соседнее селение. Собака, как обычно, то бежала следом за ним, то проворно обгоняла его. Вдруг она бросилась к одному из встречных людей, радостно завертелась вокруг него, завиляла хвостом.

Остановившись, незнакомец изумленно воскликнул:

— Да никак это Леда?! Ледочка! Как ты выжила, бедняга? — Он наклонился и потрепал собаку по загривку.

Джесиб подошел к нему и рассказал, как он нашел собаку в лесу, как вылечил ее.

— Леда — моя любимая собака, — сказал незнакомец. — Она заболела, и мы испугались, что сбесится. Я отвел ее в лес... Поверьте, не мог прицелиться... Рука дрожала. Да-да... А вы вот выходили. Значит, не суждено было ей подышать... — Он опять ласково погладил Леду, потом поднял глаза на Джесиб и тихо сказал: — Я, конечно, заплачу за ваши труды, а собаку возьму с собой. Леда, ты пойдешь со мной, правда?

Джесиб покачал головой.

— Мне не нужны ваши деньги. Я вылечил собаку из жалости. Пусть она сама решит, с кем ей идти...

— Ну, что ж, — пробормотал незнакомец. — Так тому и быть.

Втроем они дошли до развилки, откуда дорога расходилась в противоположные стороны. Джесиб повернул направо, незнакомец — налево. Собака замялась, завертелась у перекрестка. Люди шли молча, не оглядываясь. Наконец Леда, словно приняв решение, коротко взвизгнула и бросилась за Джесибом. Догнав его, она неторопливо затрусила рядом с ним...

СИМФОНИЯ О РИЦЕ

Чего только не бывает в жизни!.. Этот случай мне рассказал друг моего детства Сеид.

— Когда мы поженились, я и моя Айша, мы были очень молоды. У нас была такая любовь, что, наверно, многие завидовали.

Жили мы на шестом этаже в доме без лифта. Но, поверьте, это для нас не имело ровно никакого значения. Когда Айша замечала из окна, что я возвращаюсь домой, она, как козочка, сбегала вниз, навстречу, и мы, поднимаясь по лестнице к себе, в нашу маленькую комнатку, не уставали целоваться... Мы никогда не ссорились, уступая во всем друг другу, избегая малейшего повода для споров...

Айша училась музыке и играла на рояле. Она знала, что я люблю слушать «Симфонию о Рице» Андрея Баланчивадзе. Странно! Это чрезвычайно тонкое для восприятия музыкальное произведение, в котором слышалась неизбывная грусть об утраченной любви, вряд ли отвечало нашему настроению. Но оно мне почему-то

очень нравилось, и Айша всегда играла эту симфонию с особым настроением.

Своего пианино у нас — увы! — еще не было, и мы давно решили приобрести его при первой возможности.

Однажды нам попало объявление: продается пианино. В этот день была холодная, ветреная погода, К тому же Айше немного нездоровилось, и она попросила меня одного пойти посмотреть пианино.

Я пошел по указанному адресу. Дверь открыла маленькая женщина с вздернутым носиком. Я объяснил, что пришел по объявлению, и хозяйка пригласила меня зайти в комнату.

Пианино было вполне приличным, тон был хорош. Сев за стол, мы поговорили о качестве пианино, его цене и причине продажи. Вдруг в дверь без стука вошел мужчина с каким-то отталкивающим выражением лица.

— Знакомься, Федя, — сказала ему женщина. — Мы сейчас закончим разговор.

Человек, которого называли Федей, присел тут же у входа и, хмуро приглядываясь ко мне, многозначительно пробормотал:

— Так, так...

Договорившись с хозяйкой пианино, я попрощался и ушел, оставив свой адрес.

Домой я попал не сразу: надо было еще навестить одного из земляков; вернулся поздно.

А на следующий день меня ожидала беда. Когда вечером я пришел с работы, Айша не встретила меня, как обычно. Сидя у окна, она безутешно рыдала, комкая в руках какой-то конверт. Я подумал, что это письмо из

Баку, от ее родных, с какой-нибудь печальной вестью, и с тревогой спросил:

— Что с тобой, дорогая? Что-нибудь случилось с отцом?

В ответ она разрыдалась еще сильнее и протянула мне конверт, из которого выпала записка. Я поднял ее и сразу увидел, что она адресована мне.

«Гражданин С...! — гласили неровные корявые строчки. — Как вам не стыдно, имея такую красивую жену, таскаться к чужой женщине? Я уже три месяца слеживаю вас, и наконец сегодня мне удалось вас застать на месте преступления вместе с Диной. Ради Дины я бросил свою семью. Я люблю ее и не уступлю вам ни за что!» В записке было еще несколько подобных оскорбительных фраз. Вместо подписи — закорючка.

Вначале я ничего не понимал, но когда дошел до фразы: «Все ваши разговоры о пианино — только для отвода глаз», то понял, что это пишет тот самый Федя, видимо принявший меня за кого-то другого. Громко рассмеявшись, я сказал жене:

— Родная, это глупейшее недоразумение! Я сейчас все разъясню.

И хотел было приласкать жену, но она резко оттолкнула меня.

— Никакого недоразумения нет! Мне теперь ясно. Все эти три месяца ты куда-то надолго уходил по вечерам. Между нами все кончено — и навсегда!

Тщетно пытался я образумить ее, долго и страстно убеждал в моей невиновности, но Айша не желала меня и слушать. Тогда, возмущенный ее несправедливостью, я ушел из дому.

Поселился у товарища. Тоска постоянно терзала меня. Но самолюбие оказалось превыше всего: ведь я был незаслуженно оскорблен. Да что говорить: оба мы были горды и чрезмерно горячи... Прошло около года. Однажды одна из приятельниц Айши мне сообщила, что Айша уезжает домой, к отцу, и хочет отдать мои личные вещи.

Я пошел к Айше. Сердце болело. Я все еще продолжал любить ее... По дороге, вспомнив, что она любит шоколад, купил плитку «Золотого ярлыка» и решил незаметно положить ей в сумку.

Если люди любят друг друга по-настоящему, они угадывают малейшее желание любимого человека, знают, что ему нравится, а что нет, что он хочет и чего не хочет. Когда я пришел, вещи уже были уложены. Мы сдержанно попрощались, и я проводил ее к машине. Вернувшись, надел пальто и решил побродить по улицам, развеять тоску. Сунув руку в карман, вдруг обнаружил там сверток с ореховой халвой, которую любил с детства. Она это знала... Так произошло наше немое прощание. Мы оба наделили друг друга любимыми сладостями...

Пути-дороги увели Айшу от меня далеко-далеко...

Прошло много лет. Мы пережили великую войну, ничего не зная друг о друге и, пожалуй, давно уже не интересуясь друг другом...

Недавно я вернулся из Москвы в родную Абхазию. Как-то в высокогорном селе Отхара встретил доброго знакомого, и он повел меня к себе переночевать.

Домик его стоял на горе, и к тому же на очень высоких столбах. Мы поднялись по лестнице на тянувшийся вдоль всего фасада просторный балкон.

— Тебе, наверно, мало было горы — ты и дом свой поставил на такие высоченные сваи! — пошутил я.

— Отсюда лучше видно море, — просто ответил он.

Затем, удобно устроившись на балконе, мы перешли к разговору о делах и планах здешнего колхоза.

Наступил вечер. В небе уже серебрилась луна, освещающая деревья и узким мостиком прорезая дальнюю морскую гладь.

Вдруг вечернюю тишь неожиданно нарушили звуки рояля. Из соседней комнаты послышалась мелодия... «Симфония о Рице». Все всколыхнулось во мне. Показалось, что совсем близко, где-то рядом, играет Айша...

С замиранием сердца я спросил приятеля:

— Кто это играет, кажется, здесь, за стеной?..

— О-о, это лучший бригадир нашего колхоза! Ее бригада по цитрусовым получила недавно большую премию и медаль на московской выставке. Она к тому же, как слышишь, чудесно играет. Муж ее руководит птицефермой в колхозе. Между прочим, та половина дома принадлежит им. Если хочешь, я познакомлю тебя с этой милой четой. Они очень гостеприимные люди...

Волнение мое усилилось. Я не стал задавать больше вопросов.

Попросив разрешения, приятель ввел меня в комнату к соседям и представил. Сердце и слух меня не обманули: едва только я перешагнул порог, мои глаза встретились с глазами Айши!.. Прошло больше двадцати лет, но, мне показалось, она совершенно не изменилась. Любовь с прежней силой вспыхнула во мне, и я невольно вздрогнул. Вздрыгнула и она...

Извинившись за неожиданное вторжение, я сказал, что виной всему «Симфония о Рице», которую всегда любил и продолжаю любить.

— Прошу вас, сыграйте еще раз! — попросил я.

— С удовольствием! — ответила она, сев за рояль. Играя, она тихо напевала знакомую мелодию.

— Я люблю эту чудесную симфонию, — сказала Айша, кончив играть, и добавила с грустью: — И, очевидно, буду любить ее до конца моей жизни.

Только мы двое поняли смысл этих слов. И это навсегда останется нашей тайной. Так тому и быть...

ДАЧА ФЕДОРОВА

Кто, будучи в Гагре, не восхищался красотой дачи Федорова, одной из лучших дач на прославленном курорте!

История дачи не лишена интереса.

В конце двадцатых годов один известный, весьма уважаемый в нашей стране работник, нет надобности называть его имени, очень серьезно заболел. Болезнь почек, по-видимому, оказалась слишком запущенной. Подполье, тюрьма, ссылки, гражданская война, а затем непрерывная, изматывающая работа по восстановлению хозяйства молодой Советской республики, словом, лечиться времени не было. На консилиуме врачи беспомощно развели руками. Больного ожидал смертельный исход. Кто-то из профессоров вскользь высказал мысль о возможности операции, но тут же заявил, что надежды на успех мало: такая операция считалась очень сложной.

Участники консилиума все же решили немедленно взять больного за границу. В пути его сопровождали жена, лечащий врач и близкий друг — земляк из Абхазии.

Вначале больного привезли в Берлин и поместили в пользующейся мировой известностью клинике профессора Брандта. Однако лучшие немецкие хирурги отказались взяться за эту рискованную операцию. Тогда, по их совету и в сопровождении одного из них — профессора Замерсбаха, больного повезли дальше, в Париж, в клинику французского академика Эмберга. Здесь также был созван консилиум из числа знаменитейших хирургов Франции. На консилиум пригласили и видных специалистов из Рима и Лондона.

Тщательно исследовав больного, медицинские светила Запада пришли к общему выводу, что вряд ли найдется хирург, который сумел бы с полной надеждой на успех сделать такую редкую операцию.

— Впрочем, — подумав, произнес академик Эмберг, — такой человек есть... После смерти гениального Белля успешно осуществить такую операцию смог бы только один-единственный человек...

— Кто же он? Кто? — раздался вопросы.

— Не Федорова ли вы имеете в виду? — спросил хирург Каспер.

— Да. Я говорю именно о нем, о Федорове, — подтвердил Эмберг. — Я считаю его лучшим знатоком топографической анатомии. Его последняя книга «Хирургия на перепутье» и прошлогодняя, ставшая сенсацией, операция почек, которую он произвел в Лондоне, подтверждают это.

— Какой Федоров? — услышав русскую фамилию, с недоумением спросил друг больного, абхаз.

— О, это светило в мировой хирургии в наши дни, — сказал академик Майо. — Имею честь быть лично знако-

мым. Несколько лет с ним переписываюсь. Сергей Петрович Федоров — гениальный хирург! Между прочим, ваш соотечественник... Он живет в Ленинграде.

Разные чувства вдруг охватили и переполнили сердце абхаза: радость, вызванная искрой надежды на спасение больного друга, и гордость за хирурга-соотечественника. Вместе с тем он почувствовал и большую неловкость за свою неосведомленность...

— Неужели вы не знаете Федорова? — спросили его.

— Я живу и работаю в Абхазии, где редко кто болеет, а потому мы мало знаем врачей и живем до полутора лет, — нашелся абхаз. — Вы не слышали об абхазском долголетии?..

— Давайте к делу! — призвал председательствующий Эмберг. — Надо запросить профессора Федорова, сможет ли он приехать. Так? — С ним согласились.

О решении консилиума было сразу же передано в Москву, и уже на следующий день стало известно, что в ближайшие дни в Париж из Ленинграда приедет профессор Сергей Петрович Федоров.

Когда близкие и друзья больного прибыли на вокзал, то увидели, что встречать профессора собрался цвет медицины Европы.

Поезд подошел к перрону. Из вагона вышел старик небольшого роста, с открытым добродушным лицом и серьезными глазами. Рядом шагала его жена. При виде друзей и коллег по лицу Федорова пробежала мягкая улыбка.

Встреча была сердечной и несколько торжественной.

После первых же приветствий и рукопожатий Федоров сказал:

— В клинику!

Тщательно осмотрев больного, он согласился его оперировать.

В назначенный день операция состоялась. Над оперируемым в глубоком молчании склонились лучшие хирурги континента, с восхищением следя за каждым движением Федорова.

С привычной четкостью хирург совершил сложнейшую операцию. Она длилась больше трех часов и была закончена, к всеобщему восторгу, успешно. В ординаторской Федорову была устроена овация.

Вскоре много интересного и нового для себя узнал больной из парижских газет. Узнал, например, что их соотечественник — профессор Федоров — является основоположником русской хирургической урологии, что он первым в мире предложил метод «бокового разреза», названного «федоровским», что именно он подарил мировой хирургии цитоскоп, ректоскоп и тончайшие катетеры, позволяющие исследовать почки по отдельности, и многое другое, чего он не знал до приезда... в Париж.

Больной быстро поправлялся. Он был связан с Абхазией славной революционной деятельностью, много лет боролся за свободу и счастье ее трудового народа. В знак сердечной признательности правительство республики подарило профессору Федорову, часто приезжавшему отдыхать в Гагру, одну из лучших дач курорта, о которой мы упомянули в начале рассказа.

Сам бывший больной впоследствии говорил:

— На примере с профессором Федоровым я лишь один раз убедился в иронии мудрой пословицы: «Нет пророка в своем отечестве».

МАМИА

Собрание колхозников «Амзары» окончилось. Только что пришлось за серьезные ошибки освободить очередного председателя артели, а его обязанности временно поручили выполнять заместителю. Люди, шумно переговариваясь, выходили из клуба. Большая группа колхозников у выхода окружила гостя, председателя райисполкома. Он уже прощался, собираясь сесть в машину, как вдруг, что-то вспомнив, сказал:

— А я и забыл спросить, как понравился вам спектакль, который сухумские артисты вчера у вас показывали?

Бывает иногда — затронешь какой-нибудь вопрос и чувствуешь, будто поднес зажженную спичку к пучку сухого папоротника: сразу вспыхивают и разгораются страсти... Так получилось и сейчас: люди заволновались, заговорили.

— О, это был замечательный спектакль! — сказал один из колхозников.

— Здорово играли! — воскликнул другой. — На посмешище нас выставили, — с горечью заявил третий.

— Чем же вас опозорили? — спросил председатель райисполкома.

— Ведь эта пьеса написана о нас, о нашем колхозе, — сказал в ответ агроном. — В ней, как в зеркале, отразились наши недостатки...

— Почему именно о нас? Есть же и другие отстающие колхозы, — возразил кто-то.

— Не утешайся, друг, тем, что нас прямо не называли по именам, — усмехнулся один из бригадиров. — Я смотрел спектакль и сгорал от стыда... Что, разве не похоже на наши дела?!

— Астана прав, — подтвердил другой колхозник. — Я чувствовал то же самое. Мне подчас казалось, будто я не в клубе сижу и смотрю спектакль, а нахожусь в поле со своей бригадой!

— Да, — вступил в разговор немолодой бригадир виноградарей Саатгерий. — Бывает, смотришь в самую середину солнца и ничего не видишь, а отклонившись в сторону, увидишь все... Вчера, как бы со стороны, мы увидели много такого, чего не замечали, о чем не догадывались раньше.

— А скажи, Саатгерий, каков был на сцене председатель колхоза! Тот, новый, который сменил растяпу! — крикнули сзади.

— Хороший парень! — заявил виноградарь. — Как его звали? Вот забыл...

— Мамиа, Мамиа! — подсказали сразу несколько голосов.

— Да, Мамиа. Вот человек!.. Крепко досталось от него лодырям. А как умело он находил честных людей, как помогал им найти свое место в жизни!.. Глав-

ное, друзья, — Саатгерий оживился и стал говорить еще громче, — это его умение найти подход к людям, зажечь их. И он привел к победе свой коллектив. Вот бы нам такого председателя!..

— Так ведь это была только игра! — раздался хриплый голос. Люди расступились, и вперед вышел сказавший так Заган, бригадир табаководов. — Артисты сыграют вам и не такого председателя, а еще лучшего. Что им стоит! Играть-то легко... А вот показать себя на деле, в работе — этого ваш Маmia никогда не сумеет!

— Пожалуй, верно, — поддержал кто-то рядом. — А жаль, что Маmia — только артист!..

— Вот я и говорю, — продолжал Заган, — этим сочинителям ничего не стоит обвинять нас, даже учить, как надо работать. — Он криво усмехнулся. — Хотел бы я увидеть Маmia в моей роли, например. Увидел бы он, с какими людьми приходится иметь дело, и не сомневаюсь, что сбежал бы сразу без оглядки обратно в свой театр!

По рядам прошел смешок.

— Ну и спесив же ты, Заган! — возмущенно возразил сосед табаковеда. — Люди в твоей бригаде — как люди. И хорошие мастера, настоящие земледельцы. Нет у тебя, скажу прямо, Заган, уважительного подхода к ним. Видел ли ты, как обращался с людьми Маmia? Прямо на глазах менялись эти люди... Эх, какая досада, что все это было только в спектакле... Верно было сказано: жаль, что Маmia — артист!

— Так об этом-то и говорил Заган, — сказал колхозник, молчавший до сих пор. — Одно дело — игра, а другое — жизнь. Бывает, что артисты показывают на сцене

одно, а делают в жизни совсем другое. Вот вам пример с одним из них — моим родственником, внуком двоюродного брата тещи.

— Близкое родство! — ввернул кто-то из собравшихся.

— Какой бы ни был, все же родич, — отрезал колхозник. — К великому сожалению, конечно. Так вот, этот артист за последние пять лет сумел трижды жениться и развестись. Он бросает жен с детьми на руках, но жены охотно расстаются с ним. Двум из них он платит алименты, а ребенка третьей воспитываем мы. Месяца три назад, говорят, он снова женился на какой-то курортнице... Недавно я ездил в Очамчиру. Там повели меня в клуб, сказали, что приехали артисты и показывают спектакль, в котором играет и мой родственник. Ну что же вы думаете? Вижу, изображает он на сцене такого заботливого и внимательного мужа, примерного семьянина. Видали такое? Ах ты, думаю, пес этакий! Кого из себя строишь? И не стыдно тебе обманывать столько людей? Меня-то не обманешь... И когда он начал говорить почтенной и красивой молодой женщине всякие нежные слова и клясться в вечной верности, я, знаете, не выдержал и крикнул с места: «Что, собака, наметил новую жертву?!» И захохотал. Все вокруг меня начали шуметь. «Тише!» — говорят. Они-то, дураки, поверили ему. А мой сосед сказал мне тихо: «Что с вами, гражданин? Тут идет такая тяжелая драма, а вы хохочете... Что тут смешного?» «Это, — говорю я ему, — для вас драма, а для меня один смех. Ведь он, этот обманщик, — мой родственник с тещиной стороны. А с драмой, говорю, вы подождите, она не заставит себя долго ждать. И драма будет не какая-нибудь

выдуманная, как у вас в театре, а настоящая и действительно тяжелая, что и говорить. Уж я-то его знаю...»

— Почему же вы все, его родственники, не можете найти управу на такого негодяя? — возмутился старый Шьмаф, колхозный пчеловод.

— Управа уже нашлась, — ответил ему заговоривший наконец председатель райисполкома. — Золотые твои слова, почтенный Шьмаф. Только разговор сейчас не о нем, а о Мамии. Этот спектакль я смотрел три раза, друзья. И у меня возникли такие же мысли, какие взбудоражили вас. Мне хотелось, чтобы вы обязательно просмотрели этот, я думаю, очень удачный спектакль. Театр собирался выезжать на гастроли в наш район только через четыре месяца, но я уговорил режиссера показать вам эту пьесу раньше и очень благодарен ему и всем артистам за то, что они уважили нашу просьбу. Это ведь не просто развлечение, но и самая настоящая помощь. Так или нет? Разрешите и мне высказаться. Мне кажется, друзья мои, что этот артист сумел так убедительно сыграть председателя колхоза именно потому, что глубоко вжился в эту роль. Не так давно мне пришлось встретиться и побеседовать с автором пьесы. Между прочим, он рассказал, что многие очень характерные, меткие слова в этой роли принадлежат самому артисту, и автор вовсе не остался в обиде на такое его самоуправство. Я подумал тогда, что Маmia, возможно, не только на сцене, но и в действительности так же зорек и талантлив, так же метко умеет разбираться в явлениях жизни... Вот после спектакля вы особенно остро почувствовали стыд за свой колхоз. А ведь отставание не к лицу не только вам, но и всему нашему району, всей республике. Мы

давно думали, что колхоз «Амзара» нуждается в хорошем председателе, и вот, кажется, нашли его в этом спектакле... Я почему-то уверен, что если Маmia возглавит наш колхоз, то сумеет привести его к победе.

— Так давайте выберем Маmia нашим председателем, — воскликнул Шьмаф.

— Но согласится ли он — вот в чем дело, — раздумчиво сказал председатель райисполкома. — Маmia любит свой театр, свою профессию, к которой, как все вы убедились, имеет призвание...

— А мы попросим его всем колхозом, — заявил Саатгерий. — Такую просьбу он обязательно выполнит, если в нем жив аламыс.

Так и решили. Ни один из колхозников еще не успел уйти, а те, что уже отошли от клуба, вернулись назад. И быстро организованное общее собрание решило обратиться к Маmia с просьбой возглавить правление «Амзары». «Тем более это подобает тебе, дорогой и уважаемый Маmia, — ведь ты являешься уроженцем наших мест...» И Маmia уважил просьбу колхозников.

Было это лет десять назад. С тех пор он каждый год переизбирается руководителем этой сельхозартели.

За эти годы в колхозе многое изменилось. Перемены к лучшему произошли во всех отраслях общественного хозяйства. «Амзара» стала одним из самых богатых и передовых колхозов республики. Сюда теперь приезжают для изучения опыта делегации из многих других колхозов Абхазии.

Не так давно мне вновь довелось побывать в этом колхозе. Признаться, я был очень обрадован, когда увидел прекрасное современное здание колхозного Дома

культуры на месте старого и тесного клуба, а при просмотре спектакля, сыгранного колхозными актерами, был поражен зрелостью и отточенностью их мастерства.

Мне сказали, что на смотре самодеятельных коллективов народный театр «Амзары» занял первое место в Абхазии. Этому, пожалуй, не приходится удивляться: ведь главный режиссер колхозного драмколлектива — Маmia.

Я, конечно, встретился с Маmia и спросил у него, не играет ли он сам. В ответ он сказал: «К сожалению, мне сейчас просто некогда играть. Театральными подмостками для меня сейчас стала сама жизнь...»

Вся эта история была настолько необычной, что я не удержался и при встрече с председателем райисполкома сказал ему:

— Вам делает честь ваше чутье, сумевшее обнаружить такого отличного работника сельского хозяйства в среде... актеров!

— Какое там чутье?! — он рассмеялся. — Было ясно и без всякого чутья, что театральная сцена стала тесна для Маmia. Да и сам Маmia — спросите-ка у него! — чувствует себя в роли настоящего председателя колхоза гораздо увереннее, чем выдуманного. Так бывает в жизни: человек обнаруживает подлинный талант вовсе не на том берегу, куда его, иногда и случайно, прибывает жизнь. И в театре он был замечательным работником. Но в «Амзаре» его энергия и способности разгорелись еще сильнее. А ведь хорошо известно, что зажечь других может только тот, кто горит сам!..

ПРОПАВШЕЕ ПОЛЕ

Поезд вышел из Сухуми, направляясь в Москву... Когда в селении Эшера он вошел в тоннель, ехавший с нами в одном купе старый сухумский инженер С. сказал:

— С этими местами, где сейчас проходит тоннель, связана одна довольно занимательная история.

И вот что рассказал.

Больше тридцати лет назад, когда здесь не было еще железной дороги, а проходило только шоссе, весной порой эшерский крестьянин Керим Авидзба сеял кукурузу на своем небольшом поле. Мимо по шоссе проходил Мамед Цвейба, приехавший из другого села. Он остановился передохнуть, поприветствовал Керима и спросил его:

— А то поле, что рядом с твоим, повыше дороги, почему пустует? Не успели вспахать? Ведь отличная земля!

— Ее попросту некому пахать, — ответил Керим. — Вспаши, если хочешь, соседями будем. Я буду только рад.

— То есть как? — удивился Мамед. — А в вашем колхозе некому ее пахать?

— Земля эта принадлежит ушосдору — управлению шоссейными дорогами, а не нам. И обрабатывает ее кто захочет. Нужно только попросить разрешение и соблюдать правила: не сеять слишком близко к обочине и все. Хочешь, я помогу тебе?

Вскоре с помощью Керима Махмед, получив разрешение, вспахал это поле, посеял кукурузу и уехал до первой прополки в родное село. Через две недели он вернулся, прополоч всходы и снова уехал. Прошло еще полмесяца, Махмед прибыл на вторую прополку, а затем, поручив своему другу Кериму присматривать за кукурузой, выехал на месяц-полтора: ведь до сбора урожая больше не о чем было заботиться.

— Не беспокойся, — заверил его Керим. — Ничего не случится с твоим полем, все будет в порядке. Хотя я собираюсь на месяц в горы, к пастухам, за твоим полем будет присматривать моя семья.

С тем они и расстались. Махмед уехал со спокойной душой.

Однако, вернувшись спустя месяца полтора к своему эшерскому полю, он был поражен: на месте его кукурузы росла... обыкновенная трава. А кукурузы словно и вовсе не было! Он осмотрелся вокруг — как будто все остальное на своем месте: и шоссе, и кукуруза Керима, и море за его полем... Урожай у Керима радовал глаз: высокие стебли, и на каждом по четыре-пять початков. В такой кукурузе мог бы укрыться всадник. Лучшего урожая и не представишь...

А все же, где его кукуруза? Куда она подевалась? Или, может быть, ему только приснилось, что он ездил сюда обрабатывать это поле?

Махмед заметил приближающегося Керима. Тот шел навстречу приветливый, улыбающийся. Махмед поздоровался с ним и исподволь, осторожно спросил:

— Скажи, милейший, — и показал в ту сторону, где как будто была его кукуруза, — там кто-нибудь мотыжил с месяц-полтора назад? Или мне так показалось?

— Как же так — показалось? — удивился Керим. — Ты сам пахал здесь, сеял кукурузу.

Махмед обрадовался: выходит, с головой у него все в порядке. Осмелев, он спросил:

— Где же тогда она, моя кукуруза?

— А вот чего я не знаю, того не знаю! — ответил Керим.

Обескураженный Махмед побрел в селение и стал расспрашивать, что могло случиться с его кукурузой. Что за чудо: исчез с лица земли весь участок! Люди пожимали плечами, удивлялись и выражали сочувствие, но объяснить, что могло случиться с полем Махмеда, никто не мог.

Откуда ни возьмись появился рыженький попик из отдохавших в Эшере курортников и давай глаголить о чудесах и божьих предзнаменованиях, будто бы связанных с загадочным исчезновением поля.

Случай этот стал широко известен: в Эшеру приехали ученые, журналисты. Строились различные предположения.

Стодвацатилетний Коблук Смыр, колхозный пчеловод, вспомнил, что добрую сотню лет назад, темной дождливой ночью, в этом самом месте сполз в море большой участок земли со всей усадьбой князя Цанба. Мало кто тогда спасся из людей. Не случилось ли, пред-

положил он, то же самое и теперь с кукурузным полем Махмеда?

Рассказ и предположение старика совпали с выводами ученых.

— Тогда выходит, что твоя кукуруза потонула, а эта — моя! Ведь твое поле было ближе к морю, — сказал Кериму Махмед.

— Вот теперь я вижу, что ты действительно спятил с ума, — спокойно возразил Керим. — Мое поле стоит на своем месте. Куда же девалось твое, знать не знаю. Если чья-нибудь кукуруза пошла купаться в море, то, конечно, только твоя!

— Хм... По-твоему, выходит, что моя кукуруза перепрыгнула через твою?

— Почем знать? Может, и так...

Махмед пошел в суд и в запальчивости вскричал:

— Украл поле! Пропал мой труд!..

Народный суд вызвал и опросил свидетелей и экспертов, исследовал место происшествия и установил, что благодаря таинственным подземным сдвигам в этом месте произошло опускание берега и большой участок земли сполз в море. Точно установить, кому именно принадлежал этот участок — Кериму или Махмеду, не удалось. Учтя все выявленные обстоятельства, суд решил: «Урожай с оставшегося кукурузного поля разделить между спорщиками пополам, поскольку трудились оба».

МАЛАКРЫФА

Было это еще до революции. Рос в Лыхнах у бедной крестьянки-вдовы сын Чанагв. Смышленный мальчик очень хотел учиться. После окончания сельской приходской школы он не без труда поступил в сухумскую горскую школу-пансионат, отлично окончил и ее, но потом словно гора выросла на его пути: выходцам из семей крестьянской бедноты дорога к высшему образованию была тогда закрыта.

С помощью родственников Чанагву удалось собрать немного денег и переехать для продолжения учебы в Батуми. Жил он здесь в общежитии, где оказался еще один молодой абхаз из села Блабурхва по имени Еснат, выбранный товарищами старостой-завхозом.

Еснат был старательным и способным юношей, но отличался чрезмерной скупостью. Посылки, которые он получал от родных, Еснат никогда не делил с товарищами, даже со своим земляком — Чанагвом.

Однажды к Новому году Еснат получил из дому, от отца, сразу две посылки с продуктами и вещами и денежный перевод. И, как обычно, ни с кем не поделился.

У Чанагва в эти дни как раз изнашивалась обувь, из давно сшитых ботинок стали вылезать пальцы. Он обратился к земляку:

— Я знаю, Еснат, ты не богач, но тебе отец частенько присылает деньги. Дай мне, пожалуйста, два рубля, я куплю себе чувяки. Долг верну при первой же возможности.

— При какой такой возможности? — насмешливо переспросил Еснат. — Твоя мать так бедна, что едва перебивается с твоими братишками. Она никогда не сможет ничего тебе прислать, и поэтому я не дам тебе взаимы ни рубля! Чанагв, подумав, спросил:

— Ты слышал такое абхазское выражение: «Хваху-дашва илибжьахуаша ицеит»?

— Да, слышал. Есть такая народная пословица.

— Именно — народная... А вдумывался ли ты когда-нибудь в ее смысл?

— Нет, не приходилось.

— Напрасно, — сказал Чанагв с легкой усмешкой. — Хочешь, объясню тебе?

— Объясни!

— Чем больше начинает жиреть свинья, тем короче становится у нее шея. А когда свинья совсем заплывет жиром, шеи и вовсе у нее не заметно. Словно ее и не было.

— Что же сейчас тебе напомнило эту пословицу? — спросил, насторожившись, Еснат.

— Твое поведение. Чем больше начинаешь ты богатеть, тем все меньше проявляешь аламыс. А сегодня его у тебя и совсем не стало. Ты потерял свой аламыс, как та разжиревшая свинья шею...

— Как ты смеешь сравнивать меня со свиньей?! — вскочил с места Еснат.

— Таких жадных и скупых у нас в народе называют малакрыфой, — спокойно произнес Чанагв, замечая его возмущение.

Это абхазское слово означает: человек из чрезмерной скупости и жадности ест один. Для гостеприимных абхазов слово «малакрыфа» — одно из самых позорных и оскорбительных. Кличка эта прилипает к человеку надолго, иногда на всю жизнь. «Малакрыфу» не считают достойным дружбы, общества...

— Да, ты — малакрыфа! — бросил Еснату в лицо Чанагв.

— Кто малакрыфа? Я? — вспыхнул Еснат.

— Ты! А кто же еще? Знай, наперед для меня ты не Еснат, а малакрыфа!

Итак, одному из земляков было нанесено несмыслимое оскорбление. Между двумя молодыми абхазами произошла такая драка, что товарищам по общежитию стоило большого труда их разнять. Они стали врагами. А у абхазов вражда, как и дружба, всегда сопровождала человека до могилы...

Кличка Малакрыфа так и осталась за Еснатом.

Время шло... Потоки его унесли юношей по разным путям. Началась революция, и Чанагв ушел в нее, как говорится, с головой, сразу же избрав для себя самый трудный, но зато самый верный путь. Он стал большевиком, воевал с угнетателями и в Абхазии, и на Северном Кавказе.

А Еснат вернулся в родное село и жил там спокойно, словно вокруг него ничего не происходило.

Прошло с тех пор больше десяти лет. Случилось так, что после победы народа руководителем нового, советского правительства в Абхазии был избран Чанагв — тот самый юноша из села Лыхны.

Эта весть в свое время дошла, конечно, и до Блабурхвы. И вдруг однажды безмятежное спокойствие Езната оказалось нарушенным. Его вызвали в сельсовет и сообщили, что он, Еснат Барцыц, вызывается в Сухум к председателю правительства товарищу Чанагву — Нестору Лакоба. Нетрудно представить, сколько волнений и тревог доставил этот вызов Еснату и его родным, знавшим о размолвке, когда-то происшедшей между двумя молодыми абхазами в Батуми.

— Все ясно, — сказал Еснат жене подавленным голосом. — Нам здесь, в Абхазии, больше не жить: мы с Чанагвом в большой и давней вражде. Получив такую власть, он теперь, конечно, постарается мстить. Нам надо как можно скорее бежать за пределы Абхазии.

Супруги решили переехать на Северный Кавказ, в станицу Белореченскую, к дальним родственникам жены. Через два дня жена Езната выехала туда с детьми, захватив с собой часть домашних вещей. Сам же он пока что остался в Блабурхве, чтобы уложить оставшееся имущество: ведь нелегко крестьянину сняться с насиженного места.

Вызов в Сухум повторился, причем на этот раз Езната приглашали прибыть немедленно. Делать было нечего. Еснат, уверенный в том, что его если не арестуют, то, по крайней мере, выелят из Абхазии, разыскал почтенных стариков-односельчан и попросил их поехать в Сухум уговорить Чанагва не очень торопиться с вы-

селением, дать ему хотя бы две недели срока. Старики собрались и поехали в Сухум — надо же выручать человека...

Войдя к Чанагву в кабинет, блабурхвинцы после приветствий сразу же приступили к делу.

— Высокие места, дад Чанагв, — начал самый старший из них, стосорокалетний Шач Чукбар, — делают благородного и доброго еще благороднее и добрее, а человека низкого и жестокого — еще более жестоким и низким. Мы много слышали о твоей справедливости. Неужели, став первым человеком в Абхазии, ты станешь теперь мстить своему личному врагу, неизмеримо более слабому, чем ты? Мы просим проявить к нему великодушие.

Чанагв любил поговорить со стариками, послушать их речи, пересыпанные убедительными примерами и пословицами — жемчужинами народной мудрости. Не поняв, о ком и о чем говорит почтенный Шач, он выслушал его почтительно, не прервав ни единым вопросом.

— Мечь — дело нехитрое, — сказал вслед за своим старшим другом старик Джесиб Царгуш. — Если обидишь осла, и он копытом лягнет. Ведь ты, Чанагв, хорошо знаешь, как издавна смотрят у нас, в народе, на мстящего: кто отомстил, вправду зовется ахаца, героем. Всякий мужчина тоже зовется ахаца — иначе он и не мужчина вообще. А вот того, настоящего мужчину и храбреца, кто проявляет великодушие и не мстит, у нас называют афырхаца, героем из героев. Вот мы и посмотрим теперь, как ты докажешь, что Чанагв — не просто ахаца, а настоящий афырхаца! Разреши давнему врагу своему Еснату Барцыцу побыть здесь, в Абхазии, еще две недели. А потом он уедет сам.

— Еснат Барцыц? — спросил пораженный Чанагв.
— Из Блабурхвы? Мой, говорите, враг? Он собирается выехать? Куда же?

— На Северный Кавказ, к родственникам жены, — ответил третий старик. — Семью свою он уже отправил туда.

— А где сам он сейчас?

— Он прибыл с нами, — ответил Джесиб, — но остался внизу, у входа. Ждет, что сообщим ему мы.

Чанагв быстро вышел из кабинета и вскоре вернулся, таща за руку упавшего Есната.

— Ты в самом деле был малакрыфой, Еснат, — сказал Чанагв, усаживая его рядом с собой. — Не обижайся, пожалуйста. Но, говоря правду, вместе с тем знали мы тебя и как неплохого хозяина. Ведь именно потому и выбирали тебя тогда в нашем общегитии несколько лет подряд своим старостой-завхозом. Верно я говорю? Еснат молчал, а Чанагв продолжал:

— В вашем селе, а также в соседнем — Калдахваре — никак не ладится работа в трех артелях. В одной из них состоишь и ты, Еснат; я видел твою фамилию в списках колхозников. Вот уже больше четырех лет вы трудитесь себе в убыток. Советская власть помогает вам и инвентарем, и семенами, а иногда и деньгами. Но все без толку! Причина только одна: не годятся руководители. Очень уж они у вас бесхозяйственные, не дорожат народной копеечкой... Поражает меня и то, что вокруг такие горячие творятся дела, а тебя, крестьянского сына, раньше всегда такого деятельного, сейчас словно подменили: сидишь себе дома и палец о палец не ударишь... Слушай же: наше правительство решило объе-

динить эти три артели в один большой колхоз. Но не находим подходящего руководителя. Все ищем. Вот я и вспомнил о тебе, Еснат, о твоих способностях. Я верю тебе и думаю, что если ты остался таким, каким я знал тебя раньше, то, слегка изменив свой характер, сумеешь вывести колхоз на верную дорогу. Согласен?

— Но ведь у меня нет опыта, уважаемый Чанагв, — заявил, смутившись, Еснат. — И у меня не было никакого опыта, — сказал Чанагв. — Однако раз народ приказал, я стараюсь выполнять его волю. А когда становится трудно, всегда прибегаю к помощи народа. Вот как сейчас.

— Это ты правильно делаешь, Чанагв, — заметил Шач Чукбар. — Держись и впредь народа. Если окажется нужным, то можно и людей себе подчинить, но знай, только одним: служением им же.

— Мудро сказал ты, почтенный Шач! От всего сердца желаю вам, нашим старшим, жить еще долго-долго и всегда учить нас своей мудрости! — Затем Чанагв обратился к Еснату и снова спросил его: — Ну, что скажешь, Еснат?

— Дай подумать. Дело ведь серьезное, — ответил тот.

— Нечего думать, соглашайся, — настаивал Чанагв.

— Допустишь ошибку, — не беспокойся, поправим.

— Лучше, конечно, если ошибок совсем не будет, — вставил Джесиб.

Все замолчали. Тишину нарушил Шач Чукбар.

— Знаешь, уважаемый Чанагв, ведь Еснат прав, что просит дать ему время для размышления, — сказал он.

— Как ни коротки слова «да» и «нет», а все же они требуют самого серьезного отношения. Серьезный человек быстро никогда не решает важного вопроса — быстро

только заяц бегают. Я знаю нашего Есната: хотя он еще молод, но если даст слово, то обязательно выполнит. Дай ему хорошенько обдумать!

— Ладно, пусть подумает, — ответил Чанагв, бросив взгляд на Есната. — Только помни, Еснат, мое обещание: наше правительство, партийная организация и я сам будем тебе помогать.

— О, тогда я согласен, — встрепенулся Еснат. — Я хорошо помню тебя, Чанагв, и знаю, что для тебя стоит дать слово. Ты почти убил меня, сказав, что я в такое время ничего не делаю. Теперь обещаю тебе работать не жалея сил, чтобы принести пользу народу.

— Одних сил твоих мало, Еснат, — улыбнулся Чанагв. — Надо организовать других вокруг себя. А у тебя есть такие способности — это я подметил еще там, в общности...

— Ты слишком их преувеличиваешь, уважаемый Чанагв. Но я сделаю все, что смогу.

Они пожали друг другу руки и обнялись.

Спустя не так уж много времени укрупненный колхоз «Новая жизнь» стал одним из передовых в Гудаутском районе и получил немало премий на Всесоюзной выставке в Москве.

Еснат Барцыц четверть века протрудился бессменным председателем этого колхоза, а затем работал председателем сельсовета в родной Блабурхве. На его груди засиял орден Ленина. Характер у него изменился: стал он отзывчивее, внимательнее к людям. И всегда односельчане отзывались о нем добрым словом.

ПОПРАВКА ДЖАРНАЗА

В горной Абхазии, в верховьях бурной Гализги, ныне красуется горняцкий город Ткварчели, или, как его называют абхазы, коренные жители этих мест, — Ткварчал. Кто не знает или не слышал о богатствах здешних недр, о славных трудовых подвигах ткварчельских шахтеров!

Но, вероятно, мало кто знаком с одной небольшой, но примечательной подробностью из истории этого города. Вряд ли кто помнит сейчас об участии местного пастуха Джарназа Арыша в составлении первоначального проекта строительства Ткварчели.

Еще в самом начале 30-х годов, когда в ущелье Гализги строилась первая шахта, у горняков возникла мысль воздвигнуть здесь первый в Абхазии красивый и благоустроенный социалистический город. Замысел шахтеров поддержали в Сухуми, в Тбилиси и в Москве. Правительство поручило специальной комиссии под руководством известного архитектора академика Щуко составить генеральный план будущего города. Комиссия работала около года, а затем ее проект обсуждался и согласовывался во множестве инстанций.

Наконец выполненный по этому проекту макет социалистического города был доставлен в Абхазию и внесен в просторный кабинет председателя Совнаркома Нестора Лакобы.

Было видно, что макет изготовлен руками настоящих мастеров своего дела. Их искусностью нельзя было не восхищаться. Казалось, замысел зодчих нашел наилучшее воплощение. Все детали будущего Ткварчели были видны на макете, как на ладони: улицы и переулки, скверы и парки, школы и детские сады, Дворец культуры и кинотеатры... Макет можно было складывать и переносить с места на место. Нестор Лакоба поблагодарил архитекторов и посоветовал отвезти макет в Ткварчели, показать колхозникам и шахтерам, узнать их мнение об облике будущего города.

В ясный солнечный день макет привезли в село Ткварчели (города еще не существовало) и установили для всеобщего обозрения перед сельсоветом. Смотреть макет пришли люди и из окрестных селений. Спустились с гор и шахтостроители. Архитекторы стояли здесь же, у своего детища, давали пояснения.

Люди внимательно осматривали макет, расспрашивали обо всем, делились впечатлениями, восторгались... А к вечеру в Ткварчели приехал Нестор Лакоба.

— Уважаемые колхозники и наши первые шахтеры! — сказал он. — Новый город строится для вас. Может быть, наши друзья-архитекторы что-нибудь упустили? Или допустили ошибку? Скажите! Вы можете нам во многом помочь.

— Я думаю, что в этом красивом городе следовало бы кое-что изменить, — вдруг громко заявил, встав

со скамейки, столетний сельский пастух Джарназ Арыш. — Всякое новое дело только тогда интересно и нужно, если оно лучше старого. Вы затеяли очень большое дело — заново выстроить целый город, да еще, как ты сказал, дад Нестор, — социалистический! Значит, он должен быть лучше, то есть удобнее, красивее, чище, чем, скажем, наш старый Очамчире...

— Все это так, — прервал пастуха другой старик. — А что предлагаешь, уважаемый Джарназ?

— Скажу, скажу!.. Местность наша, как все вы знаете, горная, скотоводческая. Вряд ли люди быстро откажутся от добрых старых обычаев и традиций... Что ж, наши сыны и внуки будут и уголь добывать, и скот разводить. Большинство семей в нашем новом городе, надо думать, заведет своих коров, чтобы для детей всегда было в достатке свежее молоко. А ведь каждое утро эти коровы будут идти на горные пастбища да возвращаться вечером через весь город. И, ничего не поделаешь, они каждый день станут загрязнять наши чистенькие улицы — вот как еще бывает в Очамчире... Я и предлагаю поэтому провести вокруг города отдельную особую улицу да еще маленькие переулочки, ведущие к этой большой окружной дороге, чтобы только по ним гнали скот, не нарушая чистоты и порядка на главных городских улицах и в парках.

— Чудесное предложение! — воскликнул Нестор Лакоба.

— Правильно! Верно! — раздалась отовсюду одобрительные возгласы.

— Умное предложение! — вновь сказал Лакоба, подошел к старику, обнял его и торжественно произнес:

— Живи еще сто лет, почтенный Джарназ! И всегда учи нас своей мудрости!..

Когда русским гостям перевели слова Джарназа, они также одобрили предложение старика, а академик Щуко подошел к нему, крепко пожал ему руку и попросил переводчика перевести пастуху свои слова:

— Почтеннейший! Я и мои коллеги, составлявшие этот план, признаем непреложную справедливость ваших слов. Ваши замечания, абсолютно правильные, мы принимаем с большой благодарностью. В ближайшие же дни это упущение мы исправим: окружная дорога и переулочки для скота будут внесены в план. Большое спасибо вам!..

Возвращаясь вечером в Сухум, архитекторы и Нестор Лакоба не раз вспоминали сельского пастуха и его несколько удивительное, на первый взгляд, но весьма дельное и целесообразное — конечно, по тем временам — предложение.

— Он преподавал нам сегодня хо-ороший урок! — сказал Щуко. А затем, обращаясь к Лакобе, добавил: — Вы очень верно сказали, что в народе могут подать нам ценную мысль.

— Это мое постоянное правило, — ответил Лакоба. — Когда трудно решить что-либо самому, обязательно надо посоветоваться с людьми. Мудрость народа всегда выручит.

ЭСТАФЕТА

В старину, когда не было ни поездов, ни самолетов, ни электричества, срочные письма посылались особыми конными нарядами. Передавали вести друг другу быстро, едва успев соприкоснуться стремями.

«Стафа» — итальянское слово, означающее стремя, а «стафета» — гонец. Передать эстафету еще означало — передать наказ от поколения поколению.

Об одном случае такой своеобразной эстафеты — эстафеты аламыса — мне и хочется сейчас рассказать.

История эта берет свое начало в обороне города-героя Севастополя в дни Великой Отечественной войны. Черным кольцом в 1941 году окружили немецкие фашисты этот прославленный город. Шли ожесточенные бои.

У Мекензиевых гор, на холме, имевшем важное стратегическое значение, стояла наша батарея, где наводчиком одного из орудий служил молодой абхаз Нури Смырба. На этом участке враг стал усиленно нажимать, и наши бойцы были вынуждены временно отступить. Случилось так, что под ураганным огнем фашистов вышли из строя все бойцы батареи. В живых остался

только Нури. Он понимал, почему враги так обрушились на этот холм, и знал, что если им удастся его занять, то с высоты они еще больше усилят свой уничтожающий огонь. И юноша твердо решил ни за что не подпускать фашистов к холму. Он быстро заряжал оружие и стрелял, стрелял, сдержав фашистов до подхода высадившейся с кораблей гвардейской Чапаевской дивизии. Гвардейцы разбили врага, выручили и Нури, и его оружие, с которым он так и не расставался потом до самого Берлина.

Об этом подвиге молодого артиллериста-абхаза писала фронтовая газета. Вступив в Чапаевскую дивизию, Нури встретился здесь с другом детства, Джарназом Абухба, с которым вместе учился в сухумской школе, жил в одном интернате. С тех пор они стали и вместе воевать.

Под самым Берлином Нури был убит и посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. Джарназ тоже отличился в боях за Берлин и был награжден боевым орденом.

Вернувшись после окончания войны в родное село, Джарназ часто рассказывал односельчанам о своем друге.

Однажды в колхоз «Апсны Капш» приехал из Сухуми работник абхазского литературно-художественного журнала «Алашара». Услышав от колхозников про рассказы Джарназа о подвигах Нури, он обратился к нему с просьбой написать свои воспоминания о герое для журнала.

— Вы были свидетелем его подвигов, — сказал он Джарназу. — Опишите их, пожалуйста. Если одной статьи будет мало, напишите несколько. Мы обязательно напечатает.

— Я не писатель и не журналист, — ответил Джарназ.
— Но хочу, чтобы светлая память о моем друге, беззаветно защищавшем Родину, сохранилась, и постараюсь, как смогу, написать...

Спустя некоторое время Джарназ принес в редакцию свои воспоминания. Вскоре они были опубликованы в журнале. Редакция перевела ему гонорар в колхоз через сельскую почту.

Как-то вернувшись с поля домой, Джарназ узнал, что на почте для него получены деньги из Сухуми.

— Я стал журналистом, — похвалился он своему деду за ужином.

— Каким образом? — спросил старый Лагустан.

— Помнишь, я показывал тебе абхазский журнал. Там рассказывалось о Нури Смырба, моем фронтовом товарище.

— Да, да, помню, как же! Хорошо ты написал о своем друге. Славный был малый!

— Мне прислали за эти воспоминания солидные деньги. Завтра утром пойду получать их.

— Какие деньги? За что? За эту самую статью?

— Да, — ответил Джарназ.

— И ты возьмешь их? — серьезно спросил Лагустан.

— А почему бы и нет?

Дед задумался, а затем, нахмутив брови, произнес:

— Получишь деньги за воспоминания о человеке, с которым дружил с детства и который погиб на твоих глазах, защищая Родину... Нет, дад, ты не пойдешь за этими деньгами и не возьмешь их ни завтра, ни послезавтра — никогда, слышишь? Разве аламыс тебе это разрешит?..

Перевода Джарназ не взял, и деньги спустя месяц ушли обратно в Сухуми.

В редакции «Алашары», где мне рассказали об этом случае, знали, почему Джарназ отказался от гонорара, но не смогли сообщить всех подробностей. А меня они очень заинтересовали, и я стал искать случая встретиться с Джарназом Абухба из села Ахуца. К счастью, он не заставил себя долго ждать.

Встретились мы с Джарназом в сельском клубе в воскресный день на собрании колхозников, где оглашали итоги соревнования двух табаководческих бригад. Одну из них возглавлял он сам. Кстати сказать, его бригада вышла первой в соревновании.

После собрания Джарназ вызвался проводить меня к общему нашему приятелю, у которого я должен был переночевать. В пути мы и разговорились. Я задал ему вопрос, верно ли, что он отказался получить гонорар за свои воспоминания о погибшем друге. И Джарназ без утайки рассказал мне о словах старого Лагустана, повлиявших на его решение, — словом, все то, о чем я уже поведал читателям.

Я не мог не увидеть необычайной чистоты чувств, проявленной и дедом и внуком.

— Ваш отказ от гонорара мне нравится, — искренне признался я. — Но ведь вы могли хотя бы пожертвовать эти деньги кому-нибудь, ну, к примеру, сиротам из детского дома.

Джарназ с удивлением взглянул на меня и сказал:

— Что я — дореволюционный князь? Или какой-то благодетель, чтобы делать эффектные жесты?! Пусть

государство отдаст кому надо — оно ведь лучше знает, куда направить деньги.

Признаюсь, я был очень приятно смущен.

Это была своеобразная эстафета, эстафета аламы-са через поколения.

ОБЕЩАНИЕ

Нас было трое в купе: двое мужчин и одна очень интересная, средних лет женщина. Вечерний ветер шевелил оконные занавески. Становилось прохладно. Мы мчались к желанному всеми и родному мне югу и старались говорить только о приятном. Мы говорили о дружбе, о любви, о чести, об абхазском аламысе...

Неожиданно женщина встала со своего места и, взволнованная, начала ходить взад и вперед по купе.

Глядя на нас прекрасными бирюзовыми глазами, она сказала:

— Я уверена, что у каждого из нас есть на совести не одно невыполненное обещание, хотя вы и могли его свободно выполнить... Я имела счастье знать человека, выполнившего свое обещание при совершенно невероятных обстоятельствах, и поэтому не забуду его никогда в жизни...

Мы попросили ее рассказать об этом человеке, а один из нас даже спросил: «Это ваша первая любовь?» Она тихо ответила:

— О нет! Я этого человека видела всего лишь два раза в жизни. Любовь — это не то слово, уважение — тоже

не то. Скорее всего — преклонение перед величайшим благородством души... — Она снова села и продолжала говорить, не отрывая взгляда от потемневшего неба за вагонным окном.

— В прошлом году мы с мужем поехали в Сухуми. Помимо пленительной природы Абхазии, нам очень хотелось познакомиться с абхазским народом, которого я еще совсем не знала и о котором слышала так много лестного...

У входа в гостиницу «Абхазия», где мы остановились, к нам подошел приятель мужа и представил своего друга — невысокого и стройного молодого абхаза. Он хорошо говорил по-русски и оказался приятным, остроумным собеседником.

Перед нами на щите висела афиша. Она извещала о заключительном спектакле гастролировавшего здесь Тбилисского театра оперы и балета — опере «Даиси».

Заговорили о театре, об этой опере. Мне ее очень расхваливали еще в Москве. Но, как нам сказали в гостинице, билеты на этот спектакль были проданы задолго до нашего приезда.

— А жаль, мне так хотелось послушать «Даиси», — я не могла удержаться от сожаления.

— Я помогу вам, — сказал юноша.

— Обещаете? — спросила я.

— Да, — ответил он серьезно. — Обещаю достать вам билеты или пропуск и принести сюда, в гостиницу, за час до начала спектакля. Раньше не смогу. Я должен немедленно выехать к себе в деревню — там неотложное дело...

Мы поблагодарили его и поднялись к себе в номер.

Прошло два дня. Вечером должен был состояться спектакль. Мы с мужем были уже одеты и ждали нашего нового знакомого.

Я волновалась — он уже опаздывал на полчаса... Наконец я увидела его, торопливо подходившего к нашей гостинице. Вскоре он постучал в дверь и вошел. Попросив извинения за опоздание, он пригласил нас пойти с ним. В вестибюле театра он протянул нам пропуска.

— А разве вы не пойдете с нами? — спросил муж.

— Извините, но я не могу пойти, — сказал он с грустью.

— Почему же? — поинтересовалась я. — У меня сегодня умерла мать, — ответил он упавшим голосом.

Мы до того растерялись, что даже не смогли сразу выразить ему свое сочувствие. У меня невольно вырвалось:

— Зачем же вы сейчас пришли сюда?

— Я обещал вам, — сказал он, а затем, еще раз извинившись, попрощался с нами и вышел из театра.

Я была потрясена этим чувством долга у человека, которого постигло огромное горе. Он ушел, и мы долго смотрели ему вслед. Мне уже не хотелось идти в театр... Я думала о силе воли этого человека. Подумать только, суметь при таких обстоятельствах найти в себе силы выполнить пустяковое, в сущности, обещание, несмотря на то, что вдруг навалилась такая страшная беда, такое непоправимое горе — смерть матери!

— Какая необычайная сила воли! — заключила она и отвела взгляд от окна.

— А ведь он сам, этот юноша, не нашел ничего необычайного в своем поступке, — заговорил молчавший до сих пор и сидевший в углу пассажир из соседнего купе. — Он просто не мог поступить иначе. И эту силу воли дал ему аламыс, нравственный кодекс абхазского народа. Я — русский, но более тридцати лет живу среди абхазов в горном селе Лата. Я полюбил абхазский народ за благородство его души, за его аламыс.

— Ну а потом вы не встречали его? — спросил я.

— Через несколько дней мы уехали из Сухуми, и больше я его не видела. Но этого юношу, его поступок не забуду никогда!

Женщина замолчала. Мне показалось, что у нее увлажнились глаза... Мы молчали. Поезд подходил к станции, зеленые и красные огоньки замелькали в окне.

КАКИЕ БЫВАЮТ ЗЯТЯ

Эту историю мне пришлось слышать из уст народного сказителя Тейба Шармата.

Было это в первые годы советской власти. В горном селе Окуми всеми уважаемый старец мегрелец Бурдгу Кардава выдал свою единственную дочь замуж за абхаза — молодого Джгуаната из села Джирхва. Очень по сердцу пришелся зять своему тестю. Бурдгу так полюбил зятя, что уговорил его остаться жить при нем со своей молодой женой и всюду ходил и ездил с ним вместе. Джгуанат относился к тестю с положенным почтением и охотно сопровождал его.

Однажды в Гали состоялся крестьянский сход, на котором решались важные и спорные вопросы. И, конечно, прибыл Бурдгу в сопровождении зятя.

Когда спор сильно разгорелся, все ждали, что скажет всегда так умно рассуждавший старый Бурдгу Кардава,

В те времена дороги были плохие — как в горах, так и в долинах. Люди передвигались главным образом

пешком. Поэтому почти все, а особенно старики, ходили держа в руке алабашу — посох с острым железным наконечником. С такой алабашей никогда не расставался и Бурдгу.

Когда старику предоставили слово, он со всего размаха вонзил свою алабашу в землю, как всегда делал в таких случаях, повесил на нее свой башлык и начал речь.

Старик говорил с жаром и долго. Все слушали его с почтительным вниманием. Зять, вытянувшись в струнку, стоял возле него.

Окончив речь, встреченную общим одобрением, Бурдгу надел на себя башлык и вытащил из земли свой посох. Тут только он заметил на земле, вокруг наконечника своей алабаши, лужицу крови. Приглядевшись, он и стоявшие рядом люди поняли, что вонзил он свою алабашу в землю сквозь ногу стоявшего рядом зятя.

Неимоверная выдержка Джгуаната, превозмогшего боль в ноге, чтобы не нарушить речь тестя, была выражением глубокого почтения к старику.

Стоявший здесь же рядом старый Уахайд Садз, известный в округе своей строгостью в вопросах морали, сказал, обращаясь к Джгуанату:

— Меня удивляла честь, которую тебе оказывал почтенный Бурдгу, разрешая тебе всюду сопровождать его. Теперь я понял, что ты достоин этой чести!

— Раньше зять вообще не смел подходить к тестю близко, если тот не подзывал его к себе. Зять должен был всегда держаться на почтительном расстоянии... — Так закончил свой рассказ Тейб Шармат.

— Хм... — со вздохом отозвался другой старик, весельчак Джансух. — Такие зятя были раньше. А теперь пошли иные. Вот, к примеру, мой зять. В его присутствии я всегда стараюсь занять свой стул целиком. Иначе, увидев краешек стула незанятым, он сразу же сядет на него и, чего доброго, сдвинет меня с места... Вот так!..

Мы рассмеялись.

В АВТОБУСЕ

Комфортабельный автобус, мчавшийся из Сочи в Цхалтубо, остановился в Гагре. В автобус поднялись старая женщина-абхазка и молодой человек. Когда машина тронулась, все обратили внимание на то, что рядом со старухой место свободно, а молодой человек, несмотря на это, стоит, держась за поручень. На многих участках до Гудауты путь ремонтировался, автобус бросало на ухабах из стороны в сторону... Молодой человек с трудом держался на ногах, но упорно не садился.

— Почему вы стоите? Место свободно, — говорили ему пассажиры.

Но он только благодарно улыбался и по-прежнему продолжал стоять. Все смотрели на него с недоумением, никто не понимал причины такого упрямства. Удивляло пассажиров еще и то, что и старая женщина не предлагала ему сесть, хотя, конечно, была с ним знакома и несколько раз обращалась к нему.

Я сидел несколько поодаль от них.

— Сядьте на мое место, молодой человек, я вижу, вы устали, а я сяду на свободное, — предложил я.

Он поблагодарил меня и сел. И дальше, до самого Сухуми, он ехал сидя.

— Почему же он стоял до сих пор? — спросил у меня один из пассажиров.

— Давний моральный кодекс абхаза — аламыс требует неизменно почтительного отношения к старшим по возрасту, а к родителям жены — в особенности, — как мог, объяснил я. — По-видимому, молодой человек — зять этой старушки. Рядом с ней ему сидеть нельзя, а поодаль — можно.

Разгорелся спор. Одни считали поведение абхазского зятя отсталостью, находили, что давно, мол, пора отбросить старый и ненужный обычай. Другие не соглашались.

— А мне нравится этот обычай, — сказал один из пассажиров. — У меня дочь — почти невеста. Я хочу, чтобы мой будущий зять так же относился к нам, ее родителям, как этот паренек. И я думаю, — добавил он твердо, — что правильно поступают абхазы, сохраняя этот обычай.

СЛУЧАЙ НА ГРАНИЦЕ

Ангиса цветущий уголок неподалеку от Батуми. Село украшают розы всех сортов и окрасок, белоснежные лилии, гиацинты, жасмины, туберозы, гортензии... Живут в селе абхазы, потомки махаджиров. Они создали здесь волшебное царство цветов. И вокруг Ангисы, по всей Кахаберской «долине очарования», вдоль реки Чорохи, вплоть до самой границы с Турцией, тянутся многоцветные ковры.

С турецкого берега, должно быть, нетрудно разглядеть наших девушек в широкополых шляпах, собирающих лепестки роз или срезающих цветы для отправки в Москву и другие города страны. Иногда ветер доносит на тот, чужой берег, не только аромат цветов, но и песенку наших девушек:

От красных атласных и бархатных роз
веселым, как молодость, стал наш колхоз.
Мы с песней срываем цветов лепестки,
весну рассылаем во все уголки.

...В тот день над Чорохи стоял густой туман. Ничего не было видно, но гул летящих самолетов слышали все. С нашего берега поднялось несколько воздушных кораблей. Все они летели в одном направлении. Но вот с одним из самолетов что-то случилось: сперва отказал один мотор, за ним стал давать перебои другой... Надо было немедленно возвращаться на аэродром. Однако точно определить место посадки оказалось невозможным — мощные кучевые облака плотно закрыли Батуми и аэродром, равно как и берег Турции, откуда надвигалась гроза...

Пробивая облачные слои, незаметно для себя пилот спланировал на турецкую территорию. Вдруг вокруг нашего самолета в облаках мелькнули турецкие истребители. Пилот принял их за своих, но после того, как они открыли предупредительный огонь, понял, что его принуждают приземлиться на чужом аэродроме. Пришлось подчиниться и сесть на посадочную площадку в районе турецкого города Кемаль-паша.

Это была сенсация, которой давно не знавала Турция. Еще бы! «Русский самолет нарушил границу и принужден сесть на турецкой территории». Эта фраза, сообщенная по телефону в соответствующие штабы, вызвала небывалый переполох.

На аэродром прибыли журналисты и фотокорреспонденты. Они готовились запечатлеть сенсационные кадры... Яркие прожекторы были направлены на советский самолет. Вокруг построилась рота автоматчиков. Взоры людей были прикованы к дверце кабины. Все напряженно ждали...

И вот наконец дверца открылась. Вышел пилот, а за ним — высокий крепкий мужчина в штатском костюме. Он вел за руку малыша лет семи-восьми, одетого в черкеску... Турецкие охранники стали выносить из самолета ящики с розами, левкоями и другими благоухающими цветами... Мужчина — это был Нури Смырба, ботаник цветководческого колхоза «Счастье» — вез от своего колхоза подарок Москве к празднику Первого мая. А сына своего, маленького Кязыма, взял с собой, чтобы показать ему праздничную столицу...

Журналисты были разочарованы и даже удручены: никакой сенсации!.. Мирный советский самолет был нагружен цветами и сбился с пути — только и всего!.. Пришлось признать: злонамеренного нарушения границы не было.

А между тем маленький Кязым начал раздавать алые розы турецким ребятишкам, которые сумели пробиться на аэродром. И даже взрослые не могли не восхититься этими чудесными цветами, выращенными на противоположном берегу Чорохи.

Каждый год из Западной Грузии к Первому мая розы летят в Москву. На этот раз туман помешал одному из самолетов выполнить наказ цветоводов. Турки поняли это и выразили летчику свое сочувствие. Ведь красота и аромат цветов облагораживают чувства людей. Кто станет отрицать, что мир — это красивая, радостная жизнь? Жизнь, которой нужна не война, а цветы!

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

Если бы в это солнечное утро кому-нибудь пришло в голову спросить у восемнадцатилетней Шазины Царгуш: кто, по ее мнению, самый счастливый человек на свете? — она, вероятно, застенчиво улыбнувшись, ответила бы, что этого не знает. Но про себя подумала бы, что вряд ли на всей земле найдется девушка счастливее ее!

Только позавчера она приехала в Гагру погостить недельку-другую у старой тетки, доживающей здесь свой век в маленьком домике в верховьях ущелья Жоквара. И сейчас, спускаясь по ущелью к курортному парку, прыгая с камня на камень с грацией, присущей горянке, она любовалась скалами и водопадами, густым лесом и сверкающим под солнцем морем, синевящим внизу подобно второму небу. Вдыхая воздух, пропитанный ароматом цветов, она вспоминала о родном селе — Калдахваре, о своем недавнем прощании с родителями, их напутствиях. Вспомнила она и слова старого Коблуха, председателя колхоза, торжественно объявившего на последнем собрании, что ее, как лучшего молодого бригадира, правление колхоза решило направить этой

же осенью в Сухуми на курсы агрономов. Ее сердце забилося учащенной при мысли о Нури Барцыце. Юноша любил напускать на себя строгость, делавшую его лицо подчас суровым. Но когда он прощался с ней, его глаза стали совсем другими — приветливыми и бархатистыми; такими они становились всегда, стоило ему только взглянуть на нее.

К взаимной склонности молодых людей с одобрением относилось все селенье. С недавних пор не только молодежь, но и старики начали заранее предвкушать удовольствие, которое обещала им веселая свадьба.

Всё, решительно всё нравилось Шазине в красавце-женихе. Но более всего, пожалуй, его сдержанность в обращении с ней. Всем существом она чувствовала неизбывную силу его страстной любви, понимала, каких усилий стоит ему укротить свои порывы. Она выросла в семье колхозников-горцев, строгих, благородных нравов, в семье, чуждой деспотизму и ханжеству, любившей всякого рода увеселения, но не допускавшей в близких никакой распущенности. И девушка, воспитанная в духе истинного аламыса, никогда не позволяла себе вольностей, оскорбляющих слух или взор окружающих, вплоть до того, что ни за что не появилась бы небрежно одетой даже перед своими родными.

Миновав ущелье и войдя в парк, Шазина услышала смех, а вскоре увидела оживленную группу молодых людей, направлявшихся в сторону пляжа с полотенцами и фотоаппаратами в руках. Ей понравились их лица, легкие, изящные костюмы, модные прически девушек. Они посторонились, уступая ей дорогу, но она сама сделала шаг в сторону, обошла их и быстро направилась дальше.

— Ну и красавица! — донеслось до нее восклицание одного из курортников. — Легка, как серна! Сразу видно, что эта абхазка выросла в горах, — добавил другой.

— Какая точеная фигура! — громко произнесла одна из девушек.

Шазина хорошо понимала русский язык, в ней заговорила женщина, искреннее восхищение незнакомых людей доставило радость.

«Значит, не зря, — подумала она, — мой Нури из всех девушек Калдахвары выбрал именно меня...»

Шазина услышала за спиной торопливые шаги и оклик: «Извините, девушка! Одну минуту!» Остановившись, она обернулась и вопросительно посмотрела на высокого молодого человека с фотоаппаратом на груди.

— Все мы очень просим разрешить нам сфотографировать вас! — он сказал это, приветливо на нее глядя. Подошли его друзья, и все стали упрашивать ее исполнить их просьбу.

Шазина не усмотрела в ней ничего обидного или унижающего ее достоинство. В их глазах светилось расположение к ней, и она сочла невежливым отказать им.

После того, как молодой человек щелкнул аппаратом, одна из девушек сказала: «Если вы не возражаете, мы пришлем вам снимок. Скажите только ваш адрес, и вы его получите».

Шазина подумала, что в этом также нет ничего предосудительного, а Нури, ее родным и односельчанам будет любопытно посмотреть на снимок, сделанный в Гагре. И она дала свой адрес.

Дальше, они, конечно, пошли вместе. Молодые люди оживленно разговаривали с ней, расспрашивая об обычаях ее родного края.

Шазина подумала, что все они — хорошие, умные, веселые люди, и отвечала им хотя и сдержанно, но с вежливой готовностью. Но вскоре ее настроение омрачилось. Когда они проходили мимо ресторана, оттуда вышли полная женщина и мужчина, намного моложе своей спутницы. Она была в узких брюках, в обтяжку, и в нейлоновой блузке, до того прозрачной, что бюст казался совершенно оголенным. Прическа этой женщины напоминала раскрашенный в разные цвета конский хвост. На молодом человеке были лишь короткие трусы и тапочки. Не обращая никакого внимания на окружающих и подражая визгливым звукам джаза, он начал утрировать фигуры какого-то модного танца. Его кривляния напоминали ужимки расшалившейся обезьяны.

Шазина, склонная в это утро радостно воспринимать весь мир, подумала невольно, что эти люди одеты не так, как следовало бы, и ведут себя не вполне пристойно.

— Опять эта пара! — с неудовольствием произнес молодой человек, фотографировавший Шазину. — И как только им не совестно!

Одна из девушек добавила:

— В таком виде можно показаться на пляже, но уж никак не в ресторане, не на улице...

— Это еще полбеды, — заметила вторая девушка. — Ведь они вытворяют бог знает что!

— А нам-то какое дело! — пожала плечами третья из подружек.

— Почему же? — горячо воскликнул юноша. — Своими неприличными выходками они позорят всех приезжих.

— В семье не без урода, — примирительно заметила девушка.

— Тоже философия! — возмутился юноша. — Эти-то уроды и возбуждают против нас иных местных жителей, заставляя их думать о нас хуже, чем мы есть на самом деле.

Шазина не вмешивалась в этот разговор. Ей вдруг захотелось побыть наедине со своими мыслями о Нури, о своем счастье, и, распрощавшись с новыми знакомыми, она свернула на другую улицу.

Приближаясь к пляжу, девушка вдруг снова увидела перед собой того курортника в трусах. Он уже расстался со своей дамой и стоял теперь с каким-то приезжим, напавшим на себя нечто вроде пестрой распашонки. Заметив Шазину, курортник в трусах ухмыльнулся и громко воскликнул:

— Ну и бабенка! Блеск!

Шазина, низко опустив голову, быстро прошла мимо, но сейчас же услышала за собой быстрые шаги, а затем до нее донеслась нецензурная, похабная фраза. От жестокой обиды неистово забилося сердце, к щекам прилила кровь. Она ускорила шаги. Неожиданно субъект в трусах, забежав вперед, преградил ей путь и напыщенно произнес:

— Не откажите в знакомстве, божественная!

Метнув на обидчика яростный взгляд и оттолкнув его локтем, Шазина пустилась бежать... Вслед ей донесся наигранный хохот и возглас:

— Подумаешь — принцесса! Видал я таких!..

Шазина продолжала бежать, ничего не видя перед собой от закипевшего гнева. «Как земля терпит такого!»

— мелькнуло у нее в уме. В ее воображении всплыло лицо жениха. «Попадись ты только Нури, он из тебя бурдюк сделает!» Она замедлила шаги и увидела совсем близко перед собой безмятежно спокойное голубое море. Сердце стало биться ровнее. Ей захотелось поскорее охладить жар своего тела в прохладных волнах...

Пляж был переполнен купающимися. Она прошла на самый его край, где народу было меньше, и начала расстегивать платье, надетое поверх купального костюма. Вдруг она почувствовала на себе чей-то взгляд, резко обернулась и вновь встретила глазами со своим обидчиком. На этот раз он был один и, ухмыляясь, в упор смотрел на нее. Под его назойливым, оскорбительным взглядом она снова почувствовала себя раздетой, вновь застучало сердце, прилила кровь к щекам, и, отвернувшись, девушка направилась обратно, к центру пляжа, застегивая на ходу платье... Пройдя немного, Шазина оглянулась. Ее обидчик исчез. Но гневное волнение не улеглось, как она ни силилась заставить себя успокоиться, не выдать волнения людям. Оскорбительные, грязные слова обидчика, его тяжелый похотливый взгляд не переставали преследовать ее и заставляли внутренне съеживаться. И странно: испытывая к нему отвращение она вдруг почувствовала отвращение и к своему чистому, никем еще не тронутому телу.

Это было похоже на чувство, однажды испытанное ею в детстве. Как-то играя вместе с братиком в поле в жаркий июльский полдень, она увидела буйвола, спасавшегося от жары в тени большого дерева. Дети залезли на его спину и начали дергать за уши и хвост, не давая ему покоя, чтобы он поднялся и покатал их на себе. Буй-

вол, действительно, поднялся и, неся детей на могучей спине, спокойно зашагал под их радостные крики. Однако радость их длилась недолго. Увидав в конце поля довольно глубокую лужу, изнывавший от жары буйвол с необычным проворством повернул туда и, войдя; в трясину, лег и растянулся. Детей чуть было не засосало, но, к счастью, проходившие мимо люди их вытащили. Шазина хорошо помнила, как она оказалась тогда облепленной липкой зловонной тиной, которую долго потом отмывали. И вот сейчас на нее дохнуло такой же зловонной тиной, и она ощутила грязь на своем теле.

Девушка заметила невдалеке группу своих недавних знакомых. Увидев ее, молодые люди замахали ей руками, приглашая присоединиться к ним. Вначале ее потянуло к этим приветливым, веселым и общительным людям, но тревожное состояние не позволило ей подчиниться этому порыву, лучезарный день для нее померк. Она вспомнила абхазскую пословицу: «Не вноси в чужой дом свое плохое настроение», помахала рукой в ответ и, покинув пляж, направилась домой.

Тете она не стала рассказывать о своих встречах, чтобы не огорчать старуху. Но от зорких глаз тетки не укрылось плохое настроение девушки.

— Ты всего лишь два дня у меня, а уже, вижу, соскучилась, — сказала она и, очевидно, чтобы развеселить Шазину, предложила: — Сегодня, говорят, в кино показывают очень веселую картину. Я давно не смотрела картин, не пойти ли нам с тобой туда?

— Пойдем, конечно, тетя! Пойдем! — живо отозвалась Шазина, хотя до этого и собиралась просидеть весь вечер дома, чтобы вновь случайно не встретиться с тем нахалом в трусах.

Когда они подошли к кинотеатру, у кассы толпился народ. Здесь Шазина увидела своего односельчанина Тейба, старого колхозного пчеловода, приехавшего к сыну в Гагру. Они обрадовались друг другу и разговорились о колхозных делах.

Среди толпившихся у входа в кино людей Шазине бросилась в глаза пожилая курортница, которую она утром видела в обществе своего обидчика, а рядом с ней девушка заметила и его самого. Он был все в тех же трусах, что и днем. Оглядев Шазину с головы до ног, он нагло ухмыльнулся и попытался протиснуться ближе к девушке. Шазина почувствовала большое желание дать ему пощечину, и, может быть, так бы и сделала, но в этот момент раздался звонок, извещавший о начале сеанса, и поток людей увлек их в зрительный зал.

— Не смущайся, дад, — произнес на ходу с легкой усмешкой заметивший все старый Тейб. — Здесь это — обычное явление. Некоторые курортники умудряются принимать солнечные ванны и ночью...

— Но ведь здесь не пляж! — строго сказала старая тетя.

Раннее утро следующего дня на побережье было безмятежно тихим. Ни одна морщинка не бороздила зеркальной поверхности бухты. И конечно, никому из жителей обеих частей Гагры — и Старой и Новой — не могло тогда прийти в голову, что не успеет взойти солнце, как вдруг ни с того ни с сего взбаламутится море и поднимется небывалый шторм.

Сначала из-за гор появились редкие клочья облаков, потом они соединились, быстро сгустившись, в ог-

ромную черную тучу, нависшую над морем и закрывшую небо до самого горизонта. Ветер усиливался и выл все громче. Внезапно в море, перед Жоэковским ущельем, взвился гигантским столбом смерч. На землю сплошной стеной обрушился ливень. Превратившись в яростный поток, он размыл плотину гидростанции и обрушился с отвесной горы вниз на дома, расположенные вдоль берега речушки в узком ущелье.

Жители побережья до сих пор помнят об этом ужасном бедствии. Скорость ветра достигала невероятной силы. Ураган сносил не только крыши, но и дома. В море неслись остатки разрушенных построек, мебель, домашняя утварь, люди и животные. Их встречали громадные валы и уносили в пучину...

Но вот ливень прекратился, ураган стал стихать, только море продолжало бесноваться. Люди, сгрудившиеся на берегу, видели, как отчаянно боролись со смертью погибающие, хватаясь за плавающие поверх волн различные предметы.

Вдруг все различили на гребне гигантской волны фигуру отчаянно боровшейся со стихией стройной, совершенно нагой девушки.

— Шазина! — раздался отчаянный зов. Это кричал старый Тейб. — Шазина! Бедная Шазина! — вопил он, простирая к девушке руки.

Да, это была Шазина, девушка из Калдахвары. Держась за какой-то обломок, она взлетала на волнах и исчезала в бурлящей пене, снова появлялась, приближаясь к берегу. И вдруг, выпустив из рук обломок, стала растерянно прикрывать ладонями обнаженную грудь и живот, видимо, стыдась своей наготы...

— Ха-ха-ха! — вдруг раздался в толпе грубый хохот, и кто-то громко вскричал: — Лешка! Гляди: это — она. Она!..

Этот голос донесся до слуха девушки, боровшейся с волнами. Она его узнала. Острое чувство беспомощности пронзило мозг. Несколько взмахов руками, и она была бы уже на берегу. Но девушку покинула решимость.

Осознав себя на грани смерти, Шазина подумала с тоской: «Что же я делаю?!» И эта секунда промедления решила ее судьбу: новый мощный вал набросился с ревом на свою жертву и со всей силой отбросил ее далеко назад в море...

Люди на берегу словно оцепенели от ужаса.

— Что это? — спросил кто-то, нарушая грозную тишину. — Случай или аламыс?

— Конечно, аламыс! — ответил другой. — Она ведь была уже почти на берегу.

— И то, и другое, — сказал третий. — Девушка погибла.

— Да-а-а... — тяжело вздохнул кто-то рядом. — Видели, как она, бедная, боролась со стихией?.. Какая она была молодая, сильная и красивая!.. Как хотела жить! И отдала свою жизнь, лишь бы не предстать перед людьми нагою, не знать позора. Не захотела ради спасения пренебречь девичьим достоинством...

— Не понимаю, почему так с ней получилось! — затараторила находившаяся здесь же непомерно раскрашенная курортница. — Ведь она была почти у берега. Стыдиться показаться на людях голой!.. Ведь это — предрассудок, вздор! Подумаешь, что бы с ней произошло? Ровным счетом ни-че-го! А все эти условности

— девичье достоинство, стыдливость, целомудрие, честь — сплошная чепуха. И только!

Ответом ей было суровое, осуждающее молчание. Не проронил ни слова и старый Тейб. О, он хорошо понимал, что в несчастной девушке и на грани смерти заговорил аламыс, над которым хотел надругаться тот человек в коротких трусах и который для нее, девушки из Калдахвары, был сильнее страха смерти.

— Смотрите! Смотрите! — крикнул кто-то, и все увидели, как новая волна выбросила безжизненное тело Шазины на берег. Люди подбежали и склонились над ней. Девушка не шевелилась. Она была мертва.

Старый Тейб обвел свидетелей этой трагедии скорбным взглядом и, сорвав с себя резким движением бурку, прикрыл ею обнаженное тело девушки. Затем молча поднял Шазину и бережно, как уснувшего ребенка, взял ее на руки и понес.

ПАРИ

— Было это с полвека назад, — начал стопятидесятилетний Адзин Шьмаф. — Неподалеку от Сухума, в селе Эшера, у самого моря, в своем богатом имении жил князь Чачба. Любил он задавать пиры, длившиеся иногда по несколько суток. Дом князя был большой, а вокруг — прекрасный фруктовый сад. Богатые и знатные гости с удовольствием проводили у него время.

Как-то раз за столом после всяческих сплетен и пересудов гости завязали спор — ну, о чем бы вы думали? — о честности и правдивости. Одни утверждали, что на свете очень мало честных людей, другие вовсе отрицали их существование, третьи горячо доказывали, что искренность — удел только глупцов. Все гости, однако, сходились на том, что никому из них ни разу не посчастливилось встретить предельно честного и правдивого человека.

«А вот мне хорошо известен такой человек!» — вдруг заявил молчавший до сих пор хозяин дома Каламат.

Все изумленно уставились на него.

«Как это ни покажется вам странным, — продолжал хозяин, — из всех знакомых мне людей самым честным я считаю моего пастуха Керима. Он пасет мою баранту уже больше десяти лет. И за все это время ни разу мне не солгал. Не солжет и впредь. Никогда! В этом я абсолютно уверен».

Среди гостей были самурзаканский князь Чончор Чхотуа и его очаровательная жена Маринэ. Молодая княгиня властвовала над своим пожилым мужем и делала с ним что и как хотела. Она была высокомерна, горда и капризна.

«Ой ли, князь Каламат! — вскричала, усмехнувшись, Маринэ. — Смотрите, как бы вам не пришлось разочароваться в вашем пастухе!..»

«Почему вы так думаете, княгиня? — недоуменно спросил Каламат. — Керима я знаю достаточно хорошо. А вы, я полагаю, ни разу его не видели и не знаете совсем».

«Для меня достаточно того, что он — пастух. А у простонародья всегда можно купить совесть за гроши. В этом я тоже абсолютно убеждена».

«За Керима я ручаюсь», — заявил Каламат.

«Хотите, заключим пари!» — предложила Маринэ.

«Согласен! Ставьте ваши условия».

«Ставлю, — быстро отозвалась княгиня. — И ловлю вас на слове: если проиграете вы, то отдадите мне вашего вороного, на котором джигитовали вчера на скачках. Он мне очень нравится».

«Сахтана? — спросил кто-то из гостей. — Каламат ни за что не расстанется с этим жеребцом! Такого коня не сыскать во всей Абхазии...»

«Если княгине так нравится мой Сахтан, то я дарю его и без пари! — произнес Каламат. — Я...»

«Нет, нет! В данном случае меня интересует не конь, а игра. Хочу выиграть пари. Ну, вы согласны?»

«Как вам будет угодно, княгиня. Я согласен»

«А если проиграете вы, Маринэ? — отозвался другой гость. — Что дадите Каламату?»

«Пусть Каламат скажет сам», — ответила Маринэ.

«Ну что ж, пусть вашей ставкой будет вчерашний призер — Цира. Согласны?» — спросил Каламат.

«О да! Конечно, согласна!»

«И вы согласны, Чончор Иванович?» — обратился Каламат к самурзаканскому князю.

Все знали, что старый князь больше всего на свете дорожит своей прославленной кобылой.

«Видите ли, — медленно проговорил князь, стараясь не встречаться взглядом с женой. — В моем ачигварском табуне немало прекрасных коней. Есть и отличные жеребцы. Двух, а то и трех коней дам на выбор, только не Циру. Если вы, конечно, не возражаете...»

«Я возражаю! Я! — властно оборвала мужа Маринэ. — Здесь не ачигварский базар, Чончор Иванович, вы хорошо это знаете. — И бросив в сторону мужа деланоласковый взгляд, спросила с ударением: — А разве это не так, мой дорогой? Или, может быть, теперь вы уже согласны? А-а?»

«Нет, нет! То есть: да, да!.. Я, конечно, согласен, — быстро пробормотал муж. — Я только подумал...»

«Никого не интересует то, что вы подумали. Важно только, что и вы согласны, И все дело с концом!» — оборвала мужа Маринэ.

В этом месте своего рассказа старый Адзин Шьмаф сделал маленькое отступление, содержащее сентенцию о мужьях, подобных Чончору: «Когда жена так помыкает мужем и властвует над ним, то он уже не муж и вообще не мужчина. И на голове пусть носит не папаху, а козынку. Так я думаю уже больше ста тридцати лет. И не разубедился в этом!» И продолжал:

— Стараясь побольше узнать о человеке, который, по словам князя Каламата, ни разу ему не солгал, Маринэ долго расспрашивала хозяйку дома и служанок, выведала кое-какие подробности, которые решила использовать в своих целях.

Было уже за полночь, когда гости и хозяева заснули глубоким сном. Не спалось только Маринэ, думавшей об одном и том же: как выиграть пари? Правду сказала она тогда Каламату: не Сахтан интересует ее, а только игра, азарт, всегда приятно щекочущий нервы... И Маринэ приняла решение.

...Шалаш пастуха Керима находился в долине, на расстоянии часа ходьбы от дома Каламата. Ночь выдалась лунная. Было очень тепло. Пряный аромат горного рододендрона наполнял воздух. Керим лежал на бурке у шалаша. Он не спал. Вокруг молчало все. Внезапно пастуху послышался шорох. Керим обернулся и обомлел: перед ним стояла молодая, вся в белом, женщина. Он никогда в жизни не видел такой красавицы. Пастух вскочил на ноги. «Не Гунда ли это из сказки? — подумал он. — Конечно, Гунда». «Я не привидение, — сказала женщина, и этот голос напомнил ему звуки ачарпана. — Я знаю, что ты скучаешь в одиночестве. Мне тоже сегодня не спится, и я пришла посидеть с тобой. Со мной тебе не будет скучно».

Совладав с растерянностью, Керим пригласил гостью присесть на его бурку. Некоторое время оба молчали. Затем, осмотревшись, женщина заметила у самого входа в шалаш белого ягненка. Шейка его была обвязана розовой лентой. Гостья спросила: «Этот ягненок — тот самый, любимчик твоих хозяев — князя Каламата и его жены?»

«Да, верно, он самый и есть, — ответил пастух. — Но откуда тебе это известно, красавица?»

«Какой он красивенький! Подари мне его!»

Керим следил за каждым ее движением, и все в ней волновало его. Уж слишком красива была эта Гунда. «Недаром в сказке называют ее красоту неземной, — мелькнуло у него в голове. — Недаром она свела с ума знаменитого богатыря — нарта Сасрыкву. Он был очень силен и смел, этот богатырь. Сколько красавиц пытались подчинить его своим чарам, но ничего не сумели поделать. А вот встретил он только раз Гунду и сразу же загорелся таким страшным огнем, который ничем не тушится, пока не сгоришь совсем. Люди называют этот огонь страстью. Нарт Сасрыква так и сгорел, даже не коснувшись ее и мизинцем своего пальца...» Керим тоже чувствовал сейчас, будто охватило его всего какое-то пламя. Трепетно, с восхищением смотрел он на таинственную незнакомку.

А бывалая светская львица безошибочно угадывала, что происходит с этим пастухом, словно читала его мысли.

Керим сознавал, что не устоять ему против искушения. Он хотел скрыться, бежать, но не в силах был даже сдвинуться с места.

«Ну, — сказала, наконец, она. — Что так долго раздумываешь? Я дам тебе за ягненка много денег», — она сняла одно из колец, которыми были унижены ее пальцы.

«О нет! Не надо, не надо! — воскликнул он. — Не нужны мне деньги и золото. Послушай и пойми: если тебе нужна моя жизнь, — возьми, очаровательная Гунда. Я с наслаждением отдам ее тебе, потому что жизнью своей могу распоряжаться. Но этого ягненка я отдать не могу. Он не мой, а хозяина. Хочешь, дам тебе другого, точь-в-точь такого же? Ничем не отличишь его от этого, разве только розовой лентой вокруг шеи. Они ведь и на свет появились одновременно... Возьми того, другого! Я сейчас принесу его и покажу. Я...»

«Нет! Не другой, а этот полюбился мне сразу. Дай мне именно этого. Тогда я полюблю и тебя...» — Женщина лукаво улыбнулась.

Керим чувствовал, что почва уходит из-под его ног. Слишком велик был соблазн, слишком пленительна Гунда...

«Ведь ты же сам сказал, сейчас, что ягнят не отличить друг от друга, — строго промолвила гостя. — Так сними эту ленту и обвяжи ею шею другого ягненка. Каламат никогда не узнает о замене. Знать будем только ты и я...»

И, вновь улыбнувшись, заключила: «Неужели любовь Гунды не стоит такого, самого невинного обмана?!»

Эти слова потрясли и отрезвили Керима. Да, эта странная Гунда толкает его на обман. Сбравшись с силами, он хотел уже сказать «Нет!», как снова заговорила гостя.

«Ну, скорее же! — торопила она. — Ночи осталось мало, и я жду твоей ласки, милый мой Керим!» — Она совсем близко подошла к нему. Он ощущал ее дыхание, теплоту ее тела. В порыве страсти он обнял женщину и стал осыпать ее поцелуями...

На другой день утром гости Каламата, завтракая, толковали о странном ночном исчезновении княгини. Вдруг вошла Маринэ и, приоткрыв шаль, поставила на пол перед всеми крохотного белого ягненка, шея которого была перевязана розовой лентой.

«Вы проиграли мне вашего Сахтана, князь, — сказала она. — Вот ваш любимчик. Пастух отдал его мне, а вам, если поинтересуетесь, покажет другого, очень похожего, с такой же лентой. Проверив, вы и сами убедитесь, что он не так уж тверд в своей честности, как вы утверждали в споре со мной».

«Я не проиграл, княгиня, — ответил Каламат, улыбаясь в пышные усы. — Вы довели его до того, что он, действительно, отдал вам нашего любимчика. Но утром, как только занялась заря, он пришел и рассказал мне все... Между прочим, Керим сейчас здесь, на кухне. Если вам угодно, могу позвать его, и он повторит свой рассказ в присутствии уважаемых гостей...»

«Нет, ради бога, не надо!» — едва вымолвила побледневшая княгиня и, закрыв лицо руками, с трудом произнесла:

«Я проиграла пари...»

Словно подкошенная, Маринэ опустилась на стул.

МУТАКА

Автобус шел из Зугдиди в Сухуми. Дороги тогда, в 20-х годах, у нас были еще неважные. Наступил вечер, сумерки окутали шоссе, и ливший весь день дождь превратил дорогу в липкое месиво. Где-то у сельской околицы, за Гали, автобус забуксовал в грязи и безнадежно застрял. Все старания шофера и всячески помогавших ему пассажиров сдвинуть машину с места не дали результата.

— Ничего не выйдет! — отрезал, наконец, шофер. — Придется ждать рассвета. Переночуйте в селении, а завтра с утра все уладим. Делать было нечего, пассажиры разбрелись кто куда. Я и моя случайная спутница, соседка по автобусу, пошли на край села, где мерцал какой-то огонек.

Хозяева ближайшего домика приняли нас довольно радушно, посочувствовали нам, угостили и предложили расположиться на ночь в одной из двух крохотных комнаток, а сами поместились во второй, еще меньшей.

В отведенной нам комнате стояла только одна, едва уместившаяся в ней, широкая тахта. Но выбора не было. Усиливавшийся дождь лил, как из ведра. Моя спутница, уставшая, по ее собственному выражению, до предела, тут же опустилась на тахту.

— Безумно хочется спать. Обещаю, несмотря на неудобства, спать мертвецким сном! — Затем, чуть улыбнувшись, она сказала: — Не знаю, нужно ли об этом говорить... Но я так мало знаю вас... Короче: я рассчитываю на ваше благородство и хочу надеяться, что вы не воспользуетесь нашими бедственными обстоятельствами... Вы меня поняли? Могу я спокойно спать?

— О да, конечно! — поспешил я ответить вполне серьезно.

— Как знать, — вновь лукаво улыбаясь, сказала она. — Я не верю вам.

— Почему же? — удивился я. — Не внушаю доверия?

— Я еще не встречала человека, который, очутившись в подобной обстановке, не злоупотребил бы доверием слабой и беззащитной женщины. Нет таких мужчин!

Мне стало обидно за мужчин вообще и за себя, в частности.

— Неужели вы никогда не встречали порядочного мужчины?

— Представьте, нет! Если же вы составляете счастливое исключение и сумеете меня разубедить, поверьте, я буду очень вам признательна...

Я уже собирался было уходить и стучаться в другой дом, но после такой тирады решил остаться и доказать этой женщине всю несостоятельность сложившегося у нее мнения о мужчинах. Все же я сказал: — Знаете, я могу уйти в другой дом, думаю, что это недалеко...

— Нет, нет, ни в коем случае! — энергично запротестовала она. — Я боюсь оставаться здесь одна... Умоляю вас, не уходите. А то и мне придется уйти с вами!..

Я остался.

Устроившись на одной стороне тахты и предложив мне вторую, она положила между нами мутаку — округлый валик, который обычно кладут под подушку, — и сказала:

— Все-таки пусть эта преграда существует и напоминает вам о долге благородного человека. Я же, со своей стороны, буду счастлива, что встретила такого мужчину, который поможет мне изменить свое мнение о всем вашем поле...

— Спите спокойно! — повторил я еще раз. — Я докажу вам на деле, что вы ошибались.

— Докажете? Ну и отлично! — Она сделала усилие, чтобы не зевнуть открыто, затем повернулась на другой бок, к стенке, и вскоре заснула.

Наутро, поблагодарив гостеприимных хозяев за ночлег и внимание, мы вышли из домика и направились к злополучному автобусу. Солнце уже восходило, но от вчерашнего ливня остались лужи. Перед нами возник большой ров, вокруг него оказалась непролазная грязь и все те же лужи. Чтобы обойти ров, пришлось бы как следует вымесить грязь. А надо было уже спешить, и отсюда стало видно, что у автобуса собрались люди и, вероятно, с нетерпением ждут нас. Поэтому я решил перепрыгнуть ров и предложил моей спутнице взять ее на руки.

— Гм... — криво усмехнулась она, и удивление четко обозначилось на ее красивом лице: — Вы станете прыгать через этот ров, да еще вдобавок со мной?!

— Ну, да! А что? — спросил я. — Очевидно, я твердо рассчитываю на свои силы...

— Да вы ночью не смогли перепрыгнуть через маленькую мутак, а теперь отваживаетесь преодолеть такой солидный ров. — И она вызывающе пожала плечами.

Я потерял дар речи.

— Ну что ж, попробуйте! — продолжала она, как ни в чем не бывало.

Я так растерялся перед столь поразительным коварством, что просто не знал, как поступить. Но в этот момент мы услышали зов — нас заметили заждавшиеся пассажиры.

Оттого ли, что я рассердился, силы у меня удвоились, я схватил ее, поднял, как перышко, перепрыгнул через ров и опустил ее на ноги. Затем мы молча пошли к автобусу.

Пассажиры заняли свои места, и автобус тронулся. Сидя рядом, мы продолжали молчать. Наконец, она первой нарушила молчание, сказав вполголоса:

— Очень хочу знать, о чем вы сейчас думаете...

Я не издал ни звука.

— Знаете, что писал Чехов? — спросила она. — «Когда нечего сказать, говори правду!»

— Стоит ли вам высказать правду? Вот вы вспомнили Чехова, а я припомнил слова Тургенева насчет женской логики. Он, не помню по какому именно поводу, писал: «Мужчина может сказать, что дважды два — пять, или семь, или девять, а женщина скажет, что дважды два — стеариновая свеча».

Когда мы добрались, наконец, до Сухуми, она, пожимая на прощанье руку и смотря прямо в глаза, сказала мне:

— А логика, собственно, вот в чем — и запомните это навсегда! — женщина прощает все, кроме пренебрежения.

МИЛИЦИОНЕР МУРАД

В знойный июльский день на углу одной из улиц Сухуми, рядом с киоском от большого универмага, дежурил на своем посту милиционер Мурад. Пожилой, но все еще бравый на вид, с лихо закрученными большими усами, он, как всегда, спокойно поглядывал на поток прохожих, многие из которых были ему знакомы. Внезапно до слуха Мурада донеслись резкие слова, обращенные одной поравнявшейся с ним женщиной к хныкающему малышу, которого она вела за руку. Мальчик остановился у витрины киоска и не хотел идти дальше, а мать тащила его и угрожала:

— Подожди, сейчас тебя заберет тот милиционер с усами!

Мурад нахмурился. Ему и прежде приходилось слышать такие слова... Он с досадой подумал: «Неприятная гражданка... Разве я — пугало?..»

— А вот и милиционер! — продолжала женщина. — Он тебя заберет сейчас, если не перестанешь...

— Не пойду я дальше! — упирался мальчик — Купи медвежонка, мама! Ведь ты обещала...

— Не сейчас, завтра куплю.
— Все завтра и завтра!.. Вон он, мишка. Купи сейчас.
— Отстань! Видишь, милиционер уже смотрит на тебя... Вот сейчас он тебя заберет.

Потеряв терпение, Мурад приложил свисток к губам и шагнул к женщине.

— Будьте добры, гражданка, платите штраф.

Женщина удивилась.

— За что? — спросила она. — Разве мы с сыном нарушили правила уличного движения?

— Хуже — произнес милиционер. — Я штрафую вас за клевету на милицию. Вы пугаете мной вашего мальчика. Я ведь не пугало.

Женщина растерялась.

— Но так все говорят, когда дети не слушаются...

Мурад настаивал на своем: «Не возражайте и платите штраф. Один рубль».

Вокруг стали собираться любопытные. Кто-то пытался защитить женщину.

— Нечего ее защищать! — строго заявил милиционер и добавил: — Если и вы пугаете своих детей милицией, то оштрафую и вас.

Непрошенные «адвокаты» отступили, а смущенная женщина достала из сумки рублевку и с сердцем отдала Мураду. Тот выдал квитанцию, вложил деньги в квитанционную книжку, спрятал ее в боковой карман гимнастерки, а затем сказал:

— Еще минутку, пожалуйста, — и подошел к киоску. Достав из кармана брюк бумажник, он купил медвежонка и, вернувшись, протянул игрушку мальчику: — Возьми, малыш. Это тебе от меня на память...

Хмурое личико мальчика озарилось радостной улыбкой. Он обхватил мишку обеими ручонками, сияя от счастья.

— Ну а теперь скажи, — продолжал Мурад, — дядя милиционер — плохой или хороший?

Мальчик потянулся к нему и под общий хохот собравшихся воскликнул:

— Хо-ло-ший. Очень хо-ло-ший.

— Будем с тобой друзьями, — предложил милиционер.

— Будем друзьями, — сразу же согласился мальчик.

— А как тебя зовут?

— Ва-а-адик, — протянул малыш. — А тебя как?

— Меня зовут дядя Мурад.

— Дядя Мулад, дядя Мулад, — повторил мальчик, чтобы не забыть.

Растерявшаяся и почувствовавшая себя неловко, молодая мать сказала Мураду:

— Товарищ милиционер, извините, пожалуйста. Даю вам слово, что больше никогда не буду пугать сына милицией.

— Ладно, я верю вам, — ответил Мурад. — Согласитесь, ведь нехорошо запугивать милицией молодое поколение. — Затем подумал и наставительно добавил: — Главное, хочу вам посоветовать: никогда не надо обещать детям того, чего не собираетесь делать. Обещанное обязательство должно быть выполнено. Обманывать ребенка нельзя. Вы поняли меня?

— Поняла, все поняла, — ответила женщина.

— Ну и отлично. Договорились. Будьте здоровы!

КИНОЗВЕЗДА

Иногда я завидую тому, кто умеет бездельничать, ничего не делать, быть спокойным и неподвижным, если не считать того, что волей-неволей вращаешься вместе с землей. Врачи советуют уметь поступать так, а я, к сожалению, не умею. Спокойствие еще с детства было выше моих сил. Взять, к примеру, сон. Казалось бы, вот когда можно по-настоящему бездействовать хотя бы несколько часов в сутки! Но у меня так не получается: сплю — и обязательно вижу сон, причем будто работаю физически, делаю что-то чрезвычайно общественно полезное, важное. Но в то же время я и во сне сознаю, что на деле все происходит вовсе не так. И просыпаюсь после такого сна особенно усталым и разбитым.

Умственный труд тоже всюду преследует меня — и во сне, и наяву. Люблю, например, читать чужие мысли. Мессинг, занимающийся угадыванием чужих мыслей, видит в этом хоть какой-то материальный смысл: ему за сеансы платят. Я же делаю это без всякого вознаграждения, но, странное дело, с превеликим удовольствием.

Вот, к примеру, еду иногда в метро, в троллейбусе или в автобусе и, чтобы не остаться без дела, принимаюсь за чтение чужих мыслей. Смотрю внимательно на моих соседей и стараюсь угадать их возраст, профессию, характер... Некоторыми лицами даже люблюсь — они доставляют эстетическое наслаждение. Иные вызывают отвращение — несмотря на то, что их совершенно не знаю, готов держать пари о мере низости, на какую они способны...

Такая работа мысли в пути сокращает расстояние и развлекает, умеряя дорожное нетерпение. И я испытываю немалое удовлетворение, если представится случай, подтверждающий, что я читал мысли правильно. А случаи такие бывают, подчас и забавные.

Вот вам один случай, происшедший в Москве. Когда я вошел в троллейбус на площади Восстания и занял место, девушка, о которой пойдет речь, стояла недалеко от меня. Она была хорошо сложена и довольно красива, но что-то неестественное, птичье было в ее лице, и эта особенность привлекала мое внимание. Она то и дело поглядывала на пассажиров, читающих газеты, и не смотрела на тех, кто не держал их в руках. Меня забавляла эта напускная важность. Я ясно читал ее мысли — чем-то она несказанно гордится... Мне захотелось узнать: чем же?

Когда кто-либо из пассажиров раскрывал газету, девушка внимательно следила за каждым движением его глаз и чаще всего торжествовала... Я нагнул к моему соседу, заглянув в развернутый им свежий номер «Вечерней Москвы». И на одной из газетных страниц я увидел портрет этой самой девушки и даже сумел, на-

прягаясь, прочесть под ним заметку, расточавшую похвалы ее таланту и утверждавшую, что новая молодая кинозвезда обещает в недалеком будущем очень много и т. д. и т. п.

Я еще внимательней взглянул на соседку и заметил, что ее глаза особенно ликуют, когда кто-нибудь тут же, в троллейбусе, вырезает из газеты ее снимок. А делали это, признаться многие. Я не мог понять, в чем дело: неужели ее лицо так нравится людям? Правда, она привлекательна, но... Не слишком ли ее переоценивают?..

В это время вдруг раздался ее тонкий голос, обращенный к стоявшему рядом пожилому пассажиру:

— А знаете, кого вы вырезали? Меня!

«Прорвало гордыню», — подумал я.

Сосед понял ее по-своему.

— Это вы мне? — сказал он. — Что я у вас вырезал?

— Сама видела, не отпирайтесь! — произнесла она с легкой иронией.

— У вас, наверно, здесь не все в порядке, — заворчал он, показывая на лоб. — С кем-то другим меня путаете. Ничего я у вас не вырезал!

Девушка зарделась. У нее словно язык отнялся. А пассажир что-то продолжал ворчать насчет молодых, да ранних.

— Вы меня не поняли... — вымолвила она тихо, сдавленным голосом. — Мне показалось... вы вырезали мой портрет из газеты...

— Какой портрет?! — удивленно спросил он. И, достав из кармана газетную вырезку, развернул ее перед ней. — Я вырезал тиражную таблицу трехпроцентного займа, вот, глядите!

Только и всего!.. Не веря своим глазам, она нагнулась и взглянула на таблицу.

— А портрет ваш мне вовсе ни к чему, — не унимался сосед. — Тысячу лет мне жить — не видеть ни вас, ни вашего портрета!..

Ответ был, конечно, не из вежливых, но, по-видимому, от сердца. Девушка была крайне смущена. Обиженно сжав губы, она тут же вышла из троллейбуса, может быть, не доехав до своей остановки. Ее самовлюбленное величие рассеялось как дым.

Значит, угадал я правильно! Девушка гордилась не в меру, и за это была наказана.

ДРУЗЬЯ

Все село Кутол уже спало. Спал крепким сном Колги Махаз со своей молодой женой, когда в дверь их пацхи осторожно постучали. Махаз вскочил и не одеваясь побежал к двери. Когда он открыл ее, то увидел, что у порога стоит человек. В темноте он не мог разглядеть его лица.

— Добро пожаловать! Заходи! — приветствовал он гостя. Хозяин хотел было вернуться в комнату, чтобы накинуть на себя одежду, но гость остановил его:

— Погоди, не надо! Это я — Беслан. Выйди во двор на минутку, у меня к тебе дело.

— Беслан?! — воскликнул обрадовано Махаз, узнавая друга детства. — Заходи скорей! Я разбужу жену.

— Нет, нет, не надо! Пусть никто не знает о моем приезде. Лучше, если и она не узнает. И потом, я очень спешу.

— А что такое?

— Да ты сначала накинь на себя что-нибудь. Потом я тебе расскажу.

Махаз собрался войти в пацху, чтобы одеться, но его остановил неожиданный скрип кровати. Хозяин и гость застыли в ожидании.

— Это жена. Ты не волнуйся, она не проснется, — успокоил Махаз друга.

— Ради дружбы нашей, прошу тебя, — сказал Беслан, — если ты и не сможешь помочь мне в моей беде, ты хоть сделай так, чтобы никто не знал о моем появлении здесь.

— Хорошо, хорошо, — успокоил его Махаз. — Ты не волнуйся. Мне совсем не холодно, а только так уж очень неудобно стоять тут в одном белье. А ты рассказывай...

И друзья отошли подальше от двери. Махаз внимательно выслушал Беслана.

— Сделаю все, — сказал он, когда Беслан кончил. — Чего бы мне это ни стоило. Сейчас же поеду — на твоём коне. А ты у меня подожди. Да, только вот что... Как одеться, чтоб не разбудить ее?

Оба задумались.

— Знаешь что, — предложил Махаз. — Раздевайся скорей, а я надену твоё платье и поеду. А ты тихонько зайди — направо от двери стоит кровать. Ты ляг и жди.

— Хорошо, — сказал Беслан.

В одежде Беслана Махаз выехал на коне, а Беслан в одном белье бесшумно приоткрыл дверь. Он скользнул в нее, потом притворил — и тут дверь визгливо скрипнула. Беслан в страхе замер... Убедившись, что скрип не разбудил женщину, он стал потихоньку передвигаться вправо, как указал ему Махаз, нащупал в темноте постель, приподнял одеяло и лег, вздохнув с облегчением.

Но в постели кто-то зашевелился.

Беслан застыл в ужасе: неужели рядом с ним, под одним одеялом, жена Махаза — молодая красавица Уша?! Дрожь охватила его. Что делать? Вскочить? Бежать? Но он обязательно на что-нибудь наткнется в темноте, разбудит ее... Что тогда? Все откроется — и он погиб!

Лучше лежать и ждать. Махаз ведь уехал только на несколько часов. Он вернется до рассвета...

Но как горящие уголья жгло его тело Уши. Он вспомнил последнюю встречу с ней на недавней свадьбе Махаза... Сколько прелести в ней! «А что если...» Он гнал от себя преступные мысли — искушение дьявола, они становились все назойливее и не давали ему покоя. Осторожно повернулся он спиной к женщине и, уткнувшись головой в подушку, пытался уснуть.

Вдруг женщина повернулась к нему лицом, ее нежные, теплые руки обвили вокруг его шеи, она прижалась к нему всем телом и принялась жарко целовать. Беслан притворился спящим. Но женщина все теснее прижималась к нему.

— Махаз! — нежно шептала Уша, приблизив свои губы к самому его уху. — Махаз, повернись же ко мне. Ты не хочешь моих ласк? Да ну же, проснись. Беслан не шевельнулся. И Уша вскоре заснула.

Наконец-то он услышал ее ровное дыхание. Часы, тянувшиеся до утра, показались ему вечностью.

Перед самым рассветом вернулся Махаз. Соскочив с коня, он тихонько постучал в двери пацхи. Беслан стремглав выскочил к нему.

— Сделано! — сообщил весело Махаз. — Будь спокоен. — И он начал быстро раздеваться.

Беслан влез в свою одежду, поцеловал друга и ускорился.

Махаз проснулся поздно; жена с трудом разбудила его. Обвив руками его шею и лаская его, она проговорила?

— Милый, ты не заболел? Никогда еще ты так крепко не спал. Что с тобой? Я так долго будила тебя ночью, а ты не проснулся. Я ласкала тебя, а ты все спал. Так крепко спал, что я пожалела тебя и тоже заснула. И теперь я едва разбудила тебя. Ты болен?

— Да нет, я совершенно здоров! — радостно воскликнул Махаз и крепко поцеловал жену.

СИЛЬНЫЕ ОЩУЩЕНИЯ

Явившись по вызову председателя в сельсовет, Нури увидел здесь на веранде группу незнакомых мужчин и женщин, по виду отдыхающих. Некоторые из них были одеты, даже по курортным представлениям, весьма экстравагантно. Председатель представил его гостям и сказал:

— Я позвал именно тебя, Нури, потому что ты — наш лучший охотник и хорошо знаешь дороги в горах. Будь проводником нашим гостям. Они говорят, что хорошо отдохнули у моря, но считают, что этого мало, и перед возвращением домой хотят получить, по их словам, больше сильных ощущений. Что ж, проводи их через скалы Коначхир. Покажи самые красивые, захватывающие дух места.

— Да, да! — подтвердила одна из женщин, одетая в нечто среднее между купальником и казакином, — пусть захватывает дух!..

— И я страсть как хочу сильных ощущений! — задорно поддержала ее другая курортница в брюках и со сверхмодной прической, отвесно, словно утес, вздымавшейся над ее головой. — Таких, чтобы запомнились на всю жизнь.

— Когда же в путь? — деловито спросил Нури; он не любил откладывать выполнение порученных дел.

— Хоть завтра же, — ответили туристы нескладным хором.

На рассвете Нури пришел в гостиницу, где его уже ожидали, и группа тронулась в путь. Он повел гостей по крутому подъему над пропастью. Далеко впереди высились грозные Коначхирские скалы.

Весь день курортники карабкались по кручам и устали до изнеможения. Прогулка в горах им понравилась, хотя, как заявила одна из женщин, особых ощущений еще не пришлось испытать... Туристы уже собирались возвращаться к себе, в гостиницу, как вдруг за одним из поворотов тропинки раздался громкий окрик, повторенный эхом в узком ущелье. За скалой оказалась засада. К ним подошел укутанный в бурку человек, с лицом, полузакрытым башлыком. Он приказал немедленно положить часы и другие ценности, а также оружие на камень. Если кто-нибудь попытается сопротивляться, тот будет сразу же сброшен в пропасть, — предупредил усач. За его плечами показались еще четверо столь же картинно выглядевших горцев.

Делать было нечего. Нури первым отстегнул и положил на камень свой пистолет. Женщины несколько презрительно посмотрели на него и стали снимать часы. Мужчины покорно шарили в карманах своих брюк.

Вскоре на плоском камне выросла небольшая горка из золотых часов, серег, колец, браслетов, портсигаров...

— Теперь идите вниз, не оборачиваясь! — крикнул, по-видимому, атаман. — Первый, кто обернется, получит пулю в лоб. Шагом марш!

Люди гуськом пошли назад по узкой тропинке, не поднимая головы, чуть дыша от пережитого страха.

— Скажите, а далеко ли до ближайшего села? — еле слышно спросил у Нури шедший за ним толстяк, когда они находились уже довольно далеко от места ограбления.

— Теперь уже близко, вон за этим ущельем, — ответил проводник. — Там ходит автобус, и мы на нем вернемся в гостиницу.

Автобусная остановка и впрямь оказалась недалеко. Но машина должна была подойти только через полчаса. Нури предложил зайти к приятелю, который, по его словам, жил здесь же, рядом с автостанцией, и будет рад гостям.

В самом деле, в этом домике путешественников приняли радушно, посочувствовали им, предложили отдохнуть.

— Садитесь, пожалуйста, подкрепитесь стаканом вина и хачапури, — сказал хозяин. — Нури мне рассказал обо всем. Мы с ним уже приняли меры, и, скорей всего, найдем грабителей...

Но гости были мрачны и грустно переглядывались. Никто не притронулся к еде.

— Тогда, может быть, зайдете сюда! — хозяин пригласил их в соседнюю комнату. Каково было удивление гостей, когда, зайдя в эту комнату, они увидели на столе вещи, отобранные бандитами!

— Все это устроил он, — улыбаясь, сказал хозяин дома, указывая на Нури. — Он уговорил своих друзей разыграть нападение, которого в наших местах давным-давно не бывало.

— Зачем? — изумились курортники.

— А затем, чтобы вы долго помнили наши скалы и меня — вашего проводника, — ответил Нури, смотря в глаза курортнице в брюках. — Ведь все вы хотели сильных ощущений, чтобы захватывало дух — так, кажется, было сказано... Вот я и постарался удовлетворить ваше желание. Может быть, немного переборщил, тогда извините!

— Ну что нам было делать? — закончила рассказ об этом происшествии одна из его участниц, моя знакомая москвичка. — Нури понял наши слова по-своему. В горах для него, горца, все слишком обыкновенно. Там он, наверно, не испытывает сильных ощущений. И потому придумал для нас оригинальный фарс с ограблением...

— Значит, все кончилось хорошо, — заключил я. Но словно в ответ лицо ее чуть помрачнело и стало задумчивым.

— Признаться, для меня — не совсем... — проронила она тихо, как бы про себя.

— А что? — заинтересовался я. — Разве вам чего-нибудь не вернули из похищенного?

— Нет, те часики и сейчас у меня на руке. Я оставила там другое...

— Что именно?

— Сердце... Уж больно красив был один из мнимых грабителей!..

ЗАБАВНАЯ ИСТОРИЯ

Чего только не наслушаешься, сидя за чашкой ароматного «мокко» в кафе у самого синего моря!..

Там-то и подсел ко мне однажды этот словоохотливый субъект. Битый час проболтав о том о сем, он под конец попросил выслушать еще одну, как он выразился, весьма забавную историю. Из вежливости я не стал противиться, хотя, признаюсь, его манера выражаться высокопарно и загружать свою речь пустыми словечками вроде «так сказать» и «знаете» меня изрядно раздражала.

— Вы, так сказать, местный, — начал он, — и, я думаю, знаете, что наши свадебные и похоронные обряды многие и теперь соблюдают, как в старину. И в таких, знаете, это делают грандиозных масштабах, столько затрачивают огромных и умопомрачительных, так сказать, денежных ресурсов, что одной семье управиться с расходами бывает просто не под силу. Неслучайно поэтому в таких, как выражались древние римляне, игрищах нередко посильно участвуют односельчане, собирая пожертвования, дабы облегчить материальное положение устроителей обряда.

Вот вам одна из таких историй, правда, не совсем обычная. Но эта черточка и придает ей, так сказать, особый вкус.

Может, вы слышали, а может, и нет — у нас в Маджарке, под Сухуми, не так давно заснула, так сказать, вечным сном теща моего соседа Керима Харагуа. Керим — человек достойный, в летах, в тамошнем колхозе его уважают. Живет в достатке: дом у него двухэтажный, во-круг большой мандариновый сад. Словом, человек солидный. Обычай есть обычай, и односельчане собрали и вручили Кериму четыре тысячи двести рублей, чтобы помочь ему достойно предать земле любимую тещу.

Не успели, однако, люди вынести из дома гроб, как вдруг перед ними, словно из-под земли, вырос другой тещин зять, проживающий в Самтредиа, да как закричит: «Не допущу, чтобы мою драгоценную тещу хоронили в какой-то Маджарке! Я приехал, чтобы увезти ее в Самтредиа и похоронить там, рядом с ее покойным возлюбленным деверем».

Надо сказать, что этот зять был постарше маджарского и к тому же женат на старшей сестре. Поэтому наш маджарский зять, как истый абхаз, вынужден был уступить, и даже, так сказать, презентовать самтредскому зятю вместе с тещей и гроб, прекрасный каштановый гроб. Повезли тещу в этом гробу в Самтредиа. А самтредский зять — тоже очень солидный человек: своя, так сказать, артель, двухэтажный, да еще с цоколем, дом, уйма лаврового листа, «Волга» и все такое прочее. Поэтому его друзья тоже, так сказать, не поскупились, собрали на похороны шесть тысяч сто семьдесят рублей в новом, конечно, масштабе цен и...

— Позвольте, — перебил я рассказчика, — а этот ваш маджарский зять вернул своим односельчанам их пожертвования?

— Что вы, что вы! — заулыбался он. — Как можно! Не принято возвращать пожертвования... Но вы послушайте, что было дальше, и ручаюсь, будете хохотать. Дело в том, знаете ли, что у бедной тещи оказался еще и сын.

— Сын? — переспросил я.

— Ну да, сын. Самый настоящий, родной, так сказать, сын. Живет он, знаете, в Кутаиси. Оказывается, он издавна был на ножах с маджарским зятем, и потому решил носа к ним не показывать. А когда узнал, что мать хоронят в Самтредиа, мгновенно нагрянул туда с ракетной, так сказать, скоростью, появившись в тот самый момент, когда гроб опускали в могилу.

«Что вы делаете? — вскричал кутаисец. — Да как вы смеете?! Не позволю, чтобы прах моей многоуважаемой матери покоился здесь!.. Я предам свою мамашу земле со всеми почестями только у нас, в Кутаиси, рядом с могилкой моего отца!»

Ну, знаете, пришлось самтредскому зятю уступить усопшую тещу ее родному, так сказать, сыну. И поволокли многотрадальную старушку дальше, в Кутаиси.

А сын ее, между прочим, оказался еще авторитетней и солидней, чем маджарские и самтредские родители: занимает человек, так сказать, ответственный пост на какой-то фабрике и отгрохал себе такой домище, в котором могут поместиться оба дома обоих зятьев. Во дворе у него стоят две машины — «Волга» и «Москвич». «Москвич» он купил юной дочери и для нее же строил еще другой дом, знаете, приданое готовит... Словом,

очень, очень солидный человек, миллионер, так сказать, в старом масштабе цен...

Такому человеку его кутаисские родственники, друзья и, так сказать, просто знакомые собрали на похороны ни много ни мало семь тысяч девятьсот рублей. Я сам, знаете, был там — меня пригласил с собой маджарский зять — и слышал, как всенародно оглашали список приношений... Помнится, даже один смешной диалог там произошел. Когда громко выкрикнули фамилию одного из жертвователей и его, так сказать, взнос — девяносто семь рублей, кто-то тихо, но внятно промолвил: «Сказали бы уж: сто!» Читавший список проворчал: «А что — я, что ли, стану вносить за него три рубля?» Все, знаете, расхохотались, а теща лежит, так сказать, рядом в гробу. Просто неудобно стало...

Поначалу я слушал рассказ заинтересованно: он даже показался мне смешным. Но затем, и особенно в конце его, мне стало как-то не по себе.

— Да ведь это черт знает что! — не сдержавшись, возмущенно воскликнул я. — Грабеж среди бела дня! Эти подлецы превратили смерть старушки в своеобразный бизнес. Здесь не смеяться надо, а горькие слезы лить!

— Вот тебе на-а-а! — недоуменно протянул мой собеседник.

Он был явно разочарован таким впечатлением.

Предоставляю читателю решить самому, где в этой, так сказать, забавной истории смех, а где — слезы. Мне кажется, смеха в ней нет ни крупицы. А?

СОДЕРЖАНИЕ

Гость. <i>Перевод С. Трегуба</i>	3
Неудачный момент. <i>Перевод С. Трегуба</i>	7
Аргун Сейдык. <i>Перевод С. Трегуба</i>	11
Отец. <i>Перевод С. Трегуба</i>	16
Пушинка. <i>Перевод С. Трегуба</i>	19
Враги. <i>Перевод С. Трегуба</i>	27
Братья. <i>Перевод С. Трегуба</i>	29
Дорогие гости. <i>Перевод С. Трегуба</i>	40
Две двери. <i>Перевод С. Трегуба</i>	43
Осечка. <i>Перевод С. Трегуба</i>	52
Тот, кто убил лань. <i>Перевод С. Трегуба</i>	54
Советы деда. <i>Перевод С. Трегуба</i>	59
Антица. <i>Перевод С. Трегуба</i>	66
Афырхаца. <i>Перевод С. Трегуба</i>	72

Пуля вылечила. <i>Перевод С. Трегуба</i>	74
Газыри. <i>Перевод С. Трегуба</i>	77
Две просьбы. <i>Перевод С. Трегуба</i>	80
Солнцеокая Альзира. <i>Перевод С. Трегуба</i>	87
Маршан Лашв. <i>Перевод С. Трегуба</i>	91
Данакай. <i>Перевод С. Трегуба</i>	95
Гарсон, пренэ! <i>Перевод С. Трегуба</i>	97
Эсма-Ханум. <i>Перевод С. Трегуба</i>	101
Тесть и зять. <i>Перевод С. Трегуба</i>	109
Хабиба. <i>Перевод С. Трегуба</i>	112
Атырас. <i>Перевод С. Трегуба</i>	114
Кац и Хазан. <i>Перевод С. Трегуба</i>	117
Свадьба. <i>Перевод С. Трегуба</i>	119
Тинати Алмасхан. <i>Перевод С. Трегуба</i>	121
Быстро только заяц бегает. <i>Перевод С. Трегуба</i>	127
Леила и Адамур. <i>Перевод С. Трегуба</i>	130
Армахут. <i>Перевод С. Трегуба</i>	133
Хыхьча. <i>Перевод С. Трегуба</i>	136
Отец и сын. <i>Перевод С. Трегуба</i>	139
Остроумный Чачв Чагу. <i>Перевод С. Трегуба</i>	141
Находчивая Заза. <i>Перевод С. Трегуба</i>	142
Эдги-Джук. <i>Перевод С. Трегуба</i>	143
Обед у скупых. <i>Перевод С. Трегуба</i>	144
Умолкнувший дрозд. <i>Перевод С. Трегуба</i>	145
Коза и волк. <i>Перевод С. Трегуба</i>	146

Хаса. <i>Перевод С. Трегуба</i>	147
Молчанка. <i>Перевод С. Трегуба</i>	154
Проказы Ханифы. <i>Перевод С. Трегуба</i>	156
Наследство. <i>Перевод С. Трегуба</i>	160
Гуси приведут. <i>Перевод С. Трегуба</i>	162
Джара. <i>Перевод С. Трегуба</i>	163
Смотрины. <i>Перевод С. Трегуба</i>	167
Куйейза. <i>Перевод С. Трегуба</i>	170
Мудрый Джесиб. <i>Перевод С. Трегуба</i>	172
Трудовые деньги. <i>Перевод С. Трегуба</i>	175
Тайное письмо. <i>Перевод автора</i>	177
Первая книга. <i>Перевод автора</i>	183
Фамильная реликвия. <i>Перевод автора</i>	204
Даур и Сеид. <i>Перевод автора</i>	208
С горсткой родной земли. <i>Перевод автора</i>	214
Амра. <i>Перевод автора</i>	219
Удав. <i>Перевод автора</i>	227
Завещание. <i>Перевод автора</i>	232
Аджика. <i>Перевод автора</i>	234
Чанагв. <i>Перевод С. Трегуба</i>	236
Девочка из Отхары. <i>Перевод С. Трегуба</i>	240
Говорят, ты стар. <i>Перевод С. Трегуба</i>	243
Лучшая роль. <i>Перевод С. Трегуба</i>	246
Царкваква. <i>Перевод С. Трегуба</i>	250
Аламыс. <i>Перевод С. Трегуба</i>	253

Сын народа. <i>Перевод С. Трегуба</i>	255
Джон Пристли и Шхангерий Бжаниа. <i>Перевод С. Трегуба</i>	257
Спор	261
Продавец винограда. <i>Перевод С. Трегуба</i>	264
Преображение Саиды. <i>Перевод С. Трегуба</i>	266
Ведьма. <i>Перевод С. Трегуба</i>	268
Кьяхь Хаджарат. <i>Перевод С. Трегуба</i>	271
Поминки. <i>Перевод С. Трегуба</i>	276
Шарф Назиры. <i>Перевод С. Трегуба</i>	293
Самшитовая палочка. <i>Перевод С. Трегуба</i>	297
Хлеб-соль. <i>Перевод автора</i>	307
За чашкой кофе. <i>Перевод автора</i>	313
Дик. <i>Перевод автора</i>	317
Леда. <i>Перевод автора</i>	323
Симфония о Рице. <i>Перевод автора</i>	325
Дача Федорова. <i>Перевод автора</i>	331
Мамиа	335
Пропавшее поле. <i>Перевод автора</i>	342
Малакрыфа. <i>Перевод автора</i>	346
Поправка Джарназа. <i>Перевод автора</i>	354
Эстафета. <i>Перевод автора</i>	358
Обещание. <i>Перевод автора</i>	363
Какие бывают зятя. <i>Перевод автора</i>	367
В автобусе. <i>Перевод автора</i>	370

Случай на границе. <i>Перевод автора</i>	372
Сильнее смерти	375
Пари	386
Мутака	393
Милиционер Мурад	397
Кинозвезда	400
Друзья	406
Сильные ощущения	408
Забавная история	412

Михаил Александрович ЛАКЕРБАЙ

АБХАЗСКИЕ НОВЕЛЛЫ

**Перевод с абхазского
автора и С. Трегуба**

*Редактор Б. Нармания
Корректор Г. Рыженкова
Художник А. Лабахуа
Верстка Н. Картозия*

Формат 84x108 $\frac{1}{32}$. Тираж 1000.
Физ. печ. л. 13,25. Усл. печ. л. 22,3.
Заказ №

